

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

ЭТНОСОЦИУМ

и межнациональная культура

№ 8 (194)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, социологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2024

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Рябова Е.Л., Терновая Л.О.

Санитарный кордон: от медицины к геополитике.....	9
<i>Байханов И.Б.</i> Инженерная культура учителя.....	18

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Рыбаков С.В., Атманских Е.А.

К вопросу о новых коммуникационных вызовах.....	27
<i>Храмцова О.Н.</i> Внутрифирменные стратегии снижения негативного экологического воздействия производства изделий из кожи.....	37

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ефремов Н.А. Поворот на восток:

перспективы развития экономики России.....	47
--	----

Бахарев Д.Д. Государственная

жилищная политика в России

в условиях развития системы национального проектирования.....	53
---	----

Полянина А.К. Государственное

управление и гражданский активизм

в сфере обеспечения информационной безопасности личности.....	63
---	----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Бирюкова А.С., Мандрук И.В.

Христианство в системе ценностей современного Китая.....73

Бин Лю Развитие и ценностная
идентификация фильмов малочисленных этнических
меньшинств провинции Хэйлунцзян в эпоху новой глобализации.....104

СОЦИОЛОГИЯ

Бахарев В.В., Демененко И.А.

Мотивационная политика персонала
в стратегии управления человеческими ресурсами.....120

Бахарев В.В., Демененко И.А. Управление человеческими
ресурсами в условиях цифровой трансформации бизнеса.....131

Аннотации.....140

Авторы.....151

**Требования к материалам, представляемым в международное
издательство «Этносоциум»**.....153

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., профессор кафедры политического анализа и управления РУДН, доктор политических наук.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант, военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

Грибанова Г.И., доктор социологических наук, профессор, зав. каф. международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor. Chief researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mihailova N.V., Professor of the Political Analysis and Management PFUR, Doctor of Political Sciences.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and na-

tional security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

Gribanova G.I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department international political processes of St. Petersburg State University.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

С

ОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

*Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет*

Рябова Е.Л.

*Доктор политических наук, главный редактор журнала
«Этносоциум и межнациональная культура».*

Терновая Л.О.

*Доктор исторических наук, профессор,
Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ).*

Санитарный кордон: от медицины к геополитике

Для создания границ всегда существовало множество обстоятельств. Чем более продвинутым оказывалось хозяйство (личное, общественное, государственное), тем важнее было его защищать, причем в первую очередь от ближайших соседей. Далее, чем прочнее государство ощущало собственный суверенитет, тем актуальнее становилась для него охрана границ. При этом нельзя не согласиться с точкой зрения немецкого философа и социолога Георга Зиммеля (1858 – 1918), что, «хотя граница вообще неизбежна, всякая заданная граница может быть пересечена, любое заграждение отодвинуто, каждый барьер взорван, но каждый такой акт находит или создает новую границу¹.

Однако среди этой множественности разграничительных линий все же проглядывается достаточно четкая классификация границ. Разумеется, типология, прежде всего, значима для определения государственной границы. Они разделяются на: морфологические («геометрические», «астрономические», «извилистые» и пр.); естественно-географические (орографические, гидрографические и др.); генетические (антецедентные, «наложенные», реликтовые и т.п.). При этом имеется и более широкий взгляд на типы границ, акцентирующий внимание исследователей на особенностях природных, исторических, этнокультурных, экономических, геополитических границ. Также нельзя не учитывать, что не только «звезды зажигают, если этого кому-то нужно», но и границы всегда устанавливаются с определенной целью. И свою функцию они выполняют более или менее успешно до тех пор, пока в ней не пропадает надобность.

¹ Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. // URL: [livelib.ru:https://www.livelib.ru/book/161088/readpart-izbrannoe-tom-vtoroj-sozertsanie-zhizni-georg-zimmel/~3](https://www.livelib.ru/book/161088/readpart-izbrannoe-tom-vtoroj-sozertsanie-zhizni-georg-zimmel/~3).

Любопытно, что функциональное предназначение у разных по типам границ общее. Всякая граница может выполнять барьерную, контактную и фильтрующую функции. Барьерная — разделяет территории. Контактная — помогает поддерживать единство общего пространства. А фильтрующая функция регулирует проникновение через эту линию потоков людей, товаров, капиталов и даже идей. Граница-фильтр, в частности, устанавливается в периоды массовых эпидемий.

Давно известно, что многие слова, отражающие сложности организации такой медицинской фильтрации, прочно вошли в нашу жизнь, например, «лазарет» и «карантин». Карантинным мерам мы обязаны не только сохранением здоровья, но и замечательным творениям людей из мира литературы и искусства². Так, великое творение гения Возрождения Джованни Боккаччо (1313 – 1375) «Декамерон» переносит читателей в мрачное время эпидемии чумы 1348 г. В новеллах, из которых состоит «Декамерон», рассказывается, как десять благородных юношей и дам, закрывшись от страшной болезни на загородной вилле в двух милях от Флоренции, радуют друг друга прекрасными повествованиями, далекими от страшной болезни³. Самым продуктивным периодом творческой жизни Александра Пушкина (1799 – 1837) справедливо называют его затворничество в имении Большое Болдино из-за объявленного холерного карантина (31 августа – 5 декабря 1830). Именно тогда Пушкиным была завершена работа над «Евгением Онегиным», циклами «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии», написаны поэма «Домик в Коломне», три десятка лирических стихотворения и ряд критических статей⁴.

В мире за несколько лет до Болдинской осенив практику вошел термин «санитарный кордон», обозначающий тогда установление границы распространения желтой лихорадки и недопущение проникновения заболевания из Испании во Францию. В 1821 г. по распоряжению герцога де Ришелье (1766 – 1822), первого министра правительства Людовика XVIII, французские войска были размещены на франко-испанской границе в Пиренейских горах. Справедливости ради, и до появления этого понятия такие меры неоднократно предпринимались: в 1523, 1655, 1813 – 1814 гг. на Мальте — оба раза из-за вспышек чумы; во время Северной войны (1700 – 1721) также из-за чумы периодически закрывались разные европейские территории; в 1770 г. чума опять стала

2 Багаева А.В., Терновая Л.О. Центральноевропейские религиозно-этические и социально-политические смыслы памяти о чуме // Социология. 2022. № 2. С. 5-13.

3 Боккаччо Дж. Декамерон. – М.: Азбука, 2023.

4 Визель М. Пушкин. Болдино. Карантин. Хроника самоизоляции 1830 года. – М.: Бослен, 2020.

причиной контроля пересечения границы между Австрией и Османской империей.

Все подобные меры себя оправдывали. Это позволяло задумываться о введении международных правил установления санитарного кордона и создании особых международных заградительных зон. В 1869 г. Адриан Пруст (1834 – 1903), французский врач-гигиенист, профессор медицинского факультета в Париже, автор популярного «Трактата о гигиене» и отец писателя Марселя Пруста высказал предложение об организации международного санитарного кордона в целях борьбы с распространением холеры, пришедшей из Индии и угрожавшей Европе и Африке. Пруст считал целесообразным все суда, которые направлялись в Европу из Индии и Юго-Восточной Азии, помещать на карантин в Суэцком порту. Но это предложение не было поддержано властями.

Можно удивляться, почему, несмотря на очевидную эффективность таких фильтрационных мер, долгое время не было никаких международных рекомендаций по пресечению распространения эпидемий. Один из ответов на этот вопрос состоит в том, что на протяжении всего прошлого столетия неуклонно шло расширение прав человека, а эти меры воспринимались как ограничительные и противоречащие правам и свободам человека. Только в 1984 г. Сиракузским международным институтом уголовного правосудия (итал. *Istituto Superiore Internazionale di Scienze Criminali, ISISC*) было разработано руководство, регламентирующее, когда и как могут быть ограничены права человека для предотвращения распространения инфекционных заболеваний. Хотя Сиракузские принципы являются документом, не имеющим обязательной силы, они были приняты Экономическим и Социальным советом ООН (ЭКОСОС).

В Сиракузских принципах подчеркивается, что в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах (1966) ограничения прав человека должны соответствовать стандартам законности, доказательной необходимости, пропорциональности и постепенности. Там же отмечается, что общественное здравоохранение может использоваться в качестве основания для ограничения определенных прав, если государству необходимо принять меры, «направленные на предотвращение заболеваний или травм или обеспечение ухода за больными и ранеными»⁵.

⁵ «Сиракузские принципы о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном пакте о гражданских и политических правах» // URL: <https://european-court-help.ru/wp-content/uploads/2020/04/opensocpdf-1.pdf>.

Согласно Сиракузским принципам, ограничения прав, включая санитарный кордон, вводятся ввиду строгой необходимости, что означает, что они должны:

- реагировать на насущные общественные потребности (здравоохранение);
- пропорционально преследовать законную цель (предотвращает распространение инфекционных заболеваний);
- быть наименее ограничительным средством, требуемым для достижения цели ограничения;
- быть предусмотренными и осуществляться в соответствии с законом;
- не являться ни произвольными, ни дискриминационными;
- ограничивать права лишь в пределах юрисдикции государства, стремящегося ввести ограничение.

Помимо этого, этика общественного здравоохранения при введении санитарного кордона, определяет, что:

- все ограничительные действия должны быть тщательно подкреплены данными и научными доказательствами;
- вся информация должна быть доступна общественности;
- все действия обязаны быть четко объяснены тем лицам, чьи права ограничены, а также общественности;
- все вводимые действия должны регулярно пересматриваться по мере необходимости.

Значительная нагрузка в выполнении этих положений ложится на государство, которое морально обязано гарантировать, что:

- инфицированным людям не будут угрожать или они не будут подвергаться жестокому обращению;
- этим лицам будут обеспечены основные потребности, такие как еда, вода, медицинское обслуживание и профилактический уход;
- будет разрешено их общение с близкими и с лицами, осуществляющими уход;
- в равной степени, независимо от социальных соображений будут применяться ограничения свободы;
- пострадавшие получают справедливую компенсацию за экономические и материальные потери, включая заработную плату.

Такое ограничение свободы передвижения, как санитарный кордон, создает и в самом этом пространстве, и вокруг него атмосферу высокого психологического напряжения. Неудивительно, что это состояние пы-

таются передать писатели и кинематографисты. Одним из самых ярких художественных переосмыслений санитарного кордона следует назвать роман-притчу Альбера Камю «Чума» (фр. *La Peste*, 1947)⁶. Несмотря на то, что сюжетная линия этого произведения разворачивается в период эпидемии в алжирском городе Оране, автор подчеркивал, что главное в романе — это борьба против нацизма и фашизма, который называли «коричневой чумой».

Имеется и идейно-поведенческая реакция части населения, оказавшегося в закрытой по санитарным соображениям зоне, проявляемая в форме открытого или завуалированного протеста. Одной из таких разновидностей протестного поведения стало ковид-диссидентство в период пандемии коронавирусной инфекции⁷.

Столкновение в санитарном кордоне влияний двух фронтов — болезни и сопротивления ей — послужило основанием для перенесения этой драматичной коллизии в мир геополитики. Медицинские метафоры давно укоренились в политической лексике: болезни общества, диагноз, безумие, сумасшествие, изоляция, дистрофия, истерия, ма-разм, бешенство, паранойя, отравка, вирус, яд, лекарство и многие др.⁸ Со времен Крымской войны (1853 – 1855) расхожим стало выражение «Больной человек Европы» (англ. *sick man of Europe*), относящееся к европейскому государству, переживающему длительный кризис. В 1926 г. накануне майского переворота в Польше с подачи главы правительства Юзефа Пилсудского (1867 – 1935) была провозглашена ценность «моральной санации» (пол. *Sanacja* от лат. *sanatio* «оздоровление»). Карл Манхейм (1893 – 1947), английский социолог и философ австрийского происхождения, один из основоположников направления социологии

6 Камю А. Чума. – М.: Neoclassic, 2024.

7 Вознесенский И.С., Миронова Т.А., Терновая Л.О. Developing Resistance To The Challenges Of Higher Education Sustainability In Covid-19 Conditions // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Conference on Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (SCTCMG 2021) / 19 – 21 March, 2021. Grozny, Chechen Republic, Russia. Edited by Dena Karim-Sultanovich Bataev. Volume 117. P. 1525-1530; Терновая Л.О. Влияние ковид-диссидентства на развитие молодежного протеста // Молодежь в современном мире: проблемы и перспективы. Сборник материалов XVII Международной научно-практической Интернет-конференции 25 – 26 марта 2021 г. / Башкирский институт социальных технологий (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» — Центр ЮНЕВОК в Российской Федерации, член сети Ассоциированных школ ЮНЕСКО. Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВО (АТиСО), 2021. С. 194-197; Терновая Л.О. Ковид-диссидентство — продукт социального государства и выражение его кризиса // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности». XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс, 2021. (Электронное издание комплексного распространения). С. 1033-1036.

8 Балашова Л.В. Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX – XXI вв. (динамический аспект) // Политическая лингвистика. 2018. № (68). С. 10-17; Кочеткова Т.В. Медицинская терминология в аспекте политических оценок происходящего // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2016. Том 6. № 1. С. 71-72.

знания емко назвал свою работу «Диагнозом нашего времени»⁹. В этом ряду геополитических аллегорий метафорическое прочтение санитарного кордона представляется более чем логичным.

Его первоначальный геополитический смысл, относящийся к группе лимитрофных восточноевропейских государств и стран Балтии¹⁰, объединенных эгидой Британии и Франции после Первой мировой войны, и прихода в России к власти большевиков, в тот период был очень близок к медицинским попыткам защитить государства санитарными кордонами от пандемии «испанки» (фр. *grippe espagnole* или исп. *gripe española*)¹¹. На концептуальное значение «санитарного кордона» в Версальско-Вашингтонской системе международных отношений указывал в «Дипломатии» Генри Киссинджер (1923 – 2023), подчеркивая, что эта граница позволила оторвать Россию от Европы¹².

Даже через сто лет после этих событий исследователи спорят по поводу геополитической эффективности «версальского» санитарного кордона. Ряд исследователей сомневается в том, что система «санитарного кордона» работала эффективно. В частности, Андре Фонтен (1921 – 2013) французский историк и журналист, отстаивал точку зрения, что холодная война фактически началась в 1917 г. с политики «санитарного кордона»¹³. С этой оценкой можно согласиться, поскольку западные союзные державы до открытия Второго фронта активно прорабатывали идеи образования федераций малых государств Центральной, Юго-Восточной и Северной Европы, которые бы, находясь по влиянием Запада, удерживали «санитарный кордон», отделяющий «свободный мир» от СССР.

Имеется и еще один аргумент в поддержку позиции Фонтена. Сразу же после «бархатных революций» 1989 г. в бывших европейских социалистических странах, атмосфера «санитарного кордона» была восстановлена, а связующие нити с Советским Союзом в виде Организации Варшавского Договора (ОВД) и Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) были разорваны¹⁴.

Геополитический «санитарный кордон», как и его медицинский ана-

9 Манхейм К. Диагноз нашего времени: [Сборник : Пер. с нем. и англ.]. – М.: Юрист, 1994.

10 Почс К. «Санитарный кордон»: прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921 – 1929 гг.) / Латвийский гос. ун-т. Рига: Зинатне, 1985.

11 Барри Дж. Испанка: История самой смертоносной пандемии / Пер. А. Анваера. – М.: Альпина Паблишер, 2021.

12 Киссинджер Г.А. Дипломатия [Пер. с англ.] / Послел. Г.А. Арбатова, с. 824 – 828]. – М.: Ладомир, 1997.

13 Fontaine A. Histoire de la guerre froide 1: De la Révolution d'octobre à la guerre de corée, 1917 – 1950. Paris: Arthème fayard, 1965.

14 Лукин В.В., Уткин А.И. Россия и Запад: общность или отчуждение? – М.: САМПО, 1995.

лог, представляют собой явления временные. В здравоохранении необходимость в подобном барьере исчезает с искоренением заболевания. В международной практике ситуация гораздо сложнее. Во-первых, для установления и удержания этого барьера нужны немалые средства: экономические, идеологические, военные. Как правило, сами территории, попадающие в такую зону фильтрации, этими средствами не обладают. Более того, значительная часть таких государств исторически играет транзитную роль и получает от этого немалую выгоду. Закрытость с одной стороны торгового, экономического потока приводит к прямым убыткам. Но есть и косвенные потери, касающиеся того, что с потоками товаров и капиталов обычно сливаются потоки людей и идей. И они не в меньшей степени, чем материальные ценности обогащают культуру транзитных стран. Во-вторых, эти ослабленные экономически и духовно территории продолжают оставаться лакомыми пространствами для более мощных государств, контролирующих политику «санитарного кордона». Сейчас эта политика проявляется в прямой интеграции стран этой зоны в Североатлантический альянс и Европейский союз (ЕС), составлявших такой «санитарный кордон» и объединяемых в региональные организации, наподобие: ГУАМ (Организация за демократию и экономическое развитие, представленная Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдавией); проекта Европейского союза «Восточное партнерство» (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия, Украина); Люблинского треугольника (лит. *Liublino trikampis*, пол. *Trójkąt Lubelski*, укр. Люблінський трикутник; Украина, Польша, Литва). Запад перестает видеть смысл вложения усилий в эти декоративные союзы, устроенные по принципу «санитарных кордонов».

Самонадеянность всегда губительна. Геополитическая самонадеянность не только не есть исключение из этого правила, а выступает его гипертрофированным подтверждением. Как только акторы, устанавливающие «санитарный кордон», начинают более активно раскрывать его границы со своей стороны и вовлекать государства и общество этих стран в свои структуры, так у их лидеров и части общественности, вышедших из режима «санитарного кордона», начинает проявляться «головокружение от успеха». Они позиционируют себя не просто как геополитическую ценность, а как носителей уникального опыта и «тайных» знаний, как выстраивать политику по отношению к соседу, от которого были призваны отгораживать другой, более совершенный мир.

Начавшийся процесс деглобализации, носящий объективный характер

и отражающий переход к новой волне мирового развития, для которой характерно не безоглядное стремление суверенных акторов к поддержке взаимозависимости, а углубление регионализации, трансрегионализации и кроссрегионализации, вызвал два противоречивых момента.

Первый, заключающийся в том, что столкнулись два типа интересов: экономический и идеологический. Экономически деглобализация выгодна США, получившим наибольшие дивиденды от глобализации. Тогда как глобалистская элита идеологически не готова отказаться от проекта глобализации и пытается мобилизовать новых, неэкономических игроков для участия в нем. Здесь очевидны усилия по поощрению «зеленых», нетрадиционных меньшинств, левых бунтарей и пр. социальных активистов к переписыванию старого сценария «мировой революции».

Второй момент состоит в том, что четкого видения, как будет далее разворачиваться деглобализация, ни у кого нет. Поэтому у тех геополитических акторов, которые больше остальных сожалеют об утрате выгод от глобализации, особенно ценными становятся такие инструменты управления, которые позволяют замораживать непонятные и кажущиеся опасными тенденции мирового и регионального развития или огораживать пространство их проявлений. Одним из таких инструментов оказывается санитарный кордон.

Список литературы:

1. Багаева А.В., Терновая Л.О. Центральноевропейские религиозно-этические и социально-политические смыслы памяти о чуме // Социология. 2022. № 2. С. 5-13.
2. Балашова Л.В. Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX – XXI вв. (динамический аспект) // Политическая лингвистика. 2018. № (68). С. 10-17.
3. Барри Дж. Испанка: История самой смертоносной пандемии / Пер. А. Анваера. – М.: Альпина Паблишер, 2021. 736 с.
4. Бокаччо Дж. Декамерон. – М.: Азбука, 2023. 800 с.
5. Визель М. Пушкин. Болдино. Карантин. Хроника самоизоляции 1830 года. – М.: Бослен, 2020. 192 с.
6. Вознесенский И.С., Миронова Т.А., Терновая Л.О. Developing Resistance To The Challenges Of Higher Education Sustainability In Covid-19 Conditions // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Conference on Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (SCTCMG 2021) / 19 – 21 March, 2021. Grozny, Chechen Republic, Russia. Edited by Dena Karim-Sultanovich Bataev. Volume 117. P. 1525-1530.
7. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 392 с. // URL: <https://www.livelib.ru/book/161088/readpart-izbrannoe-tom-vtoroj-sozertsanie-zhizni-georg-zimmell/~3>.
8. Камю А. Чума. М.: Neoclassic, 2024. 384 с.
9. Киссинджер Г.А. Дипломатия [Пер. с англ.] / Послесл. Г.А. Арбатова, с. 824 – 828. – М.: Ладомир, 1997. 847 с.
10. Кочеткова Т.В. Медицинская терминология в аспекте политических оценок происходящего // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2016. Том 6. № 1. С. 71-72.
11. Лукин В.В., Уткин А.И. Россия и Запад: общность или отчуждение? – М.: САМПО, 1995. 148 с.
12. Манхейм К. Диагноз нашего времени: [Сборник : Пер. с нем. и англ.]. – М.: Юрист, 1994. 700 с.
13. Почч К. «Санитарный кордон»: прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921 – 1929 гг.) / Латвийский гос. ун-т. Рига: Зинатне, 1985. 175 с.
14. «Сиракузские принципы о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в международном пакте о гражданских и политических правах» // URL: <https://european-court-help.ru/wp-content/uploads/2020/04/opensocpdf-1.pdf>.
15. Терновая Л.О. Влияние ковид-диссидентства на развитие молодежного протеста // Молодежь в современном мире: проблемы и перспективы. Сборник материалов XVII Международной научно-практической Интернет-конференции 25 – 26 марта 2021 г. / Башкирский институт социальных технологий (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» — Центр ЮНЕВОК в Российской Федерации, член сети Ассоциированных школ ЮНЕСКО. Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВО (АТиССО), 2021. С. 194-197.

16. Терновая Л.О. Ковид-диссидентство — продукт социального государства и выражение его кризиса // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности». XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс, 2021. (Электронное издание комплексного распространения). С. 1033-1036.
17. Fontaine A. Histoire de la guerre froide 1: De la Révolution d'octobre à la guerre de corée, 1917 – 1950. Paris: Arthème fayard, 1965. 496 p.

Bibliography

1. Bagaeva A.V., Ternovaya L.O. Central European religious-ethical and socio-political meanings of the memory of the plague // Sociology. 2022. № 2. P. 5-13.
2. Balashova L.V. Medical conceptual metaphor in the political media discourse of the 20th - 21st centuries (dynamic aspect) // Political linguistics. 2018. № (68). P. 10-17.
3. Barry J. Spanish Flu: The History of the Deadliest Pandemic / Trans. A. Anvaer. – М.: Alpina Publisher, 2021. 736 p.
4. Boccaccio J. Decameron. – М.: Azbuka, 2023. 800 p.
5. Vizel M. Pushkin. Boldino. Quarantine. Chronicle of Self-Isolation in 1830. – Moscow: Boslen, 2020. 192 p.
6. Voznesensky I.S., Mironova T.A., Ternovaya L.O. Developing Resistance To the Challenges Of Higher Education Sustainability In Covid-19 Conditions // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Conference on Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (SCTCMG 2021) / 19 – 21 March, 2021. Grozny, Chechen Republic, Russia. Edited by Dena Karim-Sultanovich Bataev. Volume 117. P. 1525-1530.
7. Simmel G. Selected Works. Contemplation of Life. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. 392 p. // URL: livelib.ru:https://www.livelib.ru/book/161088/readpart-izbrannoe-tom-vtoroj-sozertsanie-zhizni-georg-zimmel/~3.
8. Camus A. The Plague. Moscow: Neoclassic, 2024. 384 p.
9. Kissinger G.A. Diplomacy [Translated from English] / Afterword by G.A. Arbatova, p. 824 – 828. – Moscow: Ladomir, 1997. 847 p.
10. Kochetkova T.V. Medical Terminology in the Aspect of Political Assessments of Events // Bulletin of Medical Internet Conferences. 2016. Vol. 6. № 1. P. 71-72.
11. Lukin V.V., Utkin A.I. Russia and the West: Community or Alienation? – Moscow: SAMPO, 1995. 148 p.
12. Mannheim K. Diagnosis of Our Time: [Collection: Translated from German and English]. – Moscow: Jurist, 1994. 700 p.
13. Pochs K. "Sanitary Cordon": the Baltic Region and Poland in the Anti-Soviet Plans of English and French Imperialism (1921–1929) / Latvian State University. Riga: Zinatne, 1985. 175 p.
14. "The Syracuse Principles on the Provisions Concerning Limitation and Derogation of Rights in the International Covenant on Civil and Political Rights" // URL: <https://european-court-help.ru/wp-content/uploads/2020/04/opensocpdf-1.pdf>.
15. Ternovaya L.O. The Impact of Covid Dissidence on the Development of Youth Protest // Youth in the Modern World: Problems and Prospects. Collection of materials of the XVII International Scientific and Practical Internet Conference March 25-26, 2021 / Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the OUP VO "Academy of Labor and Social Relations" - UNEVOC Center in the Russian Federation, member of the UNESCO Associated Schools Network. Ufa: Publishing house of BIST (branch) of the OUP VO (ATiSO), 2021. P. 194-197.
16. Ternovaya L.O. Covid Dissidence - a Product of the Welfare State and an Expression of Its Crisis // Modern Society in the Context of Socioeconomic Uncertainty. XV International Scientific Conference "Sorokin Readings": Collection of materials. – М.: MAKS Press, 2021. (Electronic publication of complex distribution). P. 1033-1036.
17. Fontaine A. Histoire de la guerre froide 1: De la Révolution d'octobre à la guerre de corée, 1917 – 1950. Paris: Arthème fayard, 1965. 496 p.

Байханов И.Б.

Доктор педагогических наук, ректор
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»,
г. Грозный, Чеченская Республика.

Инженерная культура учителя

С середины XIX столетия, после завершения серии революций, также известных под общим названием «Весна народов», начиналось масштабное переформатирование системы международных отношений. Одним из первых силовых актов этого процесса стала Австро-прусская война (1866). После решающего сражения при Садове Оскар Пешель, лейпцигский профессор географии в газете «Заграница» (нем. *Das Ausland*) написал: «Народное образование играет решающую роль в войне. Когда пруссаки победили австрийцев, это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем»¹. Этот хлесткий вывод показался современникам, а еще более — потомкам, настолько точным, что авторство фразы стало приписываться канцлеру Отто фон Бисмарку.

Заметим, что представление о высоком социальном положении персоны, высказавшей эту мысль, было, хотя и ошибочным, но в то же время допустимым, если исходить из значимости понимания в разные эпохи того, кем, где и в каких условиях закладывается успех государства. И кто бы ни внес решающий, яркий, неповторимый вклад в этот успех, за ним стояли его знания, умения, навыки, убеждения. Но главное, при принятии важнейших решений он опирался на ту картину мира, которую никогда бы не сформировал без учителей.

Поэтому самым простым критерием благосостояния, устойчивости, будущности любого государства может служить положение учителя в нем. Критическое положение учителя указывает на глубинные кризисные процессы в обществе и государственном управлении. Именно об этом размышлял Владимир Ленин 27 апреля (10 мая) 1913 г. в статье «К вопросу о политике министерства народного просвещения (дополнения к вопросу о народном просвещении)», где и замечал, что «русские народ-

¹ Душенко К. Битву при Садовой выиграл прусский школьный учитель // История знаменитых цитат. КоЛибри, 2018.

ные учителя загнаны, как зайцы!»² И, наоборот, достижения лучших советских периодов измерялись, в том числе, блестящими кинолентами, отражающими и прославляющими труд учителя. Достаточно назвать ленту «Путевка в жизнь», снятую режиссером Николаем Экком, получившую в 1932 г. награду I Международного кинофестиваля в Венеции за лучшую режиссерскую работу и прошедшую по экранам 107 стран мира.

О радостях и сложностях учительского труда написано множество самой разной литературы. И это оправданно. Несмотря на то, что смыслы этого призвания остаются вечными, их воплощение всякий раз требует от учителя превзойти своих предшественников. Каждый новый период прибавляет новые грани в огранке образа педагога, в его профессиональной культуре и наборе компетенций. В античный период, когда смыслы понятия «культура» (лат. *cultura* — возделываю, обрабатываю землю) были транслированы из области сельского хозяйства на нравственную сторону человеческих отношений, они все же сохраняли главную ценность культуры как процесса взращивания. Хотя речь уже шла не о победах, а о юношестве, приобщаемом не только к знаниям, но и к принятым моделям поведения.

Это понимание значимости всей культуры, включая педагогическую, было очень устойчивым. Оно начало трансформироваться только с наступлением эпохи Промышленной революции. Тогда в ней новыми красками заиграли технологические компоненты, позволяющие педагогу благодаря их применению, обучать и направлять в жизнь молодых людей, заряженных на трансформацию техники, среды, общества, государства...

Информационная, а следом за ней и цифровая революция потребовали найти в этом бешеном ритме перемен точку остановки. В теории синергетики ее окрестили точкой бифуркации (лат. *bifurcus* — раздвоенный) за множественность вариантов качественных перестроек всяческих объектов в зависимости от трансформаций их отдельных параметров. В системе образования в этой точке скопился потенциал грандиозного прорыва в новый технологический уклад. Но оказалось, что проход учеников через такую точку бифуркации невозможен без проводника. А его главную роль, несмотря на все цифровые предложения в виде искусственного интеллекта и многочисленных сторонних наставников, коучей, тренеров и пр., по-прежнему приходится играть школьному учителю. Однако сценарий прорыва оказался прописанным для учителей исключительно

2 Ленин В.И. К вопросу о политике министерства народного просвещения (дополнения к вопросу о народном просвещении) // URL: <https://www.livelib.ru/book/123715/read-polnoe-sobranie-sochinenij-tom-23-mart-sentyabr-1913-vladimir-lenin/~50>.

плохо. Сценическая задача не ясна. Работа с учителями, наподобие работы режиссера с актером над ролью, сведена по большей части к инструкциям и отчетам.

При этом ситуация не так трагична, как может показаться. Вспомним, что основной движущей силой нелинейных процессов становится самоорганизация. Самоорганизация педагогической культуры в условиях цифровых перемен происходит благодаря усилению ее инженерной компоненты³. Суть этой компоненты выражена ее наименованием: в латыни *ingenium* — это способности и изобретательность.

Какие же способности должен открыть и развить в себе современный учитель, чтобы помочь своим воспитанникам увидеть не только фантастическую картину будущего, но и понять, как им в эту картину вписаться? Для этого учителю важно сформировать собственные педагогические компетенции.

Первая из них: технологически-природосообразная, т.е. не просто экологически детерминированная, а и технологически передовая. Любой разрыв этой связки губителен. Крен в сторону экологии грозит погружением во тьму, что например, на словах приветствуют немецкие «зеленые» из правящей в ФРГ коалиции. Неконтролируемое движение в сторону технизма способно привести человечество к катастрофе иного порядка, но не менее губительной.

Вторая компетенция — проектная, определяющая способность видеть реальную цель, намечать пути ее достижения, планировать продвижение к ней, понимать, что придет на смену этой цели после ее завоевания, а главное, развивать не только эмоциональный, но и темпоральный интеллект⁴.

Третья компетенция — конструкторская, заключенная в умении создавать новые модели преобразовательной деятельности. Например, не сетовать на необходимость введения дистанционного обучения, а нахо-

³ Бичева И.Б., Китов А.Г. Теоретические аспекты развития инженерной культуры обучающихся // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18692>; Большакова З.М., Тулькибаева Н.Н. Содержание инженерной культуры // Препедвтика формирования инженерной культуры учащихся в условиях модернизации российского образования: сборник статей. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. С. 19-21; Евпова Е.В. Инженерная культура как составляющая конкурентоспособности будущего специалиста // Препедвтика формирования инженерной культуры учащихся в условиях модернизации российского образования: сборник статей. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. С. 55-57; Кузнецов В.В. Процесс развития педагогической культуры инженерно-педагогических работников // Проблемы повышения академического уровня высших учебных заведений и региональных образовательных систем: тезисы докладов Российской научно-практической конференции по инновациям в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании, 9 – 11 декабря 1996 г., г. Екатеринбург. Ч. 2 / Урал. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург: Издательство УГППУ, 1996. С. 12-13; Червова А.А., Смирнова О.А. Модель формирования инженерной культуры будущих учителей технологии // Наука и школа. 2010. № 5. С. 44-45.

⁴ Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97

дять в нем те преимущества, которых не может быть в уроках офлайн.

Четвертая компетенция вытекает из третьей. Благодаря моделирующей компетенции появляется возможность с легкостью преобразовывать знания и умения учеников, полученные в одной области, в познавательный процесс в другом учебном предмете. Именно на этом построена концепция трансдисциплинарности (междисциплинарности), без следования которой сейчас невозможно освоить ни одну область знаний⁵.

Пятая компетенция — информационная, позволяющая не отгораживаться от цифрового потока и не тонуть в нем, а использовать его предложения пользователям как «золотую рыбку», помогающую понять свои подобиности и реализовать их.

Шестая компетенция — визуальная, благодаря которой не только у обучающихся каналы получения знаний настроены на осмысление расширяющегося визуального контента, но и сами педагоги овладели новыми графическими знаниями и навыками в этой области, например, методом кластеров («гроздьев»), также часто называемым «наглядным мозговым штурмом».

Выработка вкуса к инженерной культуре, готовность учителя ее применять, работая со школьниками всех возрастов, в наши дни становится не только педагогическим, но и государственным императивом. Несмотря на очевидные успехи Российского государства в обретении технологического суверенитета, угроза потери почти половины научно-технологического потенциала не преодолена. Эксперты предупреждают об опасности уже в ближайшее время сокращения числа ученых и разработчиков на 40%⁶.

В качестве действенного инструмента преодоления данной угрозы предлагается федеральный проект «Передовые инженерные школы (ПИШ)». На его старте в 2022 г. 30 российских университетов из 15 регионов стали участниками по итогам конкурсного отбора. Затем к ним прибавились еще два десятка таких школ, а число регионов-участников программы достигло 23. В начале проекта к нему подключились свыше 160 технологических компаний, а к концу 2024 г. их число должно вырасти до 290. Пока инженерные школы готовят специалистов по двадцати направлениям, среди них: «Двигателестроение», «Медицинское

5 *Вражнова М.Н., Терновая Л.О.* Междисциплинарный подход в преподавании проблем управления персоналом: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2020; *Вражнова М.Н., Терновая Л.О.* Национальный проект «Кадры» и новые задачи курса «Основы кадровой безопасности» // Альманах Казачество. 2024. № 76(95). С. 13-22.

6 *Сергеев М.* Россия может потерять 40% научно-технологического потенциала // Независимая газета. 2024. 8 апреля.

приборостроение», «Атомное машиностроение», «Авиационная и ракетно-космическая техника» и др. Но самая высокая потребность имеется в инженерах по гражданскому строительству, геодезистах, картографам и топографам, проектировщиках-градостроителях, проектировщиках транспортных узлов, инженерах-электрониках, инженерах-химиках и инженерах-электриках⁷.

На ПИИШ возлагаются надежды, что они ускорят и усилят подготовку инженерных кадров высокой квалификации и по наиболее востребованным направлениям. Однако если обратиться к цифрам, то выяснится, что к середине 2023/2024 учебного года количество обучающихся по данной форме высшего образования составляло всего около шести тысяч человек. До конца уже календарного 2024 г., планируется вовлечь в профориентационные программы, развернутые на площадках ПИИШ, свыше одиннадцати тысяч учащихся средних школ. Это при том, что количество школьников в России приближается к девятнадцати миллионам. Помимо ПИИШ свыше 350 университетов из 78 регионов России принимают участие в федеральном проекте «Платформа университетского технологического предпринимательства».

Еще одна проблема, опасность которой ярко передают цифры, указывает на расхождение линий востребованности специалистов и готовности выпускников школ двигаться в этом направлении. Так, в 2023 г. почти 200 из 360 тыс. бюджетных мест в наборе первокурсников высших учебных заведений было выделено на технические, физико-математические и направления, связанные с ИТ. При этом доля выпускников школ, выбирающих основные предметы для поступления на эти такие направления, прежде всего, профильную математику и физику, неуклонно снижается⁸. Безусловно, предпринимаются меры по преодолению этого растущего разрыва. Появилась федеральная сеть центров образования «Точки роста». Эта тема стала активно дискутироваться в СМИ. О новых подходах к привлечению инженерных кадров задумались HR-службы предприятий и уже пытаются такие подходы реализовывать.

Количественные параметры, реально подтверждающие кризисное состояние инженерного образования в стране, особенно трагично воспринимаются на фоне такого значимого качественного параметра, как ресурс времени. Выше отмечалась новая компетентностная проектная компонента инженерной культуры педагога, включающая наличие у него

7 Соловьева О. Правительство России займется воспроизводством технарей // Независимая газета. 2024. 19 февраля.

8 Илюхин Б. Ждать сдачи // Известия. 2024. 14 февраля.

высокого темпорального интеллекта. Во многом основы этого типа интеллекта заложены и в дидактике, начиная с Яна Амоса Коменского, и в практике организации учебного процесса на всех образовательных ступенях⁹. Не только невиданными ранее темпами ускоряется научно-технический прогресс, все быстрее осуществляется полураспад знаний инженера. В годы индустриализации такой процесс занимал около 35 лет. Это не требовало постоянного обновления знаний. Достаточно стабильной была и технологическая картина мира. Даже писатели-фантасты не предлагали своим читателям того, что невозможно было вообразить. Однако уже к 1960-м гг. время полураспада знаний инженера сократилось вдвое. Сейчас же специалисты уверяют, что этот период сжался до двух – пяти лет, а если затронуть новые диджитал-профессии, то там этот полураспад произойдет еще быстрее.

Еще в позапрошлом столетии математик и писатель Льюис Кэрролл в «Алисе в Зазеркалье» вывел «Закон Черной королевы» (англ. *Red Queen hypothesis*), заключающийся в том, что даже для того, чтобы оставаться на месте, бежать надо в два раза быстрее. Могут ли современные учителя при всей их загруженности соответствовать этому закону и демонстрировать ученикам и свою погруженность в современный технологичный мир, и показывать несомненное превосходство будущей работы в этой сфере? Ответ на этот вопрос исключительно положительный. Сама же инженерно-техническая область помогает превзойти «эффект Черной королевы». Например, в некоторых странах учителя уже проверяют контрольные работы с помощью искусственного интеллекта (ИИ). В Китае учителя для проверок используют нейросеть *ZipGrande*. В Австрии около половины учителей обращаются к *ChatGPT*, не только для проверки выполненных работ, но и в повседневной школьной жизни¹⁰. Некоторые наиболее смелые эксперты уверены, что вскоре в учебный процесс будут вовлечены нейропреподаватели, призванные играть роль помощников учителя и репетиторов. Они дадут возможность учителям переключиться на творческие компоненты работы с учениками и сделать ее более индивидуализированной.

Безусловное преимущество экономики знаний заключается в ее способности быстро, безболезненно и почти незаметно сократить гендерный раздел профессий на «мужские» и «женские»¹¹. Инженерная педагогиче-

9 Вознесенский И.С., Терновая Л.О. Университетские темпомеры: особенности социального времени студента // Миссия конфессий. 2024. Том 13. Часть 4 (№77). С. 48–54.

10 Гуреева Ю. Учителя стали привлекать нейросети для проверки контрольных // Российская газета. 2024. 12 февраля.

11 Терновая Л.О. Гендерная социология: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2024; Терновая Л.О. Гендерная социология: женское движение в ответах на «женский вопрос». – М.: ИНФРА-М, 2020.

ская культура представляет собой продукт, востребованный именно такой инновационной экономикой. Однако не только в начальных классах, но и в средней школе по-прежнему наблюдается преобладание учителей-женщин. Согласно стереотипам, эта сфера педагогического труда менее открыта «мужским» профессиям, к которым относятся те, что связаны с инженерным мышлением. Пока школа остается территорией традиционного распределения гендерных ролей, учреждения высшего образования с этой площадки потихоньку уходят. Например, в Университете науки и технологий МИСИС ежегодно растет доля поступивших девушек. Сейчас она составляет около 40% от общего количества первокурсников. Также 43% численности профессорско-преподавательского коллектива НИТУ МИСИС — женщины¹².

Специалисты считают неизбежным рост численности мотивированных и одаренных женщин в инженерных профессиях. Но таких целеустремленных абитуриентов для высших учебных заведений призвана готовить обычная средняя школа. Поэтому создание условий для того, чтобы в педагогической культуре современного учителя не просто билась жилка инженерной культуры, а она постепенно наполняла новым содержанием все пространство культуры учителя, преследует сразу несколько важнейших для личности, общества и государства целей.

Первая из них состоит в том, чтобы перестать жить в парадигме догоняющей модели, а перейти к опережающей практике и предвещающей будущее модели мировидения.

Вторая цель актуализирует проблему безопасности в самом ее широком понимании, поскольку люди, обладающие должным уровнем инженерной культуры, одновременно с этим имеют надежную подушку безопасности, не позволяющую им проявлять небрежение элементарными правилами защиты себя и окружающей среды.

Третья цель предполагает обеспечение условий для раскрытия школьниками интеллектуального и творческого потенциала, нахождения их индивидуальной траектории жизненной профессиональной реализации, которая уже сейчас пролегает по сложному цифровому и технологическому пространству, имеющему тенденцию к дальнейшему усложнению.

Список литературы:

1. Бичева И.Б., Китов А.Г. Теоретические аспекты развития инженерной культуры обучающихся // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18692>.

2. Большакова З.М., Тулькибаева Н.Н. Содержание инженерной культуры // Пропедевтика формирования инженерной культуры учащихся в условиях модернизации российского образования: сборник статей. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний,

¹² Черникова А. Женщина в аудитории // Известия. 2021. 8 марта.

2015. С. 19-21.

3. Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.
4. Вознесенский И.С., Терновaya Л.О. Университетские темпомиры: особенности социального времени студента // Миссия конфессий. 2024. Том 13. Часть 4 (№ 77). С. 48-54.
5. Вражнова М.Н., Терновaya Л.О. Междисциплинарный подход в преподавании проблем управления персоналом: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2020. 188 с.
6. Вражнова М.Н., Терновaya Л.О. Национальный проект «Кадры» и новые задачи курса «Основы кадровой безопасности» // Альманах Казачество. 2024. № 76 (95). С. 13-22.
7. Гуреева Ю. Учителя стали привлекать нейросети для проверки контрольных // Российская газета. 2024. 12 февраля.
8. Душенко К. Битву при Садовой выиграл прусский школьный учитель // История знаменитых цитат. КоЛибри, 2018. 704 с.
9. Евплова Е.В. Инженерная культура как составляющая конкурентоспособности будущего специалиста // Пропедевтика формирования инженерной культуры учащихся в условиях модернизации российского образования: сборник статей. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. С. 55-57.
10. Илюхин Б. Ждать сдачи // Известия. 2024. 14 февраля.
11. Кузнецов В.В. Процесс развития педагогической культуры инженерно-педагогических работников // Проблемы повышения академического уровня высших учебных заведений и региональных образовательных систем: тезисы докладов Российской научно-практической конференции по инновациям в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании, 9 – 11 декабря 1996 г., г. Екатеринбург. Ч. 2 / Урал. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург: Издательство УГППУ, 1996. С. 12-13.
12. Ленин В.И. К вопросу о политике министерства народного просвещения (дополнения к вопросу о народном просвещении)», Издательство УГППУ, 1996. С. 12-13. // URL: <https://www.livelib.ru/book/123715/read-polnoe-sobranie-sochinenij-tom-23-mart-sentyabr-1913-vladimir-lenin/~50.burp>
13. Сергеев М. Россия может потерять 40% научно-технологического потенциала // Независимая газета. 2024. 8 апреля.
14. Соловьева О. Правительство России займется воспроизводством технарей // Независимая газета. 2024. 19 февраля.
15. Терновaya Л.О. Гендерная социология: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2024. 366 с.
16. Терновaya Л.О. Гендерная социология: женское движение в ответах на «женский вопрос». – М.: ИНФРА-М, 2020. 198 с.
17. Червова А.А., Смирнова О.А. Модель формирования инженерной культуры будущих учителей технологии // Наука и школа. 2010. № 5. С. 44-45.
18. Черникова А. Женщина в аудитории // Известия. 2021. 8 марта.

Bibliography

1. Bicheva I.B., Kitov A.G. Theoretical aspects of the development of engineering culture of students // Modern problems of science and education. 2015. № 3. // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18692>.
2. Bolshakova Z.M., Tulkibaeva N.N. The content of engineering culture // Propaedeutics of the formation of engineering culture of students in the context of modernization of Russian education: a collection of articles. - М.: BINOM. Laboratory of knowledge, 2015. P. 19-21.
3. Voznesensky I.S. Temporal intelligence: from the secret of mastering time to effective management // Mission of confessions. 2022. Vol. 11. Part 3 (No. 60). P. 90-97
4. Voznesensky I.S., Ternovaya L.O. University tempoworlds: features of student social time // Mission of confessions. 2024. Volume 13. Part 4 (№ 77). P. 48-54.
5. Vrazhnova M.N., Ternovaya L.O. Interdisciplinary approach to teaching personnel management problems: Tutorial. – М.: International Publishing Center “Ethnosocium”, 2020. 188 p.
6. Vrazhnova M.N., Ternovaya L.O. National project “Personnel” and new tasks of the course “Fundamentals of Personnel Security” // Almanac Cossacks. 2024. № 76 (95). P. 13-22.
7. Gureeva Yu. Teachers began to involve neural networks to check tests // Rossiyskaya Gazeta. 2024. February 12.
8. Dushenko K. The Battle of Sadovaya was won by a Prussian school teacher // History of famous quotes. KoLibri, 2018. 704 p.
9. Evplova E.V. Engineering culture as a component of the competitiveness of a future specialist // Propaedeutics of the formation of students’ engineering culture in the context of the modernization of Russian education: a collection of articles. – М.: BINOM. Laboratory of knowledge, 2015. P. 55-57.
10. Ilyukhin B. Waiting for change // Izvestia. 2024. February 14.
11. Kuznetsov V.V. The process of developing the pedagogical culture of engineering and teaching staff // Problems of improving the academic level of higher educational institutions and regional educational systems: abstracts of reports of the Russian scientific and practical conference on innovations in professional and professional-pedagogical education, December 9 - 11, 1996, Yekaterinburg. Part 2 / Ural. state prof. ped. univ. Ekaterinburg: Publishing house of UGPPU, 1996. P. 12-13.
12. Lenin V.I. On the issue of the policy of the Ministry of Public Education (additions to the issue of public education)”, Publishing house of UGPPU, 1996. P. 12-13. // URL: <https://www.livelib.ru/book/123715/read-polnoe-sobranie-sochinenij-tom-23-mart-sentyabr-1913-vladimir-lenin/~50.burp>
13. Sergeev M. Russia may lose 40% of its scientific and technological potential // Nezavisimaya Gazeta. 2024. April 8.
14. Solovieva O. The Russian government will engage in the reproduction of techies // Nezavisimaya Gazeta. 2024. February 19.
15. Ternovaya L.O. Gender sociology: textbook. – М.: INFRA-M, 2024. 366 p.
16. Ternovaya L.O. Gender sociology: women’s movement in responses to the “women’s question”. – М.: INFRA-M, 2020. 198 p.
17. Chervova A.A., Smirnova O.A. Model of formation of engineering culture of future technology teachers // Science and school. 2010. № 5. P. 44-45.
18. Chernikova A. Woman in the audience // Izvestia. 2021. March 8.

А

**КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

***Уральский государственный
экономический университет***

Рыбаков С.В.

*Доктор исторических наук, профессор
кафедры креативного управления и гуманитарных наук,
Уральский государственный экономический университет.*

Атманских Е.А.

*Кандидат философских наук, доцент
кафедры креативного управления и гуманитарных наук,
Уральский государственный экономический университет.*

К вопросу о новых коммуникационных вызовах

Начиная с первых импульсов политической истории, любая власть в любых государствах стремилась опираться на некие идеологические постулаты. Их наличие диктовало властным структурам необходимость осуществлять контроль над поступлением информации и состоянием коммуникацией внутри общества. Всякий здравомыслящий правитель понимал, что отсутствие такого контроля грозит спонтанными катаклизмами.

В истории разных стран государственные органы выстраивали коммуникацию с обществом чаще всего в виде назидательного монолога или идеологического просвещения. Влияние политической власти на публичную сферу являлось определяющим, распространяясь, помимо прочего, и на подачу информации, осуществляемую посредством манифестов, указов, эдиктов, новостных сводок. В начале XVII века в Германии вышла первая газета, после чего в течение трёх веков коммуникация государства с обществом осуществлялась преимущественно с помощью печати. Влияние газетно-журнальной коммуникации нарастало до XX века, когда в конкуренцию с печатной продукцией вступили радио и телевидение.

Современная эпоха не отменяет государственного контроля над информацией и коммуникаций, но в его осуществление неизбежно вносит коррективы развитие инновационных технологий. Реалии новейшей информационной сферы воздействуют на все социальные группы, трансформируют общественное устройство, заставляя органы политической власти наталкиваться на проблемы, которых в былые времена не существовало.

Американский публицист У. Липпман, затрагивая тему воздействия информационной среды на индивидуальное и коллективное сознание ещё до появления интернета, т.е. применительно к «старым» СМИ, писал: «Мир, с которым мы вынуждены иметь дело как политические субъекты, находится за пределами досягаемости, видимости и сознания. Его нужно исследовать, описывать, воображать» [8, с. 49]. В сравнении с прошлыми временами нынешняя информационная сфера с её разветвлёнными сетевыми, горизонтальными связями несёт в себе гораздо больше возможностей для внедрения в политическое пространство различных знаков, символов, виртуальных образов: «Интернет-технологии оказывают существенное влияние на взаимодействие с обществом, позволяя субъектам коммуникационного воздействия эффективно конструировать восприятие обществом социальной реальности» [3, с. 2].

Стремительное нарастание информационных потоков, происходящее в современном мире, сопровождается появлением нового качества коммуникаций, быстро изменяющихся благодаря компьютеризации, цифровизации и экспансии социальных сетей. Новое коммуникативная реальность неминуемо накладывает свой отпечаток на политическую власть. Значительное увеличение информированности и коммуникативной активности населения, постоянное растекание границ интернет-пространства – всё это требует от управленческих структур гибкого реагирования, умения оперативно и адекватно отвечать на вызовы времени.

Один из существенных вызовов для политической власти – это разрастание зон влияния социальных сетей, ставших не только популярным средством общения между отдельными индивидуумами, но и организационной платформой для склонных к определённому обособлению общественных групп. Для их обозначения используется понятие «комьюнити». Этим английским словом обозначают сообщество людей, объединённых единой темой, общим интересом, скрепляющей ценностью или одинаковым брендом. Партнёры по комьюнити стремятся к углублению своей коммуникации, понимаемой в данном случае не как обычное, элементарное общение. По мысли испанского социолога М. Кастельса, «коммуникация – это коллективное использование смыслов в процессе обмена информацией» [7, с. 101]. В этом определении отражена новая действительность, в которой коммуникация приобрела массовый масштаб, распространившись практически на всё общество.

Расширение сетевого типа коммуникации имеет противоречивые последствия. С одной стороны, сеть пропитана демократическими ин-

тенциями: множество людей имеют возможность достаточно свободно высказываться, заявлять свою позицию по отношению к властным структурам и их отдельным представителям. Некоторые политологи считают, что появляются условия для различных вариантов «электронной демократии». Используя этот словесный оборот, они полагают, что потенциальные возможности компьютерных технологий позволят структурам управления наладить эффективную политическую коммуникацию, «способствуя реализации принципов народовластия, соотнося политическое устройство с реальными потребностями общества, развивая и совершенствуя механизмы обратной связи между органами власти и обществом» [9, с. 199]. Высказывается мнение о том, что такой вид коммуникации позволит институтам власти быть более мобильными и доступными для населения, предоставит гражданам больше способов участия в политической жизни и тем самым послужит одним из факторов сохранения стабильности политической системы [6, с. 270].

Трансформации, происходящие в информационной сфере, дают представителям политической власти возможность отрегулировать содержательный формат и методику взаимодействия информацией таким образом, чтобы добиться максимальной согласованности и оперативности внутри властной пирамиды. Среди политологов бытует мысль о том, что при достижении успеха на этом пути «власть может интерпретироваться не только как некий источник влияния, подчинения и силы, но и как специфическая форма социальной коммуникации между акторами политической деятельности» [9, с. 200].

Но есть и другая сторона дела. Интернет дал старт интерактивному взаимодействию по принципу «от многих ко многим», пришедшему на смену прежним формам общения – «от одного к одному» или «от одного ко многим». Современные коммуникационные сообщества, особенно те, где преобладает молодёжь, склонны либо игнорировать традиционные СМИ, либо сильно снижать внимание к ним. На смену вертикальным каналам подачи информации приходят характерные для социальных сетей горизонтальные связи, опирающиеся на априорное доверие пользователей к сетевому информационному контенту [2, с. 162]. Это означает, что сетевая информация может использоваться для манипулирования общественным сознанием, насаждения в нём тех или иных идей, постулатов, клише. В таких обстоятельствах, по мысли специалиста по информационным технологиям С.В. Володенкова, «традиционные институты власти с высокой степенью вероятности могут утратить монополию на получение

ние и использование общественно и политически значимой цифровой информации» [5, с. 6].

Функциональные рамки сетевых каналов коммуникации не ограничиваются распространением информации, они включают в себя и активную интерпретацию фактов, событий, процессов, придания им определённой идейно-политической окраски. Средства интернет-коммуникации стали эффективным инструментом формирования в массовом сознании предпочтений, представлений, стереотипов, реакций, моделей поведения, норм и ценностей. Институты политической власти должны считаться с этой данностью. Одним из условий успешного управления обществом оказывается умение властных структур формировать в общественном сознании свой собственный образ, и без сетевых технологий в этом деле сегодня трудно обойтись.

Новейшие формы коммуникации оказывают воздействие не только на общественные настроения, но уже и на структуру общества. Отношения, складывающиеся между пользователями социальных сетей, не повторяют и не воспроизводят тот тип отношений, который устоялся в институализированной действительности с её «табелью о рангах», с должностной иерархией, с ментальными клише относительно социальных ролей и субординационной значимости отдельных людей, групп, сообществ. Властные отношения могут формироваться и в коллективах, сформировавшихся на базе заочных форм общения, но эти отношения во многом отличаются от их очных аналогов. С.В. Володенков отмечает, что новейшие информационные технологии, по сути дела, отменяют традиционную социальную структуру общества, заменяя классы, сословия, страты на спонтанно сложившиеся сетевые сообщества, отличающиеся одно от другого по идеологическим, смысловым, социальным и символическим характеристикам [4, с. 112].

Принципиально новым явлением стало появление так называемых «лидеров общественного мнения» в лице активных, «продвинутых» блогеров, работающих на интернет-каналах журналистов, авторов и ведущих различных интернетовских программ, сетевых менеджеров, специалистов по информационным технологиям, пиару и социальной рекламе. Одни из них демонстрируют независимость от властных структур, другие используют потенциал новых коммуникационных технологий для своего продвижения в эти структуры.

При всей внешней демократичности сетевая коммуникация способна породить принципиально новую, ранее неведомую разновидность не-

равенства – цифровое неравенство, заключающееся в неодинаковом доступе к информационным и коммуникационным каналам, технологиям, ресурсам. Появляется немалое число акторов, заинтересованных в получении доступа к массиву информации об отдельных гражданах и целых социальных группах. Стремление к оказанию того или иного воздействия на массы населения может быть присуще различным отрядам политической оппозиции, в том числе и радикально-экстремистской. Мотивированы получить доступ к массиву данных о гражданах и представители бизнеса – банковского, торгового, криминально-теневого.

Дело в том, что в процессе коммуникации пользователи интернета не только получают информацию, но и передают данные о себе, своих предпочтениях, интересах, социальном и интеллектуальном статусе, об уровне своей общественной активности, тем самым создавая большие объемы информации о себе и собственноручно превращая себя в объекты воздействия и различных манипуляций. Те, кто имеют относительно свободный доступ к информационным технологиям и ресурсам, находят возможности использовать эту информацию для извлечения определённой выгоды. При таких обстоятельствах в сетевом пространстве происходит социально-ролевое разделение, формируются два «сословия» – информационные «реципиенты» и информационные «доноры». Первые контролируют каналы массовой коммуникации и информационные ресурсы, стремясь воздействовать на них для укрепления своего положения в цифровом пространстве. Вторые находятся в принципиально иной ситуации. Они не располагают возможностями существенно влиять на сетевой контент, вдобавок к этому снабжая «реципиентов» различными сведениями.

Вследствие такого разделения появляются предпосылки для запуска процесса монополизации коммуникационного пространства. Умение транслировать политическую информацию с помощью цифровых технологий даёт доступ к рычагам влияния на политические процессы и организационные решения. Эти рычаги привязаны к фильтрации пользовательских данных для определения общественно-политических позиций конкретных людей и моделирования их поведения, для блокирования оппонентов и поощрения попутчиков.

Среди потенциальных претендентов на монополию в коммуникационном пространстве могут оказаться и оппозиционные идеологические группы, и новые игроки, рвущиеся на политическую сцену с неясными для общества целями. Сетевое информационно-коммуникационное про-

странство открывает дорогу в политику тем, кто не связан с системной политикой и находится в серой коммуникационной зоне, не раскрывая своих подлинных целей и морально-этических принципов. За такими фигурантами могут стоять внешние силы, несущие прямую или косвенную угрозу общественной безопасности и ценностно-смысловым ориентирам, разделяемым большинством населения.

Манипулирование человеческим сознанием с помощью когнитивных технологий принимает сложные, нелинейные формы. Новые каналы массовой коммуникации активно противопоставляются традиционным СМИ. Используется «прогрессивная» риторика, нацеленная на «раскрепощение личности от архаических, замшелых традиций». Публичная политика в сетевом пространстве подвергается масштабной виртуализации, ключевым инструментом которой является создание искусственных, оторванных от живой реальности образов. Они крепятся к определённой символике, несущей заранее заданную эмоциональную нагрузку. В соответствии со вкусами специалистов по «коммуникационной психотерапии» образы тех или иных политиков низводятся до неких знаков, окрашиваются в однозначные чёрно-белые тона.

Складывается ситуация, когда в зазор между пользователями сети и их коммуникационной средой вклинивается не распознанный ими дополнительный элемент, способный программировать их реакцию на какие-то виртуальные вещи. Незванный посредник оперирует абстрактными символами и смыслами, но последствия его действий способны выплёскиваться в реальность, о чём конкретный сетевой пользователь может даже не догадываться.

Оставаясь в стороне от подобных явлений, органы политической власти рискуют выпустить сферу общественного сознания из-под своего контроля. Но чтобы сохранить этот контроль, они должны освоить новую методику. По мысли С.В. Володенкова, «субъекты государственного управления вынуждены выступать в качестве равноправных участников горизонтальных коммуникаций в интернет-пространстве, в первую очередь в пространстве социальных медиа» [3, с. 9]. Новая информационная реальность не исключает из повестки дня такие понятия как «политическая агитация и пропаганда», «формирование мировоззренческих установок», «нравственно-этическое и патриотическое воспитание». Эпоха интернета добавляет к этим понятиям ещё одно – «сетевая убеждающая коммуникация». Такая коммуникация должна дистанцироваться от директивности, опираясь на создание устойчивых

связей с сетевой аудиторией и отвечая принципам равноправного взаимодействия и открытого диалога.

Есть и много других сторон проблемы разрастания современных форм коммуникации. Один из самых болезненных вопросов на сегодняшний день касается информационной безопасности. Постоянно растёт число хакерских атак на электронные ресурсы пользователей, к которым относятся и частные лица, и корпоративные сообщества, и государственные структуры. Представляется, что в первую очередь проблемами информационной безопасности должны озаботиться государственные структуры, поскольку без их содействия и помощи подавляющее большинство отдельных граждан и даже многие корпорации не в силах защитить себя от киберпреступности.

В условиях усложняющейся международной обстановки и усиления внешнеполитических противоречий органы государственной власти должны принимать все возможные меры для поддержания информационной безопасности на самом высоком уровне, тем самым повышая свой авторитет в обществе и получая сильный аргумент в диалоге с различными общественными группами, активно пользующимися современными коммуникационными технологиями.

Существенного повышения информационной безопасности трудно добиться без соответствующей разъяснительной работы, охватывающей разные слои и категории населения. Было бы совсем не лишним, если бы нашим согражданам регулярно напоминали о том, что находящиеся в их пользовании айфоны и андроиды находятся в зоне контроля со стороны иностранных производителей этой продукции или тех служб, которые могут оказывать какое-либо воздействие на этих производителей. По словам известного эксперта в области цифровых технологий Игоря Ашманова, являющегося руководителем исследовательской компании «Крибрум» и членом Совета по правам человека при Президенте Российской Федерации, «нам могут отключить и айфоны, и андроиды; более того – на самом деле нам уже их отключают и наших пожеланий на этот счёт не спрашивают» [1].

Эксперт пояснил: «И производитель платформы, и производитель операционной системы могут творить со смартфоном всё, что угодно. Главная проблема в том, что мы не производим программное обеспечение и сим-карты, а сим-карта – это маленькая операционка, маленький процессор. Сертификаты шифрования для связи производят всего две компании, одна – швейцарская, другая – французская, которая все ключи

связи передаёт США. Наши противники полагаются на цифровые технологии, потому что они им принадлежат и сделаны ими» [1].

Выход из сложившейся ситуации И. Ашманов видит в активизации импортозамещения в сфере информационно-цифровых технологий. Для надёжной защиты российских коммуникационных сетей и обеспечения прав наших сограждан в сфере коммуникаций нужны, во-первых, отечественные операционные системы, а во-вторых, нужен контроль государства над деятельностью частных провайдеров, действующих в сфере сотовой связи и в других коммуникационных секторах.

Список литературы:

1. Игорь Ашманов в программе Сергея Мардана на радио «Комсомольская правда» 18.07.2023. // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dE7URPo7JEs> (Дата обращения: 29.06.2024)
2. Володенков С.В. Информационно-коммуникационная революция и ее влияние на современный политический процесс // ПОЛИТЭКС. 2011. № 4. С. 159-167.
3. Володенков С.В. От информации к коммуникации: коммуникационные технологии в условиях современного пост-информационного общества // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. С. 1-10.
4. Володенков С.В. Политическая коммуникация как инструмент распределения власти в системе отношений «государство-общество» // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 62. С. 104-118.
5. Володенков С.В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2. С. 1-10.
6. Грачёв М.Н. «Электронная демократия» и «электронное правительство»: как это работает // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. – М.: РАПН; РОСПЭН, 2012. С. 268-285.
7. Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: ИД ВШЭ, 2017. 590 с.
8. Липпманн У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 382 с.
9. Ромашкина А.Б. Феномен власти в условиях информационного общества // Государственное управление. Электронный вестник. Август 2019. Выпуск № 75. С. 194-208.
10. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Казачество. 2023. № 66 (1). С. 11-18.
11. Шуплинков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // Культура Мира. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.
12. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геопсихология и геополитика цветных ЛИНИЙ // Казачество. 2022. № 59 (2). С. 9-18.
13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Чумаки и казаки: опыт сравнительного исследования // Казачество. 2022. № 62 (5). С. 42-50.
14. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
15. Рябова Е.Л., Рябова Е.Л. Дихотомия культуры: конфликт ценностей экологии и экономики // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 11-19.
16. Кантаева О.В., Рябова Е.Л. Региональные аспекты реализации государственных инициатив по стимулированию активного долголетия и физической активности пожилых граждан // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 42-51.
17. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.
18. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Эволюция дипломатического подарка как индикатор изменений в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 6 (156). С. 45-54.
19. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. 80-лет парада на красной площади: историко-культурный и геополитический смыслы парадов // Казачество. 2021. № 57 (7). С. 9-18.
20. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Боль разделенных городов - последствия геополитических игр // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 1 (27). С. 10-20.
21. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитическая авантюра: цена внешнеполитического просчета в истории // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 5 (31). С. 515-524.
22. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Политизация образов истории повседневности (на примере образа ворот) // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 7 (33). С. 782-791.
23. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантинном // Альманах Крым. 2020. № 20. С. 11-22.
24. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экологические смыслы международного сотрудничества: все тайное становится явным // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 1 (19). С. 10-19.
25. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитика в маске // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 4 (22). С. 500-511.
26. Рябова Е.Л. Международный круглый стол на тему «внешняя политика России в условиях обострения международной

- обстановки // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 5 (167). С. 52-55.
27. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
28. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Православные основы самоидентификации российского казачества: история и современность // Казачество. 2019. № 38 (2). С. 35-44.
29. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // Миссия конфессий. 2019. Том 8. Часть 2 (№ 37). С. 133-142
30. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Итало-Российская торговая палата: торговые связи в конфигурации международных отношений // Миссия конфессий. 2018. Том 7. Часть (№ 32). С. 585-595.
31. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.
32. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.
33. Байханов, И.Б. Молодежь в цифровом мире: самооценка сформированности цифровых компетенций абитуриентов московских вузов // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 6 (55). С. 615-623.
34. Байханов, И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
35. Байханов, И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
36. Байханов, И.Б. Формирование цифровых компетенций в условиях трансформации образовательных систем // Миссия конфессий, 2021. Т.10. № 7 (56). С. 705-712.
37. Байханов, И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 5 (54). С. 519-524.
38. Ананченкова П.И., Тонконог В.В. Направления государственной политики в создании и развитии региональной инновационной образовательной системы. Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2016. № 49. С. 8-15.
39. Тонконог В.В., Константинов В.М., Ананченкова П.И. Развитие образовательных услуг в сфере переподготовки и повышения квалификации кадров для малого и среднего бизнеса. Труд и социальные отношения. 2014. Т. 25. № 9. С. 106-121.
40. Тонконог В.В., Ананченкова П.И. E-LEARNING: заменит ли дистант традиционные формы обучения? Труд и социальные отношения. 2017. Т. 28. № 4. С. 119-128.
41. Ананченкова П.И., Кузнецов М.Ю. Профессиональное обучение безработных в системе службы занятости населения. Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2016. № 47. С. 176-183.

Bibliography

1. Igor Ashmanov in Sergei Mardan's program on Komsomolskaya Pravda radio on July 18, 2023. // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dE7URPo7JE8> (June 29, 2024)
2. Volodenkov S.V. Information and communication revolution and its impact on the modern political process // POLITEX. 2011. № 4. P. 159-167.
3. Volodenkov S.V. From information to communication: communication technologies in the context of a modern post-information society // Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal). 2016. № 4. P. 1-10.
4. Volodenkov S.V. Political communication as an instrument for distributing power in the system of state-society relations // Public administration. Electronic Bulletin. 2017. № 62. P. 104-118.
5. Volodenkov S.V. Digital technologies in the system of traditional institutions of power: political potential and modern challenges // Bulletin of Moscow State Regional University (electronic journal). 2018. № 2. P. 1-10.
6. Grachev M.N. «Electronic democracy» and «electronic government»: how it works // Political communication studies: theory, methodology and practice. – М.: RAPN; ROSPEN, 2012. P. 268-285.
7. Castells M. The power of communication. – М.: HSE ID, 2017. 590 p.
8. Lippmann U. Public opinion. – М.: Institute of the Public Opinion Foundation, 2004. 382 p.
9. Romashkina A.B. The Phenomenon of Power in the Information Society // Public Administration. Electronic Bulletin. August 2019. Issue № 75. P. 194-208.
10. Ryabova E.L. On the Unity of Education and Upbringing: Institutional Discourse // Cossacks. 2023. № 66 (1). P. 11-18.
11. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The Role of the Time Factor in Political Culture // Culture of the World. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.
12. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopsychology and Geopolitics of Colored LINES // Cossacks. 2022. № 59 (2). P. 9-18.
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Chumaks and Cossacks: An Experience of Comparative Research // Cossacks. 2022. № 62 (5). P. 42-50.
14. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.
15. Ryabova E.L., Ryabova E.L. Dichotomy of culture: conflict of values of ecology and economics // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 11-19.
16. Kantaeva O.V., Ryabova E.L. Regional aspects of the implementation of state initiatives to stimulate active longevity and physical activity of older citizens // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 42-51.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Obvious and Hidden Meanings of Strikes // The Power of History and the History of Power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 30-42.
18. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Evolution of a Diplomatic Gift as an Indicator of Changes in International Relations // Ethnoscience and Interethnic Culture. 2021. № 6 (156). P. 45-54.
19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. 80 Years of the Parade on Red Square: Historical, Cultural and Geopolitical Meanings of Parades //

- Cossacks. 2021. № 57 (7). P. 9-18.
20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Pain of Divided Cities - the Consequences of Geopolitical Games // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 1 (27). P. 10-20.
21. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Adventure: The Price of Foreign Policy Miscalculation in History // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 5 (31). P. 515-524.
22. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Politicization of Images of Everyday History (using the Image of the Gate as an Example) // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 7 (33). P. 782-791.
23. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Meanings of Closed Borders: Reflections on Quarantine // Almanac Crimea. 2020. № 20. P. 11-22.
24. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Environmental meanings of international cooperation: everything secret becomes clear // The power of history and the history of power. 2020. Vol. 6. № 1 (19). P. 10-19.
25. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics in a mask // The power of history and the history of power. 2020. Vol. 6. № 4 (22). P. 500-511.
26. Ryabova E.L. International round table on the topic «Russian foreign policy in the context of an aggravated international situation» // Ethnoscoty and interethnic culture. 2022. № 5 (167). P. 52-55.
27. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.
28. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Orthodox foundations of self-identification of Russian Cossacks: history and modernity // Cossacks. 2019. № 38 (2). P. 35-44.
29. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Connection of times and meanings: sacred trees // Mission of confessions. 2019. Vol. 8. Part 2 (№ 37). P. 133-142
30. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Italian-Russian Chamber of Commerce: Trade Relations in the Configuration of International Relations // Mission of Confessions. 2018. Vol. 7. Part (№ 32). P. 585-595.
31. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of implementation of activities // The Power of History - History of Power. 2024. Vol. 10. Part 3. (№ 53). P. 12-21.
32. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening healthcare and ensuring accessibility of medical care // Culture of the World. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.
33. Baykhanov, I.B. Young People in the Digital World: Self-Assessment of the Formation of Digital Competencies of Applicants to Moscow Universities // Mission of Confessions, 2021. Vol. 10. № 6 (55). P. 615-623.
34. Baykhanov, I.B. Features of Human Resource Management in the Context of Global Change // The Power of History and the History of Power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
35. Baykhanov, I.B. Features of Human Resource Management in the Context of Global Change // The Power of History and the History of Power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
36. Bayhanov, I.B. Formation of digital competencies in the context of transformation of educational systems // Mission of confessions, 2021. Vol.10. № 7 (56). P. 705-712.
37. Bayhanov, I.B. Geopolitical culture: as you name the ship // Mission of confessions. 2021. Vol. 10. № 5 (54). P. 519-524.
38. Ananchenkova P.I., Tonkonog V.V. Directions of state policy in the creation and development of a regional innovative educational system. Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2016. № 49. P. 8-15.
39. Tonkonog V.V., Konstantinov V.M., Ananchenkova P.I. Development of educational services in the field of retraining and advanced training of personnel for small and medium-sized businesses. Labor and Social Relations. 2014. Vol. 25. № 9. P. 106-121.
40. Tonkonog V.V., Ananchenkova P.I. E-LEARNING: Will Distance Learning Replace Traditional Forms of Learning? Labor and Social Relations. 2017. Vol. 28. № 4. P. 119-128.
41. Ananchenkova P.I., Kuznetsov M.Yu. Vocational Training of the Unemployed in the Employment Service System. Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2016. № 47. P. 176-183.

Внутрифирменные стратегии снижения негативного экологического воздействия производства изделий из кожи

Необходимость снижения негативного экологического воздействия производственного фактора в Российской Федерации обусловлена тенденциями климатических изменений, исчезновений видов, расширения пустынь, экологического урона от природных бедствий, загрязнения воздуха и водных ресурсов, а также других экологических негативных процессов [6].

Современный процесс производства изделий из кожи характеризуется высокой сложностью и включает четыре ключевые стадии: подготовительную, дубильную, отделочную и стадию непосредственного изготовления изделия.

Подготовительный этап производственного процесса предполагает реализацию следующих задач: [3]

- очистка шкур от остатков мяса и замачивание в растворе соли;
- удаление волосяного покрова с кожи (осуществляется механическим путем с использованием известкового раствора и золенина для того, чтобы ослабить связь волос с кожей);
- промывка: с целью избавления кожи от остаточных волос и других примесей;
- разделение кожи на два слоя – верхний слой и нижний (операция проводится на специальном оборудовании и особенно актуальна для толстых шкур, используемых в верхних частях обуви).

Необходимость дубления объясняется тем, что при высыхании кожа уменьшается в объеме, становится хрупкой и непригодной для использования. На данной стадии, на дубильные субстанции воздействует коллаген, кожа приобретает необходимую прочность и водоотталкивающие свойства, становится более жесткой и устойчивой к теплу и химической обработке [11].

Отделка, как этап производства изделий из кожи, включает:

- мездрение - процедура предназначена для коррекции толщины кожи

и удаления подкожного жира, осуществляется на строгальных станках и состоит из двух этапов – первичного и вторичного мездрения;

- чистка и обеззоливание - очистка от коротких волос и избавление от накопившихся известково-кальциевых отложений;

- окрашивание в специальных барабанах с использованием современных технологий;

- сушка - процесс, в ходе которого кожа сушится в подвешенном состоянии (зимой – в специально оборудованных помещениях с вентиляцией, летом – на открытом воздухе под навесами);

- обработка поверхности кожи (гладкая, тисненая, замшевая и т.д.) и нанесение защитных покрытий для повышения износостойкости и водоотталкивающих свойств.

На стадии изготовления изделия осуществляется: [10]

- резка больших кусков кожи на детали нужных размеров и форм;

- раскрой деталей по шаблонам;

- сшивание деталей с использованием различных швейных техник;

- добавление фурнитуры (молнии, кнопки, пряжки и т.д.);

- завершающая сборка изделия, проверка качества швов и креплений [1].

В настоящее время на глобальном уровне перерабатывается приблизительно 16 миллионов тонн кожевенного материала в год, причем основная доля приходится на Азию. В нашей стране производится около 2000 миллионов квадратных дециметров кожи, что соответствует переработке более 130 тысяч тонн сырьевого материала. Отходы от этого процесса достигают половины переработанного сырья, а в составе самих отходов имеется до 50% белков, которые не находят практического использования и просто утилизируются.

Необходимо отметить, что научное сообщество проводит исследования в области синтеза белка, начиная с первой половины XX века, в результате чего были освоены процессы синтеза инсулина и рибонуклеазы. Высокий уровень сложности освоения технологий объясняется необходимостью проведения десятков реакций для синтеза полипептидных цепей. В современных условиях синтез белков реализуется, как правило, через микробиологический синтез, который характеризуется высоким уровнем затрат [12].

Таким образом, можно наблюдать ситуацию, когда значительные объемы белков вывозятся на свалки или уничтожаются, нанося вред окружающей среде, но при этом осуществляются активные действия по разработке новых технологий их получения.

Важная проблема в индустрии обработки кожи и изготовления изделий из нее – это огромное потребление воды и большие объемы сточных вод, которые содержат загрязнители, требующие сложных, продолжительных и дорогостоящих очистных работ. Международный союз охраны природы подчеркивает ключевое значение данной проблемы в отрасли и актуальность формирования новых подходов к ее устранению [8].

К производственным отходам в данной отрасли добавляются выбросы химических веществ и пыли в атмосферу. Во время обработки кожи, в воздух выбрасываются большое количество кислотных и щелочных аэрозолей, а в процессе шлифовки кожи выделяется грубодисперсная пыль.

Помимо вышеупомянутых выбросов, изготовление изделий из кожи сопровождается повышенными уровнями вибрации и тепла на технологических участках, что также оказывает дополнительное воздействие на окружающую среду.

Перечисленные проблемы дают возможность выделить следующие категории загрязнений, связанных с производством кожи и изготовлением изделий из нее: [5]

- механические - загрязнение атмосферы, водоемов и земли твердыми элементами;

- химические - выбросы газов, а также химических элементов, которые могут взаимодействовать с природой;

- биологические - распространение организмов, появляющихся вследствие антропогенной деятельности и оказывающих вредное воздействие на здоровье общества и экосистему;

- физические - все формы энергии, включая тепло, механические воздействия (шум, вибрация), свет (видимый, инфракрасный и ультрафиолетовый спектры) и электромагнитные излучения.

В разрезе производственных стадий экологическое воздействие изготовления изделий из кожи может быть представлено в виде таблицы 1.

Таким образом, каждый этап производства изделий из кожи оказывает определенное влияние на окружающую среду и предполагает принятие мер по снижению потенциальных экологических рисков.

Снижение экологического воздействия производства изделий из кожи является одной из ключевых задач для предприятий отрасли. В последние годы все больше компаний осознают необходимость разработки и внедрения внутрифирменных стратегий, направленных на устойчивое развитие и охрану окружающей среды. Основными стратегическими векторами являются использование оптимизация производственных

процессов, снижение потребления ресурсов и минимизация отходов [9].

Таблица 1. Экологическое воздействие изготовления изделий из кожи в разрезе производственных стадий.

Этап производства	Действия на этапе	Экологическое воздействие
Подготовительный этап	Очистка шкур от мяса и замачивание в растворе соли	Использование больших объемов воды, возможное загрязнение воды солями и биологическими отходами.
	Удаление волосяного покрова	Выделение химических веществ (известь), негативно влияющее на рН водных источников.
	Промывка	Необходимость значительных объемов воды для очистки от примесей увеличение сточных вод.
	Разделение на слои	Потребление энергии, создание отходов от обрезков.
Дубильный этап	Обработка дубильными субстанциями	Использование тяжелых металлов и других химикатов, загрязнение воды и почвы.
Отделочный этап	Мездрение, чистка, обеззоливание	Выделение значительного объема отходов в виде тяжелые металлы и химических растворителей.
	Окрашивание, сушка, обработка поверхности	Высокий риск выбросов летучих органических соединений и других загрязнителей.
Изготовление изделия	Резка, раскрой, сшивание, добавление фурнитуры, сборка изделия	Производственные отходы, потребление энергии, использование потенциально вредных материалов для обработки и декорирования.

Современные компании должны следовать экологическим стандартам, установленным государственными и международными органами. Для регулирования воздействия на окружающую среду разрабатываются научно-обоснованные нормативы, в число которых входят нормативы допустимых сбросов, предельно допустимых выбросов, а также стандарты по формированию производственных отходов и их предельных объемов утилизации.

Наблюдается тенденция к усилению экологической ответственности компаниях отрасли, в частности, эффективному использованию природных ресурсов, внедрению экологически обоснованных технологий и внедрению организационных мер снижения воздействия на окружающую среду.

Стратегические направления по снижению негативного экологического воздействия производства изделий из кожи можно представить в виде рисунка 1.

Из рисунка видно, что организационные меры включают организацию производственных кластеров, перемещение производств и создание интегрированных заводов.

Организация производственных кластеров с централизованными очистными системами предоставляет возможность интеграции передовых решений в данной области. Внедрение таких систем помогает минимизировать выбросы загрязняющих веществ в воду и атмосферу за счет более строгого контроля и рециркуляции водных ресурсов, а также использования современных методов очистки.

Благодаря централизации очистных операций, становится возможным более эффективное управление побочными продуктами производства, улучшенное соблюдение экологических стандартов и норм, адаптация к изменяющимся требованиям рынка и повышение конкурентоспособности.

Перемещение производственных мощностей в рамках экологической политики целесообразно из плотно населённых или экологически уязвимых регионов в промышленные зоны с лучше развитой инфраструктурой для обработки отходов. Процесс предполагает выбор новых

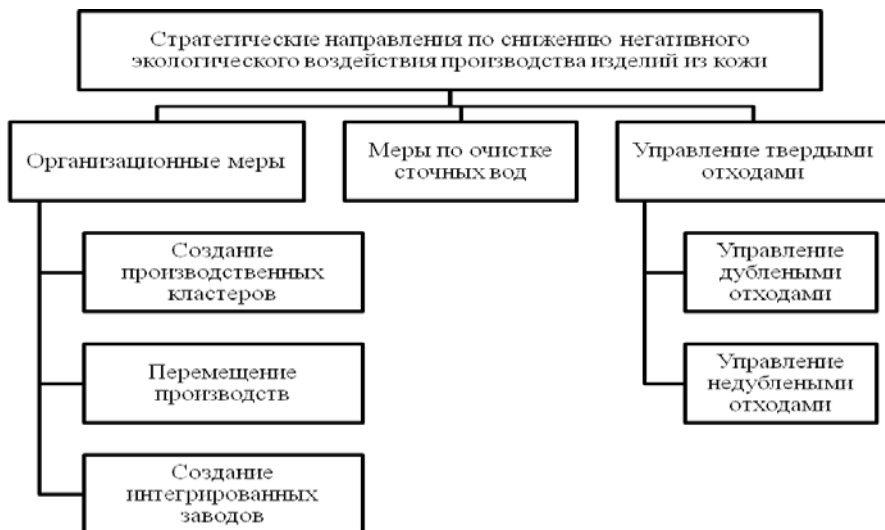

Рисунок 1. Стратегические направления по снижению негативного экологического воздействия производства изделий из кожи.

местоположений с учетом доступности технологий очистки, возможностей для использования возобновляемых источников энергии и экологических норм.

Создание интегрированных заводов представляет собой развитие концепции полного цикла обработки — от получения сырья до выпуска готовой продукции на одном предприятии. Стратегическое решение имеет высокую актуальность с позиции полного контроля производства на предмет экологической безопасности и снижения воздействия на окружающую среду за счет снижения логистической активности. Интегрированные заводы могут быть оснащены собственными очистными сооружениями, системами переработки отходов и даже установками для получения энергии из отходов производства [2].

Обработка сточных вод на заводах по производству изделий из кожи требует управления многочисленными химическими веществами. Разные государства устанавливают свои стандарты для мониторинга уровня загрязнения. Тем не менее, методики, используемые для идентификации отдельных химических элементов, различаются, что осложняет возможность их международного сопоставления.

Процесс очистки сточных вод включает следующие этапы:

1. Первичная очистка (механическая):

– сепарация твердых частиц, полученных в результате изготовления изделий из кожи – прохождение сточных вод через решетки, которые задерживают крупные твердые частицы и волокна;

– отстаивание взвешенных частиц и образование утилизируемого осадка.

2. Химическая очистка: [7]

– добавление коагулянтов (например, сульфат алюминия или хлорид железа) в сточные воды и образование флокул из мелких взвешенных частиц;

– введение кислот или щелочей для достижения оптимального уровня pH, необходимого при последующих процессах очистки.

3. Физико-химическая очистка - добавление химических реагентов для осаждения тяжелых металлов (хром и другие), которые затем удаляются с помощью фильтрации или отстаивания; использование песчаных фильтров или мембранных систем.

4. Биологическая очистка:

– аэробное разложение - насыщение сточных вод кислородом и размножение аэробных микроорганизмов, разлагающих органические загрязнители.

– анаэробное разложение - разложение бактериями органических веществ без доступа кислорода в анаэробных реакторах с последующим образованием биогаза.

5. Третичная очистка (доочистка) - использование методов обратного осмоса, нанофльтрации или активированного угля, а также обработка сточных вод с использованием ультрафиолетового излучения, хлора или озона.

Основные стратегии управления дублеными отходами представлены в таблице 2.

Таблица 2. Основные стратегии управления дублеными отходами.

Стратегия	Методы и процессы	Вид отходов	Сфера применения
Биотехно-логическая переработка	Производство коллагена	Мездра, краевые участки шкуры, гольевые обрезки	Использование в медицине и косметике
	Ферментативная обработка для получения кормовых добавок	Мездра, жировые остатки	Получение полезных продуктов для различных отраслей
Производство удобрений	Компостирование мездры и органических остатков	Мездра, краевые участки шкуры, гольевые обрезки	Получение органического удобрения
	Термический гидролиз		Уничтожение патогенов, улучшение структуры почвы
Производство биогаза	Анаэробное сбраживание	Мездра, жировые остатки	Производство метана
Промышленные применения	Изготовление клея из мездры	Мездра, краевые участки шкуры	Применение в различных отраслях промышленности
	Производство желатина	Мездра, краевые участки шкуры, гольевые обрезки	Использование в пищевой, фармацевтической промышленности
Производство хозяйственного мыла	Сапонификация жировых остатков	Жировые остатки	Получение хозяйственного мыла и глицерина
Производство волокнистых материалов	Изготовление текстильных материалов из недубленых отходов	Мездра, краевые участки шкуры, гольевые обрезки	Применение в упаковке и изоляции

Таким образом, стратегии управления дублеными отходами биотехнологическую переработку, а также производство удобрений, биогаза, хозяйственного мыла, волокнистых материалов и ряд других направлений.

Стратегии управления дублеными отходами представлены в таблице 3.

Таблица 3. Стратегии управления дублеными отходами.

Стратегия	Методы и процессы	Вид отходов	Сфера применения
Сжигание и остеклование	Сжигание при высоких температурах	Кожевенная стружка, пыль, обрезки	Уменьшение объема отходов, уничтожение органических компонентов
	Остеклование золы	Зола после сжигания	Превращение золы в инертный гранулят, безопасный для захоронения
Химическая переработка	Кислотный гидролиз	Кожевенная стружка, пыль, обрезки	Получение синтетических дубителей, снижение токсичности
	Термический гидролиз	Кожевенная стружка, пыль, обрезки	Извлечение полезных компонентов, уменьшение объема токсичных веществ
Биологическая переработка	Компостирование	Дубленые отходы с низким содержанием хрома	Получение компоста, уменьшение объема отходов
Промышленные применения	Изготовление искусственной кожи	Кожевенная стружка, пыль, обрезки	Создание текстильных материалов
Энергосбережение и утилизация энергии	Использование биогаза, полученного при переработке отходов	Все виды дубленых отходов	Снижение затрат на энергию, использование возобновляемых источников

Из представленных данных видно, что стратегии управления дублеными отходами включают сжигание и остеклование, химическую и биологическую переработку, энергосбережение и утилизацию энергии и ряд других направлений [4].

В заключение можно отметить, что мировая практика решения экологических проблем при производстве изделий из кожи включает в себя технологические подходы и организационные меры. Основными направлениями снижения негативного экологического воздействия являются создание производственных кластеров, перемещение производств, создание интегрированных заводов, очистка сточных вод, управление дублеными и недублеными отходами. Реализация описанных в исследовании стратегических мер способствуют рациональному использованию природных ресурсов, улучшению устойчивости производства и повышению конкурентоспособности компаний на целевых рынках.

Список литературы:

1. Атыдьева А. Кожевенное производство. Этапы процесса подготовки / А. Атыдьева, Акыева, Г.К. // CETERIS PARIBUS. 2023. № 4. С. 86-88.
2. Глебова Е.В. Оценка и снижение уровня негативного воздействия пиролизной переработки резинотехнических изделий на окружающую среду / Е.В. Глебова, А.Т. Волохина, Д.В. Селиверстов // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. 2023. № 6 (315). С. 47-53.
3. Иванов В.М. Эффективность экономического стимулирования снижения негативного воздействия на окружающую среду в условиях действующего законодательства Российской Федерации / В.М. Иванов, Д.В. Иванов // Гидротехническое строительство. 2023. № 4. С. 35-41.
4. Кравченко Г.Н. Направления и возможности переработки отходов кожевенного производства / Г.Н. Кравченко, Е.И. Кордикова, А.В. Спиглазов // Труды БГТУ. Серия 2: Химические технологии, биотехнология, геоэкология. 2017. № 2 (199). С. 220-226.
5. Назарова, М. Экологическая устойчивость в современной логистике: инновационные подходы к снижению экологического воздействия в цепи поставок / М. Назарова, А. Аллалыева, М. Реджепова // Символ науки: международный научный журнал. 2023. Т. 1. № 12-1. С. 46-48.
6. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года (утв. Президентом РФ от 30 апреля 2012 г.) // Информационно-правовой портал «Гарант». // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70069264>. (Дата обращения: 07.06.2024).
7. Пугина В.К. Использование ресурсного потенциала отходов пластика как инструмент снижения негативных воздействий на биосферу / В.К. Пугина, К.Г. Пугин // Модернизация и научные исследования в транспортном комплексе. 2020. Т. 1. С. 220-223.
8. Сапожникова А.И., Шалбуев Д.В. Научно-техническое обоснование путей и возможностей решения экологических проблем в кожевенной промышленности // Вестник Казанского технологического университета / А.И. Сапожникова, Д.В. Шалбуев. 2017. № 15. С. 61-66.
9. Тарасов Л.А. Технические характеристики современных средств индивидуальной защиты кожи от негативных воздействий поражающих факторов различной природы / Л.А. Тарасов, А.А. Сухова, Е.А. Штуккина // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2020. № 3. С. 76-86.
10. Установление зон негативного воздействия вод на территории муниципальных образований и предлагаемые меры для снижения их влияния / А.В. Вдовенко, А.А. Мурашева, П.П. Лепехин [и др.] // Международный сельскохозяйственный журнал. 2023. № 4 (394). С. 389-394.
11. Шестов А.В. Технология получения кож для специальных защитных изделий, устойчивых к воздействию агрессивных сред // Национальная Ассоциация Ученых. 2022. № 77. С. 54-58.
12. Шестов А.В. Технология получения кож для специальных защитных изделий, устойчивых к воздействию агрессивных сред // Костюмология. 2022. Т. 7. № 2. С. 13-24.

Bibliography

1. Atdyeva A. Tannery production. Stages of the preparation process / A. Atdyeva, Akyeva, G.K. // CETERIS PARIBUS. 2023. № 4. P. 86-88.
2. Glebova E.V. Assessment and reduction of the negative impact of pyrolysis processing of rubber products on the environment / E.V. Glebova, A.T. Volokhina, D.V. Seliverstov // Environmental protection in the oil and gas complex. 2023. № 6 (315). P. 47-53.
3. Ivanov V.M. Efficiency of economic incentives to reduce the negative impact on the environment under the current legislation of the Russian Federation / V.M. Ivanov, D.V. Ivanov // Hydrotechnical construction. 2023. № 4. P. 35-41.
4. Kravchenya G.N. Directions and possibilities of processing waste from leather production / G.N. Kravchenya, E.I. Kordikova, A.V. Spiglavov // Proceedings of BSTU. Series 2: Chemical technologies, biotechnology, geoecology. 2017. № 2 (199). P. 220-226.
5. Nazarova, M. Environmental sustainability in modern logistics: innovative approaches to reducing the environmental impact in the supply chain / M. Nazarova, A. Allalaye, M. Redzhepova // Symbol of science: international scientific journal. 2023. Vol. 1. № 12-1. P. 46-48.
6. Fundamentals of State Policy in the Field of Environmental Development of Russia for the Period up to 2030 (approved by the President of the Russian Federation on April 30, 2012) // Information and Legal Portal "Garant". // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70069264>. (06.07.2024).
7. Pugina V.K. Using the Resource Potential of Plastic Waste as a Tool for Reducing Negative Impacts on the Biosphere / V.K. Pugina, K.G. Pugin // Modernization and Scientific Research in the Transport Complex. 2020. Vol. 1. P. 220-223.
8. Sapozhnikova A.I., Shalbuev D.V. Scientific and Technical Substantiation of Ways and Possibilities of Solving Environmental Problems in the Leather Industry // Bulletin of the Kazan Technological University / A.I. Sapozhnikova, D.V. Shalbuev. 2017. № 15. P. 61-66.
9. Tarasov L.A. Technical characteristics of modern personal protective equipment for skin from the negative effects of damaging factors of various nature / L.A. Tarasov, A.A. Sukhova, E.A. Shtukina // Medical, biological and socio-psychological problems of safety in emergency situations. 2020. № 3. P. 76-86.
10. Establishment of zones of negative impact of waters on the territory of municipalities and proposed measures to reduce their impact / A.V. Vdovenko, A.A. Murasheva, P.P. Lepekhin [et al.] // International Agricultural Journal. 2023. № 4 (394). P. 389-394.
11. Shestov A.V. Technology of obtaining leather for special protective products resistant to aggressive environments // National Association of Scientists. 2022. № 77. P. 54-58.
12. Shestov A.V. Technology of obtaining leather for special protective products resistant to aggressive environments // Costumeology. 2022. Vol. 7. № 2. P. 13-24.

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*

*Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского*

Ефремов Н.А.

Бакалавр, ФГБОУ ВО Владивостокский Государственный Университет,
г. Владивосток.

Поворот на восток: перспективы развития экономики России

В последние годы экономическая ситуация в России претерпела значительные изменения, вызванные как внутренними, так и внешними факторами. Усиление международных санкций, обострение геополитической напряженности и необходимость диверсификации экономических связей заставили российское руководство пересмотреть свои внешнеэкономические приоритеты. В этом контексте поворот на Восток, в первую очередь в сторону Китая, Индии и стран Юго-Восточной Азии, становится стратегическим направлением развития. Этот курс не только призван компенсировать потери от ограниченного доступа к западным рынкам и технологиям, но и открыть новые перспективы для роста и модернизации российской экономики.

Основная цель данной статьи — изучение перспектив и возможных последствий поворота на Восток для экономики России. В рамках статьи будет проведен анализ текущего состояния экономических связей России с азиатскими странами, рассмотрены ключевые проекты и инициативы, а также оценены потенциальные выгоды и риски такого сотрудничества. Важность данной темы обусловлена тем, что успешная реализация восточного вектора экономической политики может значительно повлиять на будущее развитие России, ее роль на мировой арене и благосостояние граждан.

Анализируя исторические, экономические и политические аспекты поворота на Восток, мы постараемся дать объективную оценку текущей ситуации и предложить возможные стратегии для максимизации выгод от сотрудничества с восточными партнерами. В результате мы сможем не только глубже понять текущие процессы, но и предугадать возможные сценарии их развития, что особенно важно в условиях глобальной неопределенности и быстро меняющегося мирового порядка.

В последние годы экономические связи России с восточными странами значительно усилились, что стало следствием стратегического по-

ворота на Восток. Эта переориентация обусловлена как внутренними экономическими потребностями, так и внешними факторами, включая санкции со стороны западных стран и необходимость диверсификации торговых партнёров.

Основными экономическими партнёрами России на Востоке являются Китай, Индия, и страны Юго-Восточной Азии. Китай, безусловно, занимает ведущее место среди них. Торговый оборот между Россией и Китаем непрерывно растёт, достигнув в 2023 году рекордных уровней. Экспорт из России в Китай включает в себя энергоресурсы, металлы, лесоматериалы и сельскохозяйственные товары, в то время как импорт из Китая состоит из машин и оборудования, электроники, одежды и бытовой техники.

Индия является вторым по значимости восточным партнёром России. Торговые отношения между двумя странами включают экспорт российских энергетических ресурсов, оружия и удобрений, в то время как Индия поставляет фармацевтическую продукцию, текстиль и сельскохозяйственные товары. В последние годы наблюдается рост индийских инвестиций в российскую фармацевтическую и IT-индустрии, а также совместные проекты в области атомной энергетики.

Важную роль в экономических связях играет энергетический сектор. Строительство газопровода «Сила Сибири», который связывает газовые месторождения Восточной Сибири с Китаем, является одним из крупнейших проектов последних лет. Этот проект значительно увеличил объём поставок российского газа в Китай и способствовал укреплению энергетической безопасности региона.

Азиатские рынки, особенно Китай и Индия, демонстрируют высокий темп экономического роста и значительный спрос на различные товары и услуги. В этом контексте Россия имеет возможность существенно увеличить экспорт своей продукции, включая энергоносители, металлы, сельскохозяйственные товары и продукцию химической промышленности¹. Рост спроса на энергоресурсы, особенно природный газ, создаёт дополнительные стимулы для расширения поставок и строительства новых инфраструктурных объектов, таких как газопроводы и терминалы для сжиженного природного газа (СПГ).

Помимо традиционных секторов, таких как энергетика и металлургия, Россия имеет потенциал для развития экспорта высокотехнологич-

¹ Поворот на Восток: итоги и задачи / А.Ф. Субетто, В.А. Татарников, Ю.С. Ковалев // Россия в глобальной политике. 2022. № 19(2). С. 45-63.

ных товаров и услуг. В последние годы наблюдается рост интереса к российским IT-продуктам и услугам в сфере кибербезопасности, а также к передовым решениям в области атомной энергетики и авиастроения. Укрепление сотрудничества с восточными партнёрами в этих сферах может привести к созданию совместных предприятий и научно-исследовательских центров, способствующих технологическому прогрессу и инновациям.

Сектора экономики с наибольшим потенциалом – это сельское хозяйство, энергетика и технологический сектор.

Азиатские страны являются одними из крупнейших импортеров сельскохозяйственной продукции в мире. Россия, обладая значительными ресурсами плодородных земель и обширными возможностями для производства зерна, масличных культур и мяса, может значительно нарастить экспорт сельскохозяйственной продукции в страны Востока. Важным направлением также является развитие агропромышленных комплексов, ориентированных на переработку и экспорт продукции с высокой добавленной стоимостью.

Энергетический сектор остаётся ключевым в экономических отношениях России с Востоком. Расширение поставок природного газа в Китай², Индонезию и другие страны, а также развитие проектов в области возобновляемых источников энергии, таких как ветровая и солнечная энергетика, создаёт дополнительные возможности для роста. Совместные проекты по строительству энергетической инфраструктуры и обмен технологиями в области энергоэффективности и экологии также имеют высокий потенциал.

В экономике современного типа все большую роль начинают играть технологии и инновации. Россия обладает значительным потенциалом в области IT, кибербезопасности, биотехнологий и космических технологий. Сотрудничество с ведущими азиатскими технологическими компаниями и научными центрами должно поспособствовать развитию этих отраслей как в внутри нашего государства так и призвано повысить экспортный потенциал РФ.

Несмотря на значительные перспективы и возможности, поворот на Восток сопряжен с рядом вызовов и рисков, которые необходимо учитывать для успешного развития экономических связей.

Один из ключевых рисков связан с политической и геополитической

2 Проблемы и риски российской политики поворота на Восток / Д.В. Стрельцов, А.В. Торкунов, Е.В. Колдунова // Российский Совет по международным делам. 2021. № 15 (1). С. 77-102.

нестабильностью в регионе. Изменения в политической обстановке, внутренние конфликты и международные санкции могут оказывать негативное влияние на экономические отношения. Например, обострение отношений между Китаем и его соседями или усиление санкционного давления на Россию могут осложнить реализацию совместных проектов и торговых операций.

Внутренние проблемы также могут стать серьёзным препятствием на пути развития восточного направления. В первую очередь, это касается инфраструктурных и логистических вопросов. Развитие транспортной сети, модернизация портов и улучшение качества дорог требуют значительных инвестиций и времени. В то время, как недостаточное развитие инфраструктуры может замедлить рост экспорта и уменьшить привлекательность России как торгового партнёра для стран, которые могли бы значительно повлиять на развития нашего государства.

Проблемы с бюрократией и коррупцией остаются ещё одной серьёзной преградой³. Необходимость проведения административных реформ и улучшения инвестиционного климата является ключевым условием для привлечения зарубежных инвесторов и эффективного выполнения проектов.

Для успешного преодоления вызовов и минимизации рисков, связанных с поворотом на Восток, необходимо разработать и реализовать ряд стратегий и рекомендаций.

Развитие инфраструктуры также должно стать приоритетом. Инвестиции в строительство и модернизацию транспортных коридоров, портов и логистических центров помогут ускорить движение товаров и улучшить торговые связи с азиатскими странами. Особое внимание следует уделить развитию цифровой инфраструктуры и внедрению передовых технологий в управление транспортными и логистическими процессами.

Создание стратегических партнёрств с ключевыми странами Востока является важным элементом успешной реализации восточного вектора экономической политики. Сотрудничество с Китаем, Индией и странами Юго-Восточной Азии в рамках международных организаций, таких как ШОС и БРИКС, способствует укреплению экономических и политических связей.

Развитие взаимовыгодного сотрудничества и обмен технологиями также играет важную роль. Совместные проекты в области науки и тех-

3 俄羅斯的東方轉向：發展前景和挑戰 / 张伟, 李明 // 国际关系研究. 2023. № 28 (3). С. 12-29.

нологий, образование и культура могут способствовать не только экономическому росту, но и укреплению доверия и взаимопонимания между странами.

Поворот на Восток представляет собой стратегически важное направление для экономического развития России в условиях текущей геополитической и экономической ситуации. Усиление санкционного давления со стороны западных стран, необходимость диверсификации экономических связей и открытие новых рынков делают азиатский вектор особенно актуальным и перспективным.

Анализ исторических аспектов показывает, что отношения России с восточными странами имеют глубокие корни и многовековую историю, что создаёт прочную основу для дальнейшего сотрудничества. Современные экономические связи с такими странами, как Китай, Индия и государства Юго-Восточной Азии, демонстрируют значительный потенциал для роста, особенно в секторах торговли, инвестиций и инфраструктурных проектов.

Перспективы развития восточного направления включают в себя увеличение экспорта энергетических ресурсов, сельскохозяйственной продукции и высокотехнологичных товаров. Совместные инфраструктурные проекты и сотрудничество в области науки и технологий также открывают новые возможности для экономического роста и инноваций.

Тем не менее, поворот на Восток сопряжён с рядом вызовов и рисков, таких как политическая нестабильность, внутренняя бюрократия и недостаточное развитие инфраструктуры. Для успешного преодоления этих препятствий необходимы экономические и административные реформы, улучшение инвестиционного климата и создание стратегических партнёрств с ключевыми азиатскими странами⁴.

Стратегическое сотрудничество с Востоком может стать ключевым фактором в обеспечении устойчивого развития российской экономики. Умелое использование потенциала восточного направления позволит России не только компенсировать потери от ограниченного доступа к западным рынкам, но и укрепить свои позиции на мировой арене, обеспечив стабильное и долгосрочное развитие в условиях глобальных изменений, прецеденты которых мы видим по всему миру в XXI веке.

⁴ Переслегин С.Б. Проблема стратегирования развития научных исследований в РФ в свете требований Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Экономические стратегии. 2020. Т. 19. № 1 (143). С. 60-71.

Список литературы:

1. Субетто А.Ф., Татарников В.А., Ковалев Ю.С. Поворот на Восток: итоги и задачи // Россия в глобальной политике. 2022. № 19 (2). С. 45-63.
2. Стрельцов Д.В., Торкунов А.В., Колдунова Е.В. Проблемы и риски российской политики поворота на Восток // Российский Совет по международным делам. 2021. № 15 (1). С. 77-102.
3. Чжан Вэй, Ли Мин. Восточный поворот России: перспективы развития и вызовы // Исследования в области международных отношений. 2023. № 28 (3). С. 12-29.
4. Переслегин С.Б. Проблема стратегирования развития научных исследований в РФ в свете требований Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Экономические стратегии. 2020. Т. 19. № 1 (143). С. 60-71. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28409516> (Дата обращения: 16.01.2024)

Bibliography

1. Subetto A.F., Tatarnikov V.A., Kovalev Yu.S. Turn to the East: Results and Tasks // Russia in Global Affairs. 2022. № 19 (2). P. 45-63.
2. Streltsov D.V., Torkunov A.V., Koldunova E.V. Problems and Risks of the Russian Policy of Turn to the East // Russian International Affairs Council. 2021. № 15 (1), P. 77-102.
3. Zhang Wei, Li Ming. Russia's Eastern Turn: Development Prospects and Challenges // Studies in International Relations. 2023. № 28 (3). P. 12-29.
4. Pereslegin S.B. The Problem of Strategizing the Development of Scientific Research in the Russian Federation in Light of the Requirements of Federal Law No. 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation" // Economic Strategies. 2020. Vol. 19. № 1 (143). P. 60-71. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28409516> (16.01.2024)

Бахарев Д.Д.

Аспирант, ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», г. Пермь.

Государственная жилищная политика в России в условиях развития системы национального проектирования

Государственная жилищная политика играет одну из ключевых ролей в жилищной сфере – обеспечении, предоставлении гражданам жильем и улучшении жилищных условий для всех слоев населения, вне зависимости от их социального статуса и финансовых возможностей. В условиях глобальных вывозов достигнуть эти цели становится все сложнее. В связи с этим возникает необходимость совершенствования действующих или разработки новых механизмов современной государственной жилищной политики.

Жилищная сфера остается одной из непростых, играющую значительную роль в российской экономике, которая решает большой спектр задач и в том же время проблемных областей экономики России. В течение последних двух десятилетий жилищная сфера в РФ прошла через значительные изменения, и сегодня представляет собой смесь традиционных и современных форм жилья. Одной из важнейших задач современной жилищной политики является решение жилищных проблем с помощью передовых механизмов строительства жилья. Развитие жилищного строительства и улучшение жилищных условий проживания российских граждан являются фундаментальным аспектом благополучия и качества жизни в современном обществе и одним из основных направлений во внутренней политике государства. Одной из основных проблем жилищной сферы в России является недостаток доступного и качественного жилья для многих граждан.

«Жилищная проблема – это вечная проблема России. Начиная с незапамятных времен, она всегда остро стояла и никогда не была решена. Построить нужное количество жилья точно возможно. Мы можем эту проблему решить, у нас есть такой исторический шанс», – утверждает Президент РФ В.В. Путин¹.

1 Стратегия развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года. // URL: <https://>

Огромный спектр для решения жилищных проблем сформирован в рамках реализации государственной жилищной политики. Развитие жилищного строительства и улучшение жилищных условий проживания граждан являются одним из основных направлений во внутренней политике государства. Важными аспектами в жилищной политике также являются сохранение и модернизация жилого фонда, развитие комфортной городской среды и инфраструктуры.

Проблемы жилищной политики сегодня сталкиваются с рядом новых вызовов и испытаний, важно найти механизмы решения жилищных проблем граждан. Одной из главных и острых проблем жилищной политики является проблема доступности приобретения жилья в современных условиях становиться одной из социально-значимых, острых проблем общества. Поскольку потребность человека в жилище является важной и необходимой частью образа жизни человека и социального воспроизводства. В этой связи необходимо создавать и реализовывать новые механизмы для развития современной жилищной политики. Одним из перспективным направлений по мнению автора – развитие строительства арендного жилья. На развитие строительства арендного жилья было акцентировано в содержательной части «Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года», но реализация строительства арендного жилья до 2023 г. не получило. Кроме этого, данный вопрос поднимался В.В. Путиным, который, выступая с посланием к Федеральному Собранию РФ, предложил к ранее перечисленным инструментам государственной жилищной политики начать строительство арендного жилья для сотрудников оборонно-промышленных предприятий (ОПК).

Изучение проблем государственной, региональной и муниципальной жилищной политики, а также анализ жилищного фонда, имеет ключевое значение для понимания современной ситуации на рынке жилья. Множество исследователей занимались этой проблематикой, как на международном, так и на российском уровне.

В числе зарубежных исследователей можно назвать таких ученых, как Харви Молоч (Harvey Molotch), который изучал роль социального государства в формировании жилищной политики². Его работы в области го-

www.garant.ru/files/3/7/1334573/strategiya-razvitiya-zhilischnoy-sfery-rossiyskoy-federacii-na-period-do-2025-goda.pdf?ysclid=lz9gr4nzc8972600638.

² The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. Harvey Molotch Source: American Journal of Sociology, Vol. 82. № 2 (Sep. 1976). P. 309-332.

родской социологии включают анализ жилищной политики и ее влияния на общественные пространства. На российской сцене исследования, связанные с государственной и региональной жилищной политикой, активно ведут такие ученые, как Владимир Пеньковский, Наталья Зубаревич, Дмитрий Шманько. Их работы касаются различных аспектов жилищной политики, включая проблемы доступности жилья, регулирование жилищного строительства, учет интересов различных социальных групп³.

Акцентируем исследовательский фокус на перспективное направление жилищной политики – арендное жилье. Надо признать, что строительство арендного жилья для России отнюдь не новый механизм решения жилищных проблем. Первые так называемые доходные дома начали появляться еще в XVIII в. в Москве и Петербурге, а к XIX в. в столицах они занимали большую часть жилищного фонда.

Вопросам развития арендного жилья посвящены труды следующих российских ученых. Так А.А. Еременко отмечает, что законодательство РФ в данном вопросе несовершенно, недоработаны многие реализующиеся проекты. Автор отмечает, что необходима поддержка со стороны государства в развитии таких проектов через механизмы субсидии и предоставления льгот как для застройщиков, так и для отдельных категорий граждан⁴.

Известный исследователь проблем социальной политики Т.И. Кубасова представила результаты анализа основных положений Стратегии развития жилищной сферы РФ до 2025 г. и нормативно-правовые основы арендных отношений (отношений найма) в жилищной сфере. Стратегия предполагает одновременное развитие двух форматов арендного жилья (коммерческая и некоммерческая аренда). Автор отмечает отсутствие единого подхода к использованию основных понятий (аренда, наем, коммерческая аренда)⁵.

О.С. Рыбкина в своей исследовательской работе заявляет о ряде значительных проблем, которые создают барьеры для развития сектора арендного жилья в России – нормативно-правовое регулирование⁶. В то же время Д.И. Долгов подчеркивает важность развития цифровых контрактов (умные контракты) в новых программах и проектах по строительству

3 Зубаревич Н.В. Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен». 2024.

4 Еременко А.А. Наемное жилье: особенности реализации, перспективы реализации инвестиционных проектов // Молодой ученый. 2018. № 24 (210). С. 368-369. // URL: <https://moluch.ru/archive/210/51430/>.

5 Кубасова Т.И. Арендное жилье в России: предпосылки, проблемы и перспективы развития // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. 2018. № 4. С. 1-13.

6 Рыбкина О.С. Социальная политика современного государства: европейский опыт развития рынка социального арендного жилья // Электронный научный Вестник Нижегородского института управления. 2021. № 1 (59). С. 45-50.

арендного жилья. Он отмечает значительный потенциал по развитию рынка арендного жилья в России и применения новых технических платформ, которые в свою очередь смогут вывести «теневой рынок» аренды и сделают цивилизованный рынок арендного жилья в России⁷.

Далее, С.Г. Стерник и М.А. Лаврентьев представили результаты сравнительного и статистического прогноза по развитию нового сегмента – арендное жилье и интереса государства к развитию цивилизованного рынка арендного жилья. Отдельно отмечают перспективы развития строительства арендного жилья через государственный институт развития АО «ДОМ.РФ» и ГЧП⁸.

В развитии темы несколько слов следует сказать об истории нормативно-правового регулирования жилищной сферы России. Так Конституция РСФСР 1918 г. определила основы государственной политики в области жилищного законодательства. При этом закрепление права трудящихся на жилище в Основном законе отсутствовало. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. основной формой собственности на жилье называл государственную собственность. С этого периода возникает понятие – «государственный жилищный фонд». Отметим далее, что в Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г. право на жилье не выделялось.

Преобразования в развитии социальной сущности государства привели впервые в России к возможности закрепить право на жилище в Конституции СССР 1977 г. В 1983 г. был утвержден первый Жилищный кодекс РСФСР, который действовал до 1 марта 2005 г.

Третий этап развития права на жилище начался с принятия Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г.

Ст. 40 Конституции РФ провозгласила право каждого гражданина России на жилище. В Конституции произошел отказ от планово-распределительной системы обеспечения жилищными помещениями и монополии государственного фонда и муниципального фонда, а потребность в жилье должна была решаться за счет собственных средств граждан, а не за счет общественных фондов потребления. Роль государства сводится к поощрению жилищного строительства и созданию условий для осуществления провозглашенного права на жилье.

Итак, для граждан Российской Федерации конституционное право на

⁷ Долгов Д.И. Развитие института жилищного строительства на основе цифровых контрактов рынка арендного жилья в России // Электронный научный журнал MODERN SCIENCE. 2020. № 1-2. С.53-56.

⁸ Стерник С.Г., Лаврентьев М.А. Основные направления решения научной проблемы формирования и оценки стоимости профессионального портфеля арендного жилья // Экономические системы. 2021. Том 14. № 3 (54). С. 12-23.

жилище является одним из главных, основополагающим, фундаментальным правом, так как составляет его правовую сущность и имеет огромное значение в обеспечении достойного и высокого уровня жизни граждан.

Рассматривая конституционное право на жилье, как базовое, такие понятия как «арендное жилье», «доступное жилье», «рынок арендного жилья» по отношению к нему выступают механизмами реализации права на жилище.

Таким образом, конституционное право на жилье прошло свой эволюционный путь и стало правовой базой для других законодательных документов.

Согласно части 1 статьи 40 Конституции РФ, каждый имеет право на жилище. При этом нормы ч. 3 этой статьи предусматривают, что малоимущим, нуждающимся в жилье, предоставляется за доступную стоимость или бесплатно⁹.

Эффективность реализации жилищной политики – это комплекс мер, направленные на повышения жилищных условий среди граждан и его можно оценить по ряду ключевых аспектов:

- доступность жилья: одним из главных показателей эффективности жилищной политики является доступность жилья для всех категорий граждан. Данный показатель включает в себя как ценовые категории жилья, так и реализация государственных программ (льготные программы для ряда социальных групп населения);

- качество жилищных условий: это касается как состояния самого жилья, так и инфраструктуры (социальные объекты);

- строительство нового жилья: оценивается по количеству построенного жилья в разрезе субъектов РФ и в целом, вводу жилья в эксплуатацию, срокам и качеству строительства;

- государственные программы: ряд государственных программ таких как программы по субсидированию жилья, льготные ипотечные кредиты и ряд других мер поддержки, которые оказывают значительное влияние на доступность жилья;

- регулирование арендного рынка жилья: реализация государственной программы по строительству арендного жилья сделало бы толчок в доступности предоставления жилья тех категорий граждан, которые не могут получить одобрение на ипотечное кредитование. Строительство арендного жилья от государства является перспективных механизмом решения жилищных проблем граждан, тема строительства доходных до-

⁹ Конституция Российской Федерации. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

мов не новая и сейчас пришло время вернуть строительство такого жилья так считает автор.

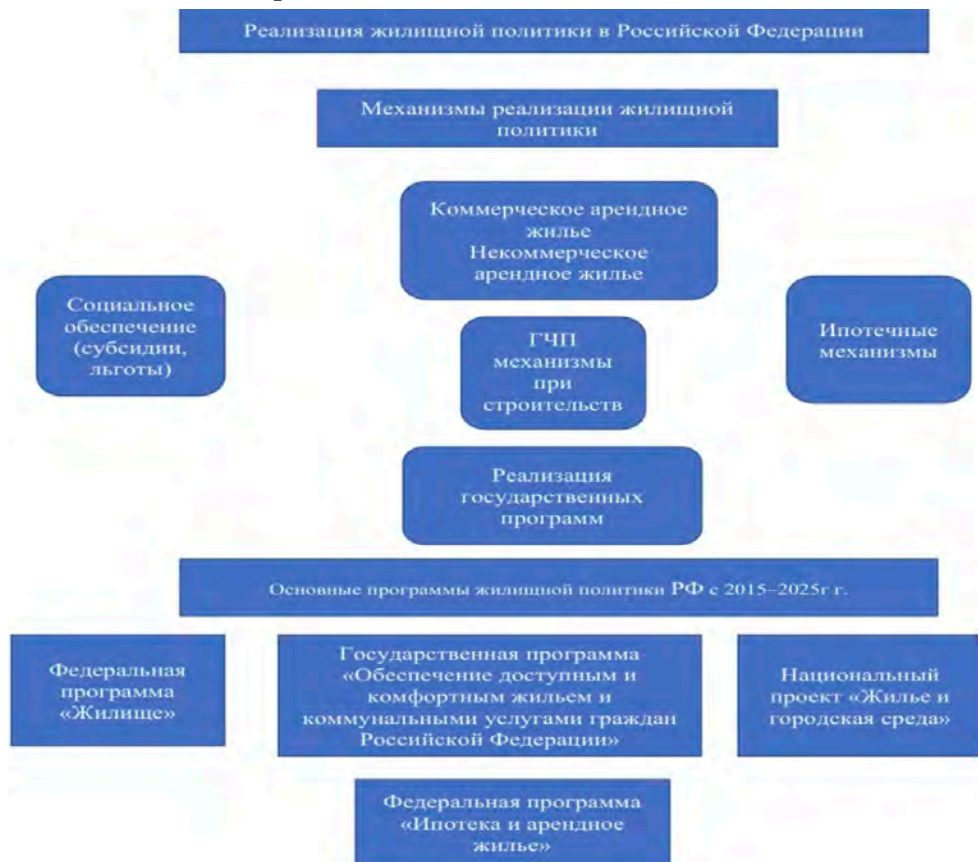

Рисунок 1. Реализация государственной жилищной политики в РФ.

Источник: составлено автором на основе анализа государственных программ¹⁰.

Государственная жилищная политика РФ нацелена на обеспечение нуждающихся жильем и является одной из наиболее значимых проблем социальной политики государства. Нынешняя жилищная политика нуждается в совершенствовании. Государство готово предоставлять новые возможности и механизмы приобретения доступного жилья через рынок арендного жилья. Участие государства в преодолении жилищной проблемы позволяет решить социальную задачу, способствуя реализа-

¹⁰ Официальный сайт Правительства Российской Федерации, раздел государственные программы. // URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/>.

ции конституционного права граждан России на жилище. Уровнями осуществления жилищной политики являются федеральный, региональный и муниципальный.

Важным аспектом является развитие строительства арендного жилья в жилищной политике России, которое может стать одним из механизмов для поддержки семей с невысоким уровнем дохода, о чём говорится в поручении президента России В.В. Путина. Необходимо создать институт социального арендного жилья, где государство будет являться оператором. Безусловно, создание такого института и реализация программы для развития социального арендного жилья возможна за счет средств федерального бюджета государства.

В России существует несколько самых распространённых способов по решению жилищных проблем среди граждан – покупка собственного жилья или съём жилья в аренду. И если часть нуждающихся граждан (35–45 %) способны приобрести собственное жилье с помощью ипотеки, прямой покупки жилья (Аналитическая записка Банка России, 2021 г.) или участием в долевом строительстве, то оставшаяся часть остается в стороне с нерешёнными жилищными проблемами¹¹.

Покупка жилья в ипотеку в России остается чуть ли не единственным способом улучшить свои жилищные условия. Достаточно большое количество жилищных кредитов с различными процентными ставками реализуются через ряд государственных программ, но даже ипотечное кредитование не всегда является подъёмным для граждан. Но существуют проблема ипотечного кредитования – не все граждане могут рассчитывать на льготную ипотеку ввиду отсутствия критериев участия в льготных государственных программах, а без продления программы льготной ипотеки рынок жилья вовсе может рухнуть. Ипотечное кредитование дает возможность так или иначе обеспечить жильем лишь 50–60% нуждающихся граждан. А остальная часть, 40–50% нуждающихся, не могут при любых льготных ипотеках ее взять и им нужен наем: наем социальный, наем субсидированный и другие виды найма.

В 2023 г. жилье в России перестало быть доступным во всех без исключения регионах России. Это предшествовало, безусловно, после повышения % ставки Центрального банка РФ и, как следствие, это способствовало недоступностью ипотечных кредитов по реальным адекватным % ставкам. В своем исследовании, которое проводилась еще в 2022 г., про-

11 Официальные данные Банка России «Об оценки потенциального спроса на ипотеку». // URL: https://cbr.ru/content/document/file/131065/analytic_note_20211129_dip.pdf.

гнозировался существенный рост % ставки по ипотечному кредитованию и завершение льготной ипотеки с государственной поддержкой. С 2023 г. по август 2024 г. Центральный банк России продолжил поднимать ключевую ставку и, следовательно, росла и ставка по ипотечному кредитованию. Ситуация на рынке жилья входит в сложную фазу на ближайшее несколько лет.

В нынешнее непростое время есть потенциальная возможность дать новый толчок развитию арендного жилья со стороны государства, в том числе рынка социального арендного жилья. Кроме этого, с появлением институционального рынка арендного жилья решится вопрос, связанный с так называемым «серым» рынком арендного жилья. Арендное жилье для России является перспективным инструментом повышения доступности жилья среди населения с невысоким уровнем дохода, эта тема неоднократно звучала, в том числе, и со стороны Президента РФ. «От 35 до 50% семей в РФ не могут позволить себе покупку нового жилья. Для таких семей необходимо строить наемное жилье с субсидированной арендной ставкой», об этом говорится в **проекте письма в Минстрою России Светланы Разворотневой** - советника мэра Москвы по жилищно-коммунальному хозяйству, заместителю председателя общественного совета при Минстрое России¹².

Применение арендного жилья в качестве обеспечения жилищных проблем может быть рассмотрено для улучшения жилищных условий более широких групп населения.

Рисунок 2. Перспективные формы развития арендного жилья в РФ.

Источник: составлено автором на основе анализа государственных программ¹³.

Кроме того, развитие института «арендного жилья» – существенный

12 Текст проекта письма в Минстрой России Светланы Разворотневой. // URL: <http://gkhkontrol.ru/2021/03/70130>.

13 Официальный сайт Правительства Российской Федерации, раздел государственные программы. // URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/>.

толчок к более гибкой и мобильной трудовой миграции населения, один из существенных механизмов поддержки и развития промышленных кластеров, привлечения в регионы инвесторов. Государственная жилищная политика нацелена на создание всех возможных механизмов поддержки граждан, направленных прежде всего на решение жилищных проблем. Ключевым преимуществом арендного жилья является, прежде всего, то обстоятельство, что получение арендного жилья не требует внесения первоначального взноса за такое жилье, а для ряда социальных групп могут быть установлены льготные ежемесячные платежи.

Подчеркнем огромный потенциал развития строительство арендного жилья от государства как драйвера государственной жилищной политики. Для сдачи такого жилья в аренду с субсидированием гражданам и всем остальным нуждающимся в предоставлении такого жилья. Важно отметить, что стоимость такого жилья должна быть чуть ниже рыночной, так как такое жилье сдаётся с государственной поддержкой. В ближайшее время будет наблюдаться тенденция высокого спроса на проекты и программы арендного жилья в субъектах РФ.

Для развития строительства арендного жилья необходимо:

- создать при Правительстве РФ межведомственную рабочую группу для разработки системы мер по поддержке строительства арендного жилья;

- разработать механизм развития арендного жилья в дотационных регионах;

- предоставить льготы для застройщиков арендного жилья, в виде, например, предоставления на безвозмездной основе земельных участков для застройки таких домов;

- разработать и принять федеральный проект «Арендное жилье».

Принятие данных мер позволит задать дальнейший вектор развития сферы арендного жилья в РФ. Жилищная политика в нашей стране нуждается в развитии социальной жилищной политики в том числе развитию в регионах арендного жилья как инструмента решения жилищных проблем граждан.

Таким образом, важно подчеркнуть глубину проблематики, связанную с улучшением жилищных условий среди граждан РФ, значимость и перспективу нового механизма современной жилищной политики на ближайшее 5 – 10 лет – строительство арендного жилья в регионах России. Проблематика в предоставлении с обеспечением жилья разных категорий граждан сохраняется, а ситуация с ипотечным кредитованием сохра-

няет темпы снижения. При этом, нельзя не иметь в виду, что ипотечное кредитование в современных условиях подвержено и «политизации». Властные группы активно используют данную повестку в целях социально-политической мобилизации конкретных общественных слоев населения (специалисты сферы ИТ, многодетные семьи, жители новых регионов РФ, переселенцы на Дальний Восток и др.).

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (Дата обращения: 10.08.2024).
2. Стратегия развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года // URL: <https://www.garant.ru/files/3/7/1334573/strategiya-razvitiya-zhilischnoy-sfery-rossiyskoy-federacii-na-period-do-2025-goda.pdf?ysclid=1z9gr4nzc8972600638>. (Дата обращения: 09.08.2024).
3. Официальный сайт Правительства Российской Федерации, раздел государственные программы. // URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/> (Дата обращения: 04.08.2024)
4. Текст проекта письма в Минстрой России Светланы Разворотневой. // URL: <http://gkhkontrol.ru/2021/03/70130> (Дата обращения: 08.08.2024).
5. Официальный сайт Правительства Российской Федерации, раздел государственные программы. // URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/> (Дата обращения: 05.08.2024).
6. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. Harvey Molotch Source: American Journal of Sociology, 1976. Vol. 82. № 2. P. 309-332.
7. Зубаревич Н.В. Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен». 2024.
8. Еременко А.А. Наемное жилье: особенности реализации, перспективы реализации инвестиционных проектов // Молодой учёный. 2018. № 24 (210). С. 368-369.
9. Кубасова Т.И. Арендное жилье в России: предпосылки, проблемы и перспективы развития // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. 2018. № 4. С. 1-13.
10. Рыбкина О.С. Социальная политика современного государства: европейский опыт развития рынка социального арендного жилья // Электронный научный Вестник Нижегородского института управления. 2021. № 1 (59). С.45-50.
11. Долгов Д.И. Развитие института жилищного строительства на основе цифровых контрактов рынка арендного жилья в России // Электронный научный журнал «MODERN SCIENCE». 2020. № 1-2. С. 53-56.
12. Стерник С.Г., Лаврентьев М.А. Основные направления решения научной проблемы формирования и оценки стоимости профессионального портфеля арендного жилья // Экономические системы. 2021. Том 14. № 3 (54). С. 12-23.

Bibliography

1. Constitution of the Russian Federation. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (10.08.2024).
2. Strategy for the Development of the Housing Sector of the Russian Federation through 2025 // URL: <https://www.garant.ru/files/3/7/1334573/strategiya-razvitiya-zhilischnoy-sfery-rossiyskoy-federacii-na-period-do-2025-goda.pdf?ysclid=1z9gr4nzc8972600638>. (09.08.2024).
3. Official website of the Government of the Russian Federation, section on state programs. // URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/> (04.08.2024)
4. Text of the draft letter to the Ministry of Construction of Russia by Svetlana Razvorotneva. // URL: <http://gkhkontrol.ru/2021/03/70130> (08.08.2024).
5. Official website of the Government of the Russian Federation, section on state programs. // URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/> (05.08.2024).
6. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. Harvey Molotch Source: American Journal of Sociology, 1976. Vol. 82. № 2. P. 309-332.
7. Zubarevich N.V. International Conference "Russian Regions in the Focus of Change". 2024.
8. Eremenko A.A. Rental housing: implementation features, investment project implementation prospects // Young scientist. 2018. № 24 (210). P. 368-369.
9. Kubasova T.I. Rental housing in Russia: prerequisites, problems and development prospects // Electronic scientific journal of Baikal State University. 2018. № 4. P. 1-13.
10. Rybkina O.S. Social policy of a modern state: European experience in developing the social rental housing market // Electronic scientific Bulletin of the Nizhny Novgorod Institute of Management. 2021. № 1 (59). P.45-50.
11. Dolgov D.I. Development of the housing construction institution based on digital contracts for the rental housing market in Russia // Electronic scientific journal «MODERN SCIENCE». 2020. № 1-2. P. 53-56.
12. Sternik S.G., Lavrentiev M.A. Main directions of solving the scientific problem of forming and assessing the cost of a professional rental housing portfolio // Economic systems. 2021. Vol. 14. № 3 (54). P. 12-23.

Полянина А.К.

*Кандидат социологических наук, доцент,
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
Самарский государственный университет путей сообщения.*

Государственное управление и гражданский активизм в сфере обеспечения информационной безопасности личности

Степень деструктивности информационного контента оценивается как критический и на национальном, и на международном уровне, что и привело к появлению международных механизмов ограждения детей от опасной для их развития информации, а также национальных систем фильтрации вредного контента. Негативные последствия тотального внедрения цифровой инфраструктуры во все области социальной жизни признаны экологическими проблемами. Однако не всегда государственно-правовые меры регулирования контента способны оградить современных детей от рисков, связанных с погружением в информационное поле, особенно сетевого характера. При этом гражданские формы контроля развиваются хотя и активно, но не преодолевая спонтанного характера. Распространение цифровой грамотности как главного условия предотвращения последствий названных рисков не решает проблему окончательно. Требуется систематизация всех уровней контроля, включая общественный. Значимость форм гражданской активности заключается, прежде всего, в возможностях широкого мониторинга рисков, сбора и интерпретации общественного мнения, в том числе и с использованием цифровых технологий.

Целью исследования соотношения государственного регулирования и общественного контроля рисков информационного пространства в отношении личности предполагает характеристику явления гражданского активизма в данной области и рассмотрение эффективных стратегий его реализации, включая оценку мотивационной составляющей.

В большинстве современных междисциплинарных исследованиях актуализируется проблема взаимодействия человека и информации. Эффекты влияния информационного пространства на аудиторию описаны в теориях массовой коммуникации: двуступенчатой коммуника-

ции П.Ф. Лазарсфельд и Э. Катца¹, в теории моделей коммуникации Дж. Грунига и Т. Ханта и др. Ш. Вигли и М.И. Хайт. Отдельные исследователи критикуют упрощенный подход градуально-линейной модели, которая рассматривает интенсивность медиавлияния через шкалу: «сильное-ограниченное-умеренное-сильное». Брайант и С. Томпсон в работе «Основы воздействия массмедиа» указывают на необходимость выработки более точного и широкого мета-подхода к исследованию медиавоздействия, которое включало бы сразу три уровня влияния на коммуниканта: поведенческий, аффективный (эмоциональный) и когнитивный.

Мендхар В. Акрам рассматривает отрицательное влияние социальных медиа через риски и угрозы (кибербуллинг, интернет-зависимость), предлагая сфокусироваться на позитивных эффектах (расширение кругозора, развитие социальных навыков), уменьшая негативные последствия (искаженное представление о теле, нарушение сексуального поведения и проч.). Данный подход считается традиционным и широко распространён в современной педагогике. Между тем информационное поле наполнено контентом, который ребенок не в силах «позитивно» применять.

Специфику применения цифровых технологий как новых культурных орудий, влияющих на формирование современного ребенка и подростка, исследует группа ученых Московского государственного университета². Намереваясь уйти от категорий оценочного подхода «позитивный – негативный», выдвигается принцип оптимальности. Данный подход прекрасно подходит к осознанному медиапотреблению, но трудно применяем в детском возрасте. Классификация цифровых рисков подробно рассматривается в трудах Sonia Livingstone³.

Гражданская активность интерпретировалась исследователями с точки зрения разных подходов: и как критерий демократизации общества и уровня культуры и образованности граждан; и как показатель способности граждан к личностной субъектности; и как форма контроля за государственным управлением, а также и поддержки решений публичной власти; и как основа реформирования государственного устройства и экономической жизни; и как феномен кооперации граждан для достижения конкретных целей; и как особый «социальный

1 Katz Elihu "Communications research and the image of society: On the convergence of two traditions." *American Journal of Sociology* 65: 1960. P. 435-440.

2 Войскунский А.Е., Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В. P62 Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие. – М.: 2022. 356 с.

3 Livingstone and Stoilova. 2021. The 4Cs: Classifying Online Risk to Children. ОЭСР, 2021 г. Children in the digital environment: Revised Typology Of Risks.

капитал» государства. Среди форм гражданской активности выделяются такие как общественный контроль, политическое участие, социальная работа и помощь. Исследователи уделяют внимание различным аспектам функционирования институтов гражданской активности, в том числе адаптации к цифровой среде⁴, трансформации функций гражданского активизма⁵, межкультурным перспективам⁶, вопросам информационной открытости структур гражданского активизма⁷, стимулам гражданского участия в онлайн-площадках⁸, вопросам государственного субсидирования разных типов гражданского активизма⁹, освоению новых цифровых практик¹⁰.

Отечественные и зарубежные исследователи, изучая стратегии и механизмы гражданской активности в информационной сфере, указывают на принцип консолидации усилий, синхронности, синергии всех элементов управленческой системы при взаимодействии и согласованности их ресурсов для достижения поставленной цели. Этот принцип, принцип синергичности ресурсов, и выступает метафактором эффективности управленческой стратегии по минимизации рисков вреда от информации. В отечественной практике гражданского активизма по обеспечению информационной безопасности личности наблюдается проблема противоречивости в интерпретациях вреда участниками гражданского активизма с одной стороны, и правовых механизмов регулирования информационного поля – с другой.

Большинством исследователей признается высока степень влияния информационного поля на все сферы развития и проявления личности. Информационному стрессу подвержены все слои населения, но особенно уязвимыми становятся дети. В стремлении оградить юное поколение от негативного опасного информационного контента, граждане проявляют

4 Туманова А.С., Сафонов А.А. Гражданское общество в информационно-цифровую эпоху: проблемы трансформации и адаптации // Мир России: Социология, этнология. 2022. № 2. С. 6-25.

5 Jakobson L.I., Mersiyanova I.V. Transformation of Civil Society Organization Functions in Modern Russia, in: Civil Society: Concepts, Challenges, Contexts: Essays in Honor of Helmut K. Anheier. Springer, 2022. Ch. 23. P. 333-347.

6 Knorre B.K., Koellner T. Patriotism, Nationalism, Illiberalism in Their Relation to Religion: A Cross-Cultural Perspective // Religions. 2022. Vol. 13. № 9. Article 772.

7 Малахов Д.И., Якобсон Л.И. Корпоративное управление и информационная открытость в российских НКО // Прикладная эконометрика. 2021. Т. 62. С. 101-124.

8 Сморгунов Л.В., Игнатьева О.А. Факторы гражданского участия на электронных платформах // Социологические исследования. № 7. 2021. С. 101-112.

9 Филиппова А.В. Финансовая поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в регионах России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 2. С. 61-86.

10 Шабанова М.А. Новые потребительские практики в условиях цифровизации гражданского общества: результаты эмпирического исследования в России (Статья 2) // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 3-17.

ся, объединяя усилия, создаются группы родительского контроля, стремятся нарабатывать практику применения инструментов общественного влияния, регулирования информационного поля. Отмечается, что такое влияние на личность достигло порога за которыми процесс может стать неуправляемым. Реакция на стрессогенные информационные факторы проявляются со стороны гражданского общества в виде осознанных и спонтанных стратегий. Профессионально-правовая реакция со стороны государственных институтов следует за проявлением гражданской активности, чему свидетельствует динамика законодательных изменений, касающихся опасной информации (вредной или запрещенной для распространения) от запрета рекламы табачных изделий до запрета пропаганды ЛГБТ.

В соответствии с нормативно-правовыми положениями допускается участие структур гражданской активности при осуществлении общественного контроля за реализацией мер по обеспечению информационной безопасности детей, прежде всего, в форме мониторинга оборота информации и выявление запрещенной и опасной информации. Гражданский активизм в информационном поле выступает способом участия граждан в управлении оборотом информации. Социальная потребность, составляющая основу данного социального явления обусловлена особенностями мотивации участников гражданского активизма, не связанными с профессиональной или коммерческой заинтересованностью в отличие от иных субъектов управления – государства и медиаотрасли. При этом одним из важнейших преимуществ гражданского активизма выступает отсутствие каких-либо бюрократических ограничений по использованию сетевых инструментов социальной коммуникации. Фактором гражданской активности в рассматриваемой области становится осознание гражданами недостаточности возможностей государственного контроля, признание необходимости реформ в оценке информационных рисков и их минимизации.

Гражданская активность в области предотвращения риска причинения информацией вреда есть особая форма солидарности жертв риска («общности людей, защищающих здоровье и безопасность природы и общества¹¹»), например, солидарности родителей и кооперация их в форме различных родительских сообществ. Такой вид гражданской активности предполагает помимо мониторинга информационного поля и разнообразные формы обратной связи и обжалования, например, со-

11 Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. XII. № 1. С. 3-35.

здание «горячих линий» для сообщения о фактах оборота опасной информации.

Статистика обращений за экспертизой информационной продукции в соответствии с ФЗ 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» демонстрирует значение гражданского активизма в процессах обеспечения информационной безопасности подрастающего поколения. По результатам наших ранних исследований именно общественность (НКО и физические лица) выступила заказчиком почти четверти наиболее резонансных экспертиз за период с 2013 по 2023 г. несмотря на условие платности экспертизы. Статистика обращений к Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка показывает роль гражданского активизма в реализации права детей на безопасную информационную среду. В 2022 году на 32% больше обращений, чем в прошлом году¹². Сам институт Уполномоченного можно охарактеризовать как посредника между публичной властью и участниками гражданской активности¹³.

В 2023 году Росмолодёжью рассмотрено и вынесено 33 175 проектов решений о признании материала запрещенным к распространению на территории РФ. На ежедневном мониторинге сетевой активности находится более пяти миллионов профилей, проявляющих активность, по направлениям: суицидальное поведение, скулшутинг, подражание криминальному поведению, пропаганда наркотических средств¹⁴.

В результате опроса в сентябре 2023 г. представителей общественных объединений и некоммерческих организаций (N-120), специализирующихся в области защиты детей из числа заказчиков экспертизы информационной продукции по данным официального сайта Роскомнадзора были определены отдельные характеристики и тенденции гражданской активности в области защиты детей от вредной информации, как частного случая обеспечения информационной безопасности личности¹⁵. Опрос был направлен на выявление мнений относительно пробелов и недостатков законодательства в сфере защиты детей от вредной информации и правоприменения в этой области, особенностей установленных

12 Доклад уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка.

13 Полянина А.К. Синергия государственного регулирования и гражданской активности при обеспечении информационной безопасности детей // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11 (165). С. 63-66.

14 Доклад о реализации в 2023 году плана деятельности федерального агентства по делам молодежи за период 2019–2024 г. // URL: <https://fadm.gov.ru/documents/?ysclid=lv3la2dpqg20390050>

15 Polyanina A., Andreeva Ju. Development of civic activism as a strategy of public regulation in the field of information security // E3S Web of Conf. 2023. Vol. 449. International Scientific and Practical Conference «Priority Directions of Complex Socio-Economic Development of the Region» (PDSSED 2023), 2023. p. 07009.

возрастных категорий информационной продукции, рейтинга наиболее опасного контента, способах и эффективности контактов структур общественного контроля с органами государственного контроля, экспертизы информационной продукции, необходимости и форм интеграции участников гражданской активности. В ходе опроса респонденты высказались о методах совершенствованию системы защиты детей от вредной информации, например, о введении «смертной казни» за распространение криминальной информации, «тотального поэтапного контроля» за информацией со стороны государства, введении единых «норм нравственности, обязательные для всех возрастных категорий». Ими также отмечается необходимость «межведомственного взаимодействия с общественными объединениями, экспертами по медиабезопасности». Категоричность и резкость суждений опрошенных свидетельствует о сложности понимания ими задач и правовых механизмов регулирования информационной сферы, а также пределов государственного регулирования, о стремлении к максимальному контролю, а не выработке условий для саморегулирования информационных рисков структурами медиаотрасли как отвечающей современным реалиям.

В результате опроса определены дефекты существующей практики управления рисками. Проведенный опрос представителей общественных объединений и некоммерческих организаций, специализирующихся в области защиты детей выявил, что основным стимулом обращения к государственным органам контроля и надзора, а также к судебным инстанциям, выступает намерение привлечь к ответственности участников оборота вредной информации, её производителей или распространителей. Около трети респондентов отметили отсутствие ожидаемых результатов таких обращений и жалоб. При этом информация была признана запрещенной и изъята из информационного пространства по жалобам более половины опрошенных. Эти данные могут свидетельствовать о повышении эффективности гражданских инициатив, возможно, в связи с изменением всей политико-правовой реальности последних лет и ужесточением регулирования информационной сферы. Причинами отклонения жалоб общественников явились по их мнению недостатки законодательства в информационной сфере 60%, проблемы правоприменения – 40%.

Главными проблемами в области законодательства по защите детей от информации, с точки зрения опрошенных выступают: неточность законодательно установленных критериев вредной информации и недо-

статочная ответственность родителей (учителей) за потребление детьми вредной информации. 30% респондентов указывают на недостаточность юридической ответственности взрослых (родителей, учителей) и готовности нести её. Среди главных недостатков государственного регулирования данной области отмечается: недостаточный спектр контролирующих полномочий – 47%; недостаточность мер ответственности – 40%; отсутствие единого контролирующего органа – 9%.

Большинство респондентов проявили желание создать единую общенациональную структуру общественного контроля, треть опрошенных заявили о готовности совместного с публичными властями участия в решении вопросов обеспечения информационной безопасности детей. Респонденты видят решение проблем по защите от информационного воздействия в следующих действиях: *«исключение вредоносной информации из информационного пространства детей»* (блокирование, ограничение доступа), разработка *«механизма управления и контроля»* (ужесточение юридической ответственности информационных агентов), *«создание идеологических оснований»* (разработка четкой структуры ценностей и государственной единой идеологии).

Таким образом, можно сделать вывод о наличии и укреплении следующих тенденции развития гражданского активизма: увеличения спроса на ужесточение государственного регулирования информационной сферы; распространение использования сетевых средств коммуникации, повышающих результативность гражданского активизма, направленного на борьбу с вредоносным контентом; увеличение требований в отношении уточнения правового формулирования критериев вреда от информации; рост интеграции структур гражданской активности.

Гражданский активизм в области обеспечения безопасности информационного пространства можно признать явлением контроля за процессами информационной среды не столько альтернативного государственному и противопоставляемого ему, сколько стимулирующей его реактивности в отношении феноменов опасности и рисков. Обнаруженная готовность участников гражданской активности к консолидации и интеграции усилий, направленная на минимизацию рисков и угроз со стороны информационного пространства, на фоне все более распространяющейся практики применения цифровых сетевых технологий сбора и интерпретации социальной информации (общественного мнения) указывает на повышение роли гражданского активизма среди других субъектов управления информационной сферой, прежде всего, государства и

медиаиндустрии, призываемой к саморегулированию.

Следует отметить также и отсутствие у представителей гражданского активизма известных уязвимостей мотивационной сферы, характерных для других субъектов управления, например, коррупционных и коммерческих мотивов. Мотивационная составляющая гражданского активизма характеризуется редким среди институализированных форм контроля качеством - альтруизмом. Негативные состояния и чувства представителей гражданского активизма в ситуации встречи с негативным контентом, связаны, полагаем, с общими для участников активности качествами особой психологической чувствительности и интенсивности переживаний, что и проецируется ими на всех потребителей такого контента.

Развитие гражданского активизма, таким образом, сосредоточено в направлениях мониторинга рисков, разработки и уточнения нормативных формулировок критериев вреда от информации, ужесточения юридической ответственности участников оборота информации, а также государственного субсидирования мероприятий по оценке вредоносности контента. Масштаб развития гражданского активизма сфере контроля информационного поля непосредственно соотносится, с одной стороны, с распространенностью в обществе людей, имеющих отмечаемые психологические особенности реагирования на опасный контент, и с гомогенизацией ценностных представлений и установок, как способствующих единству интерпретации риска и вредоносности контента, с другой стороны.

Список литературы:

1. Войскунский А.Е., Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие. – М.: 2022. 356 с.
2. Малахов Д.И., Якобсон Л. И. Корпоративное управление и информационная открытость в российских НКО // Прикладная эконометрика. 2021. Т. 62. С. 101-124.
3. Полянина А.К. Синергия государственного регулирования и гражданской активности при обеспечении информационной безопасности детей // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11 (165). С. 63-66.
4. Сморгунюв Л.В., Игнатьева О.А. Факторы гражданского участия на электронных платформах // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 101-112.
5. Туманова А.С., Сафонов А.А. Гражданское общество в информационно-цифровую эпоху: проблемы трансформации и адаптации // Мир России: Социология, этнология. 2022. № 2. С. 6-25.
6. Филипова А.В. Финансовая поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в регионах России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 2. С. 61-86.
7. Шабанова М.А. Новые потребительские практики в условиях цифровизации гражданского общества: результаты эмпирического исследования в России (Статья 2) // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 3-17.
8. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. XII. № 1. С. 3-35.
9. Jakobson L.I., Mersiyanova I.V. Transformation of Civil Society Organization Functions in Modern Russia, in: Civil Society: Concepts, Challenges, Contexts: Essays in Honor of Helmut K. Anheier. Springer, 2022. Ch. 23. P. 333-347.
10. Katz Elihu "Communications research and the image of society: On the convergence of two traditions." American Journal of Sociology 65: 1960. P. 435-440.
11. Knorre B.K., Koellner T. Patriotism, Nationalism, Illiberalism in Their Relation to Religion: A Cross-Cultural Perspective // Religions. 2022. Vol. 13. № 9. Article 772.

12. Livingstone and Stoilova. 2021. The 4Cs: Classifying Online Risk to Children. ОЭСР, 2021 г. Children in the digital environment: Revised Typology of Risks.
13. Polyanina A., Andreeva. Ju. Development of civic activism as a strategy of public regulation in the field of information security // E3S Web of Conf. 2023. Vol. 449. International Scientific and Practical Conference «Priority Directions of Complex Socio-Economic Development of the Region» (PDSED 2023), 2023. p. 07009.

Bibliography

1. Voyskunskiy A.E., Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Vishneva A.E., Teslavskaya O.I., Chigarkova S.V. Born Digital: Family Context and Cognitive Development. – M.: 2022. 356 p.
2. Malakhov D.I., Yakobson L.I. Corporate Governance and Information Transparency in Russian NGOs // Applied Econometrics. 2021. Vol. 62. P. 101-124.
3. Polyanina A.K. Synergy of State Regulation and Civic Activity in Ensuring Children's Information Security // Theory and Practice of Social Development. 2021. № 11 (165). P. 63-66.
4. Smorgunov L.V., Ignatyeva O.A. Factors of Civic Participation on Electronic Platforms // Sociological Research. 2021. № 7. P. 101-112.
5. Tumanova A.S., Safonov A.A. Civil Society in the Information and Digital Age: Problems of Transformation and Adaptation // The World of Russia: Sociology, Ethnology. 2022. № 2. P. 6-25.
6. Filipova A.V. Financial Support for Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Regions of Russia // Issues of Public and Municipal Administration. 2021. № 2. P. 61-86.
7. Shabanova M.A. New Consumer Practices in the Context of Digitalization of Civil Society: Results of an Empirical Study in Russia (Article 2) // Sociological Research. 2020. No. 12. P. 3-17.
8. Yanitsky O.N. Sociology of risk: key ideas // Mir Rossii. 2003. Vol. XII. № 1. P. 3-35.
9. Jakobson L.I., Mersyanova I.V. Transformation of Civil Society Organization Functions in Modern Russia, in: Civil Society: Concepts, Challenges, Contexts: Essays in Honor of Helmut K. Anheier. Springer, 2022. Ch. 23. P. 333-347.
10. Katz Elihu "Communications research and the image of society: On the convergence of two traditions." American Journal of Sociology 65: 1960. P. 435-440.
11. Knorre B.K., Koellner T. Patriotism, Nationalism, Illiberalism in Their Relation to Religion: A Cross-Cultural Perspective // Religions. 2022. Vol. 13. № 9. Article 772.
12. Livingstone and Stoilova. 2021. The 4Cs: Classifying Online Risk to Children. ОЭСР, 2021 г. Children in the digital environment: Revised Typology of Risks.
13. Polyanina A., Andreeva. Ju. Development of civic activism as a strategy of public regulation in the field of information security // E3S Web of Conf. 2023. Vol. 449. International Scientific and Practical Conference «Priority Directions of Complex Socio-Economic Development of the Region» (PDSED 2023), 2023. p. 07009.

М

ЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Московский государственный институт международных
отношений МИД Российской Федерации*

Бирюкова А.С.

Студент, Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Москва.

Мандрук И.В.

*Методист МКУ «Научно-методический центр г. Курска»,
Старший преподаватель кафедры теологии ФГБОУ ВО КГУ, Курск.*

Христианство в системе ценностей современного Китая

Китай – древнейшая цивилизация со сложной и противоречивой, во многом трагичной историей. Китайская культура уникальна и богата, но абсолютно чужда и непонятна для носителей русской культуры. В контексте геополитического сближения России и Китая как государств-цивилизаций возникает проблема культурной комплементарности, обуславливающая необходимость поиска сфер, эту комплементарность обеспечивающих. При взаимодействии разных цивилизаций именно вопросы религии представляются наиболее чувствительными и сложными, поскольку отражают онтологические, философские, ценностные и мировоззренческие представления народов. В этом ключе осмысление китайского опыта взаимодействия с религиями, в том числе с христианством, невероятно важно для понимания особенностей культуры Китая и построения конструктивного цивилизационного диалога между Китаем и Россией. Чтобы понять сущность этого диалога и определить его потенциал (границы и возможности) необходимо рассмотреть сложившийся способ существования христианства в системе ценностей современного Китая.

Однако при изучении особенностей христианства в Китае сразу же возникает ряд проблем: культурно-ментального характера, то есть вневременного, и политико-идеологического – социального, преходящего.

Проблемы культурно-ментального характера прежде всего очевидно обозначаются при попытке сопоставления иероглифической и буквенной письменности как базисов китайской и христианской культур. Письменность для китайской культуры – один из фундаментально значимых ее аспектов, и уже сам характер этой письменности осложняет взаимо-

действие с христианством, поскольку Библия, главный священный текст, создана в принципиально иной языковой и смысловой парадигме, для которой характерны иной психологизм и символизм, иные методы толкования священных текстов. В частности, сложности вызывает перевод лакун, то есть слов, обозначающих феномены, изначально не существующие в культуре (в нашем случае, например – душа, Бог). Китайский язык очень омонимичен и контекстуален, что ведет к тому, что устная коммуникация, особенно между жителями разных регионов, часто бывает затруднена. Тогда носители опираются на письменность, более-менее унифицированную вне зависимости от диалекта. Китайские иероглифы имеют многовековую историю, в их написании заложен определенный смысл, который считывается носителями на уровне черт и графем. Однако при интеграции инокультурных понятий чаще всего применяется метод фонетического калькирования, при котором подбираются иероглифы, передающие звучание слова на языке, откуда оно было заимствовано. При этом сочетание иероглифов может быть произвольным, что ведет к полной потере смысла на визуальном уровне, тогда как при переводе религиозных текстов каждый знак должен нести особую символическую нагрузку, аккумулировать огромное количество смыслов и проявлять их так, как привыкли считывать смыслы носители культуры. Другой вариант – подбор максимально близкого понятия: например, в китайской культуре нет понятия души, но есть понятие духа. Однако, как мы увидим ниже, такой метод тоже неприемлем, поскольку между традиционно китайским пониманием сущности духа и христианским – души есть принципиальная разница, вследствие которой отождествление этих понятий – смысловая подмена. Такой вариант адаптации инокультурных понятий, может быть, и приемлем для получения общего представления о каких-либо бытовых или социокультурных феноменах, но недопустим при переводе текстов религиозной тематики. Перечисленные выше нюансы затрудняют деятельность как переводчиков, так и священнослужителей и создают препятствия ментального характера на пути взаимного проникновения культур.

Другим – социально-преходящим – характером обладает политико-идеологическая проблема антирелигиозной позиции Коммунистической партии Китая. КПК – мощнейшая идеологическая сила, формирующая общественное мнение и обладающая рычагами для определения мировоззренческих позиций китайского общества. В частности, таким рычагом является тотальная цензура, позволяющая

контролировать все информационные потоки в том числе и в пределах закрытой китайской интернет-сети. Другой рычаг – система образования, которая отнюдь не задается целью ознакомить китайское население с фундаментально отличными картинами мира, которые, например, предлагают мировые религии. Так, создаются препятствия информационно-идеологического характера, обусловленные современной политической системой Китая.

Указанные явления в совокупности порождают проблему источников, актуальную как для исследователей христианства в Китае, так и для его потенциальных адептов. При попытке поиска китаеязычных материалов в самой популярной поисковой системе Baidu, можно увидеть частые запросы пользователей на тему христианства: «что такое христианство?», «христианство – хорошо или плохо?», «моя девушка христианка – что делать?», «почему государство борется с христианством?» С одной стороны, частотность этих запросов отражает некий интерес общества к взаимодействию религиозных культур, с другой – примитивный и несколько пассивно-агрессивный характер этих запросов подтверждает наличие как ментальной, так и идеологической трудности в обращении к указанной проблематике.

Сам запрос на определение христианства говорит о полной неосведомленности общества в вопросах мировых религий, притом, что скорее всего такие запросы формулируют не школьники, а взрослые люди с каким-то уровнем образования и жизненного опыта. Ответы отражают наивно-примитивную формулировку запросов. Либо они представлены в форме кратких информативных выжимок историко-географической или статистической направленности, либо, что очень характерно для китайского сегментированного интернета, в форме иллюстративного ряда. В ответ на запрос определения христианства предлагаются картинки, демонстрирующие все символы авраамических религий. Так формируется понимание, что христианство – часть иного целостного, но чуждого мира. Причем через подобный иллюстративный ряд христианство отождествляется с исламом, что накладывает негативную коннотацию и связывает христианство с угрозой мусульманского мира, опыт соприкосновения с которым есть у Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном регионе. Другим способом объяснения чуждого и непонятного христианства является поиск точек соприкосновения с относительно знакомыми религиозными практиками. Например, можно увидеть изображение райских врат с христианским крестом и подписью «нирвана». Носителю хри-

стианской культуры это, естественно, покажется абсурдным, поскольку христианские представления о рае не имеют ничего общего с буддистским пониманием нирваны как растворения и прекращения жизненных перерождений в мире, полном страданий. Для христианской традиции в принципе чуждо эталонное созерцательное состояние, наоборот – есть представления о том, что святые в раю не предаются праздности, а продолжают свой жизненный путь духовного труда – молитв за человечество. Деятельность души отнюдь не прерывается с физической смертью человека, что видится абсолютным благом, а не продолжением страданий. То есть ментальный барьер принципиального непонимания существует не только со стороны пользователей китайского интернета, но и со стороны авторов контента, которые, намеренно или нет, либо определяют христианство как нечто чуждое и агрессивное, либо же формируют представления совсем далекие от сущности этой религии.

Следующий уровень после усвоения какого-либо представления о христианстве – оценочное суждение, категории которого, «хорошо» или «плохо», также наивны и примитивны. Вопрос хорошо или плохо ли христианство говорит уже не просто о неосведомленности общества в подобных вопросах, но об отсутствии понимания методологии осмысления мировоззренческих онтологических проблем и принятия иных картин мира. Подобный запрос, обращенный во вне, свидетельствует о пассивной позиции человека в этом размышлении, о его желании получить готовый ответ и принять как позитивную, так и агрессивную позицию по отношению к христианству. И такая возможность представляется пользователям – через видеоматериалы и карикатуры. Видеоматериалы носят подчеркнуто пропагандистский характер, в них использована упрощенная и сниженная лексика, которая будет понятна любому китайцу (значительная часть которых не имеет высшего образования). Карикатуры тоже отражают это упрощение и снижение стиля, многие из них выполнены в стиле аниме – элемент поп-культуры, который будет воспринят и страшим, и молодым поколением. Старшее поколение увидит нечто безнравственное и антитрадиционное в таких изображениях, поскольку аниме, во-первых, в большей степени часть японской культуры, тоже чуждой и враждебной, во-вторых, оно часто ассоциируется с эротикой и гипертрофированной жестокостью. Для молодого поколения такие изображения сразу снизят уровень христианских святых до героев поп-культуры, тем самым поместив их в иную ценностную плоскость, где приемлемо все то, что отрицает христианство. Например, есть изображения Христа в обли-

ке антропоморфного монстра, распятого на кресте с терновым венком на голове. Христос – один из главных символов христианства – изображается ужасным, страшным. Для фанатов аниме это может быть и притягательно, но страдания Христа, граничащие с яростью и злостью, размывают христианские представления о добре и зле, о Боге и Дьяволе – Христос с такой позиции не выглядит спасителем человечества, скорее очевидны его намерения мстить за причиненные страдания. Может быть, такие изображения и трактовки христианских символов и покажутся привлекательными для молодого поколения, но никак не дадут хотя бы поверхностного представления о христианстве, наоборот – извратят его. Как бы нам не хотелось осудить авторов контента за подобные изображения, их интерпретации христианства и его символов являются вторичными по отношению к запросам пользователей, готовых принять информацию об одной из мировых религий в такой форме.

В контексте общего негативного информационного фона понятна и психологическая мотивация вопроса «моя девушка христианка – что делать?», поскольку он отображает опасения, обеспокоенность, отсутствие подобного жизненного опыта. То, что такой вопрос адресуется обезличенным пользователям сети, а не близкому человеку, говорит о неумении или нежелании китайцев обсуждать мировоззренческие и религиозные вопросы. Это подтверждает и личный опыт общения с представителями китайского общества: попытка беседы на тему христианства оборачивается смущением и удивлением. Примечательно, что такой запрос привел в недоумение даже специалиста по китайской культуре, он тактично объяснил, что подобными проблемами заниматься непринято. С одной стороны, очевидно, что китайцы действительно не владеют этим вопросом, с другой – становится понятно, что разговоры о религии неудобны и неприемлемы в рамках этикета даже, судя по всему, в общении с близкими людьми.

Нежелание касаться темы христианства связано и с интуитивно понятной и даже очевидной позицией властей относительно этой религии. Вопрос «почему государство борется с христианством» при отсутствии сколько-нибудь целостного и глубокого представления об этой религии говорит об ощущении человека оппозиционности христианской и китайской картин мира. При этом в саму формулировку заложено то, что в христианстве есть какой-то изъян, какая-то опасность. Человек хочет получить конкретный ответ, в чем они заключаются, подкрепить аргументами уже сформированную антирелигиозной пропагандой позицию.

То есть мы видим, что сколько-нибудь массовый запрос на получение какой-то информации о христианстве существует. Но этот запрос слишком пассивен, сами формулировки отражают нежелание и невозможность самостоятельных поисков более сложных ответов. Предлагаемые ответы носят больше иллюстративный визуальный характер при малочисленности текстовых источников. Явная пропагандистская направленность материалов по теме христианства создает эклектичное, поверхностное, искаженное его понимание массовым пользователем китайского интернета. Пользователи получают формализованную, «обработанную» информацию, которой действительно недостаточно для обретения самостоятельных сложных представлений о христианстве. На это наслаивается то, что в Китае запрещено распространение иностранных религиозных материалов. Это лишает массовую аудиторию возможности альтернативных точек зрения самих носителей конвенционального христианства. В условиях того, что христианство нетрадиционная для Китая религия и, как мы уже понимаем, весьма непривычная и сложная для восприятия китайскими адептами, создается почти полный информационный вакуум для массовой аудитории.

При этом научный христианский дискурс в Китае все же существует, он в основном носит исторический или социологический характер с антирелигиозным подтекстом. Подобные статьи как правило хранятся в закрытых базах данных для научных сотрудников, что говорит об ограниченном доступе к подобным материалам и для пользователей с более высоким уровнем интеллектуальных запросов. Этот дискурс в основном представляет собой интерпретацию различных исторических фактов с позиции антирелигиозной пропаганды. В сущности, мы имеем дело с продолжением неблагоприятной информационной среды, в которую помещено христианство в Китае: выбираются не объединяющие, а разъединяющие элементы взаимодействия двух культур.

Например, есть материалы, освещающие позицию Китая в конфликте с Ватиканом, канонизировавшем китайских мучеников, погибших в том числе во время восстания ихэтуаней [1]. Поводом к восстанию стало низовое восприятие христианства как проводника империалистических правительств, стремящихся поработить Китай. В распространении христианства виделась причина социальных и природных бедствий. Так, в народном сознании закрепилась идея, что уничтожение христианства и его адептов на территории Китая сможет вывести страну из глубочайшего социально-политического кризиса, вызванно-

го серией поражений в военных конфликтах с западными (христианскими) странами. В результате взрыва народного недовольства только на территории провинции Шанси было убито 150 иностранцев и 20 тысяч китайцев-христиан [2].

Сам факт претензий со стороны китайского правительства в связи с канонизацией невинно убитых христиан демонстрирует принципиальное непонимание христианских оснований для святости. Мученическая смерть за веру – одно из ключевых возможных условий канонизации, поэтому Ватикан, можно сказать, не имел права это игнорировать, тогда как китайское правительство воспринимает факт канонизации как попытку нанести оскорбления. Это непонимание китайских властей – всего лишь отражение культурного диссонанса, возникшего в народном сознании во время восстания. Этот диссонанс ярче всего раскрылся в искреннем удивлении мятежников, предлагавших своим жертвам отречься от веры в обмен на сохранение жизни и получавших отказ. Восставшие принципиально не могли осознать того, что отречение от веры неприемлемо с точки зрения христианина. Тем очевиднее культурная разница, ментальная невозможность понять и принять иное место человека и его жизни в другой ценностно-религиозной системе. Это очерчивает водораздел между христианской и китайской религиозными картинками мира, определяющий основные точки человеческого существования: отношение к смерти и жизни, сам их смысл. Эта разность экзистенциального характера, способная спровоцировать конфликты такого же уровня. В этой связи возникает множество вопросов, в том числе вопрос о трудностях цивилизационного сосуществования и сопряженная с ним проблема культурной комплементарности.

Таким образом, рассмотрев китаеязычные источники как массового, так и сегментированного характера, предназначенные для внутреннего информационного потребления, мы можем констатировать неготовность носителей китайской культуры к восприятию иной картины мира, пассивность осмысления вопросов религиозного характера, острую идеологизацию и политизацию религиозной тематики. Такое позиционирование христианства в информационной среде позволяет предположить существование в китайском обществе некоторых опасений перед влиянием христианства на китайскую культуру, заставляющих государство применять меры для контроля и сдерживания этого влияния. Думается, такое предположение вполне допустимо, поскольку соприкосновение с западным христианским миром в XIX-XX веках привело страну к фак-

тической потере суверенитета и разрушительным историко-культурным последствиям.

Однако мы знаем современный Китай как страну, которая стремится к активному взаимодействию со странами Запада, происходящему в том числе посредством англоязычных китайских источников, рассчитанных на внешнее информационное потребление. Их характер и содержание демонстрируют понимание со стороны китайского правительства того, что открыто враждебное отношение к христианству неприемлемо для западных партнеров и может обострить и так сложные отношения Китая и стран Запада. К таким источникам можно отнести крупнейшие англоязычные китайские газеты – People’s Daily и Global Times, а также различные правительственные ресурсы с международной тематикой, например, официальный сайт МИД КНР. Через подобные источники осуществляется информационный «импорт» образа Китая как демократической страны, в которой соблюдаются права человека. В этом контексте показательно, что именно на сайте МИД на нескольких языках опубликована обширная информационно-статистическая справка о благополучном состоянии религий и их конфессий на территории КНР. Это указывает на то, что само китайское правительство определяет религиозную проблематику как внешнеполитическую, способную воздействовать как на сближение с международными партнерами, так и возникновение конфликтов с ними. Упомянутые выше издания, контролируемые правительством КНР, тоже проявляют особый такт и осторожность в материалах религиозной направленности. С одной стороны, декларируется соблюдение конституционного права на свободу совести и, следовательно, вероисповедания (даже в таких проблемных регионах, как Тибетский и Синьцзян-Уйгурский автономные районы), с другой – Китай все же обозначает свою настороженную позицию по отношению к христианству, используя более отвлеченный контекст, например, обращаясь к опыту регионов, где пересекаются интересы Китая и стран Запада (“The West rought their «spiritual light» into Africa with a gun in one hand and a Bible in the other, but that light did not allow Africa to grow” [3]). Так, в англоязычных источниках правительство Китая, обозначая свою позицию и защищая свои интересы, не демонстрирует настолько очевидной неприязни к христианству, которое проявляется в материалах для внутренней аудитории.

Рассмотренные китайские источники позволяют определить идеологическо-политический контекст – тоже часть ценностной системы Китая, в которую так или иначе встроено христианство. Очевидно, что в Китае

существуют противоречия религии как таковой и политической идеологии, особенно острые в контексте нетрадиционных для страны учений. Это осложняется тем, что христианство – мировая религия, преимущественно распространенная на Западе.

Во-первых, правительство Китая опасается собственного идеологического потенциала христианства – древнего и мощного учения, проповедующего ценности человеческой личности, свободы и тщетность материального мира. Такая ценностная картина граждан неприемлема для современного коммунистического Китая, в «экономическом чуде» которого немалую роль сыграли традиционные для этой страны коллективизм и ориентация на социально-экономические, именно материальные, ценности. Во-вторых, китайские политики понимают, что во многих странах христианская церковь существует как некое государство в государстве со своими законами и иерархией, высокой степенью влияния, свободы и независимости. Естественно, христианские общины стремятся к такому же способу существования и в Китае, при этом расширяясь за счет активной проповеднической деятельности. Это нехарактерно для традиционных китайских учений, во многих буддистских общинах проповедь, напротив, запрещена по религиозным соображениям. Китай, на данном историческом этапе стремящийся к централизации власти, воспринимает усиление христианства и его потенциал к независимости как некий сепаратизм (слишком болезнен опыт идеологического и политического «возвращения» таких регионов, как Макао и Гонконг). Более того, христианство требует от своих последователей подчинения религиозным догматам, которые вступают в противоречие с законами Китая, где до сих пор практикуется смертная казнь и ограничивается свобода вероисповедания (например, чиновникам даже на пенсии законодательно запрещено исповедовать какую-либо религию). То есть существует противоречие метанарратива христианства и метанарратива коммунистической идеологии, сочетающейся с вековыми традициями. И в этом противоречии отражается противостояние китайской и христианской цивилизаций.

Сложность преодоления цивилизационной разницы усугубляется устойчивой ассоциацией этой религии с западным миром, экспансия которого стала исторической травмой Китая. Несмотря на то, что по некоторым данным христианство проникло в Китай в I в. н. эр. [4], впоследствии, уже через много веков, оно получило развитие именно благодаря католическим и протестантским миссионерам, родина кото-

рых – европейские империи. Конечно, не все европейские миссионеры были связаны с колониальными правительствами и у некоторых действительно была цель нести христианскую веру. Но многие скомпрометировали себя, во-первых, нечестным подкупом адептов (китайцы принимали крещение, например, за еду или небольшую сумму денег), во-вторых, поддержкой насильственного «открытия» Китая. В Китае присутствовали и русские православные миссии, но у них были совсем иные задачи и иной опыт.

После поражения в двух опиумных войнах в середине XIX века китайскому народу пришлось примириться с произволом западных властей и их нововведениями – логистической сетью, способствовавшей экономическому порабощению Китая и вывозу ресурсов из страны. На уровне народного сознания это воспринималось как вторжение вражеских нечистых сил, проникающих в Китай в том числе через христианскую веру и ее проповедников и адептов. К началу XX века напряжение во взаимоотношениях сторон достигло пика. Взрыву недовольства предшествовал социальный кризис и серия природных катаклизмов – во всем этом обвинили иностранцев и христиан, в число которых входили и китайцы, что вылилось в уже упомянутое жестокое и кровавое Ихэтуаньское восстание 1898-1900 годов («измученный тяжелой жизнью, доведенный до отчаянья хаосом и стихийными бедствиями китайский народ верил, что убийство иностранных миссионеров восстановит гармонию в обществе и в природе» [2]). Фактически недееспособные китайские власти далеко не сразу смогли прекратить беспорядки, а после были вынуждены выплачивать непосильные компенсации европейским правительствам, чьи подданные пострадали во время восстания. Так, и в государственном опыте, и отчасти в народном сознании сформировалось представление о неразрывной связи христианства и западной экспансии, принесшей столько страданий китайскому народу. При чем в этой парадигме православие вовсе не отделяется от католичества и протестантизма, в нем видится такая же угроза, несмотря на непричастность к геополитическим событиям, захлестнувшем Китай в XIX-XX веках.

Отчасти с отождествлением распространения христианства и западной экспансии связано современное положение христианских общин в Китае. Государство, защищая свой суверенитет, вводит ряд запретов и ограничений в деятельности религиозных общин: запрет проповедничества для иностранных священнослужителей, запрет публикации иностранной религиозной литературы, введение возрастных ограниче-

ний на получение религиозного образования; при помощи современных технологий ведется специализированный контроль за деятельностью священнослужителей и содержанием их проповедей. Вследствие этого общины нуждаются в качественной религиозной литературе, священнослужителях с фундаментальным богословским образованием, в собственно религиозном образовании; последователи христианства лишены возможности открыто проявлять свои религиозные чувства, в том числе посредством общения с главами церквей и прихожанами из традиционно христианских стран. Однако правительство видит, что этих мер, похожих на блокаду, не хватает для сдерживания роста христианства в Китае и разрыва связей между китайскими христианами и крупными западными конфессиями. Вследствие этого применяются дополнительные устрашающие и карательные меры. Около 10 млн. католиков, оставаясь верными папе римскому, в той или иной степени подвергаются репрессиям (от закрытия домашних церквей до арестов) из-за своих связей с Ватиканом [4]. Китайские властители остро реагируют на подобные контакты, поскольку они видятся фактическим предательством национальных интересов. Помимо претензий Китая к Ватикану за связи с Тайванем и канонизацию китайских мучеников, между Китаем и Ватиканом существует соперничество в реализации амбициозных глобалистских планов (западный глобалистский проект конкурирует с концепцией «Один пояс, один путь»). В этом контексте показателен тот факт, что в 2013 [5] и 2015 [6] годах Си Цзиньпин провел встречи с патриархом Кириллом (первые контакты с иностранным религиозным лидером с момента образования КНР), а в сентябре 2022 года отверг инициативу папы римского по встрече в Казахстане, где находились оба лидера [7]. В этом также раскрывается цивилизационное противостояние: пересекаются интересы двух глобальных проектов.

При очевидной цивилизационной разнице и конкуренции внешняя политика Китая в большей степени направлена на экономическое сотрудничество со странами Запада. При этом в условиях глобализированного мира для Китая невозможно отказаться от двустороннего экономического сотрудничества, благодаря чему в страну проникают адепты западной «мягкой силы» – бренды и товары массового потребления как атрибуты западной поп-культуры, несущие определенную идеологию и предлагающие соответствующий образ жизни. Эти западные потребительские ценности находят отклик у китайцев, для которых очень важно физическое и материальное благополучие. Одно из традиционных при-

ветствий – 你吃了吗? (Ты сегодня ел?) – в этом контексте позволяет говорить даже о некоем культе сытости, который и реализует западная массовая культура с многочисленными сетями быстрого питания. Последние из-за своей относительной дороговизны в Китае считаются весьма привлекательными, даже статусными местами.

Одновременные стремление Китая к мировой экспансии, попытки защитить свою культурную идентичность от западного влияния и вынужденная необходимость открывать экономику в процессе взаимодействия с западными странами создают очень противоречивую и сложную ситуацию, напоминающую ту, которая сложилась в XIX веке – накануне трагического для Китая военного конфликта с Европой. Главной его причиной стала экономическая экспансия Китая в странах Азии и Европы, осуществляемая посредством продажи предметов роскоши по очень жестким правилам, установленным самим Китаем, и при этом нежелание Китая двустороннего экономического сотрудничества со странами-экспортерами. Узнаваемый паттерн: Китай стремится к мировой экономической экспансии, осуществляемой теперь с помощью сбыта товаров массового потребления, но при этом не очень охотно открывается для внешнего мира. Да, имея трагичный исторический опыт, Китай не закрывает внутренний рынок, но в условиях глобального мира импорту и экспорту подлежат и ценности, зачастую идущие «в комплекте» с определенной потребительской корзиной. Закономерно, что Китай закрывается вновь, но уже в информационном плане, создавая законодательство, фактически ограничивающее права граждан на вероисповедание, свободное общение и свободу слова, используя широкий спектр инструментов от репрессий и социально-рейтинговой системы до тотальной цензуры и внутреннего интернета. При этом все эти меры представляются вполне закономерными и объяснимыми в контексте внешнеполитической стратегии Китая. Китайское правительство, с одной стороны, провозгласило в 1978 году политику реформ и открытости, во многом позволившую Китаю встроиться в глобальную экономику [8], с другой – с самого появления Интернета начало выстраивать «стену» информационной обороны против западного влияния, предполагая, что взаимодействие экономик неизбежно приведет и к взаимопроникновению культур.

Однако эффективность политики сдерживания западного влияния на данный момент подлежит сомнению. Китай, сам имея амбициозные глобалистские планы, в той или иной степени уже несколько десятилетий живет в рамках постмодернистского нарратива. Несмотря на ожесточенные

попытки государства контролировать информационное поле, значительная часть китайцев успешно обходит блокировки с помощью сервисов VPN и с ростом общего благосостояния страны получает возможность путешествовать. В силу этого идет сдвиг ценностной системы молодых поколений в сторону либеральной картины мира, так – происходит утрата традиционных ценностей и религиозных конфессий (или того, что от них осталось после травматичного и трагичного опыта «культурной революции» – политики Мао Цзэдуна 1966-1976 годов [9], направленной на уничтожение его политических противников и многих атрибутов имперского прошлого Китая, в том числе религии как таковой). Так, истощенная традиционная китайская культура в сочетании с заимствованной европейской идеологией коммунизма уже не в состоянии удовлетворять духовные потребности всего китайского общества. Китайцы, приобщаясь к западной системе ценностей как к альтернативной, начинают тяготеть и к христианству – фундаменту западной культуры. Складывается парадоксальная ситуация: Китай может стать самой христианской страной мира, фактически не являясь ею.

По официальным данным в Китае проживает 10 млн. христиан [9], но цифры, в зависимости от источников, варьируются до 130 млн [4]. Сложность подсчета обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в Китае существует специфическое понимание принадлежности той или иной религии: для китайца нет противоречия в том, чтобы сначала пойти в буддистский храм, а потом в христианский, потому что религиозная традиция позволяет обращаться к разным религиям для решения вопросов разного характера. Во-вторых, антирелигиозный курс государства не способствует тому, чтобы люди открыто заявляли о своей религиозной принадлежности. Наконец, официальная статистика может занижаться в интересах антирелигиозной пропаганды. Однако источники сходятся в том, что число христиан в Китае год от года растет. На этом фоне власти Китая пытаются хотя бы как-то взять ситуацию под контроль и прибегнуть уже к совсем крайним мерам и возглавить христианское движение в атеистической стране: периодически возникают идеи создания христианства «с национальной спецификой», что, конечно, несовместимо с христианским космополитизмом и понимаем многонационального мира как всечеловеческой общности.

Итак, существование христианства в Китае сопряжено с постоянными и острыми противоречиями с политической идеологией, претендующей на роль тотальной для страны, а в рамках глобалистских планов Китая –

для мира. Видя в христианском метанарративе геополитическую угрозу и фиксируя его распространение, власть, конечно, не может ни смириться со сложившейся ситуацией, ни кардинально ее изменить – христианство продолжает распространяться на территории Китая.

Естественно, такой необычный интерес к христианству со стороны китайского населения не мог не вызвать отклика у русских исследователей – самих носителей христианской культуры и специалистов в области синологии. Их работы в информационном пространстве представлены в двух направлениях. Первое – академическое направление, изучающее китайскую культуру как регионоведение. Второе – публицистическое, представленное работами священнослужителей. И эти два очень разные направления отражают и помогают понять сложность и многогранность положения христианства в Китае.

Ряд статей регионоведческого характера описывает, как Китай борется за свою культурную идентичность и противостоит распространению христианства. Такие статьи сигнализируют о весьма противоречивой позиции китайского правительства по отношению к христианству и религиям в целом. Эти источники отмечают определенную периодизацию: 2010-ые годы знаменуются некими послаблениями, тогда как к началу 2020-ых годов религиозная политика вновь ужесточается. Из них внешне складывается впечатление о некоей непоследовательности религиозной политики Китая. Материалы показывают, что многие решения относительно религиозной политики носят ситуативный характер и являются ответами на вызовы, с которыми сталкивается государство. Отдельные описания посвящены комплексу решений китайского руководства в период пандемии COVID-19, которая выступила катализатором очередного витка ужесточения антирелигиозной политики. Но эти же описания могут также служить маркером того, что проявление мощного и разнопланового противодействия возникает, так как этот цивилизационный конфликт предвиден и отчасти предвосхищается китайским правительством. Так, анализ русскоязычных источников позволяет ставить вопрос о наличии у Китая намеченной магистральной стратегии глобального цивилизационного противостояния. Но исследователи также обращают внимание на то, что помимо политических стратегий, есть и культурные механизмы, игнорирование или недопонимание которых со стороны КПК отражается в том, что китайское правительство надеется приостановить распространение и влияние христианского метанарратива с помощью информационной блокады и политики сдерживания, что

очевидно является неосуществимой задачей. Авторы подчеркивают, что непонимание этого тоже во многом обусловлено культурно-историческими факторами: в Китае никогда не существовало симбиоза религии и государства, император был абсолютным авторитетом. То есть русскоязычные источники фиксируют, что у китайских властей нет государственного опыта взаимодействия с религиями, который бы мог сформировать глубокое понимание роли религии в обществе, особенностей распространения веры и мотивации ее принятия и сделать стратегию противостояния христианству реализуемой.

Другая категория русскоязычных материалов – это источники русской православной церкви, существенно отличающейся в своей идеологии и культурной позиции от западно-европейской ветви христианства, проблемы в отношениях с которой были описаны выше. Авторы этих источников – преимущественно русские православные священники – анализируют положение христиан в Китае с точки зрения православной церкви и ее традиции. Эти источники описывают характер практики христианства в стране, его особую национальную специфику, связанную не столько с социально-политическим курсом, который определяет отношение государства и общества к христианству на данном историческом этапе, но с культурным фундаментом Китая, во многом формирующем сознание целой нации на протяжении веков. Русские православные священники отмечают ряд сложностей при взаимодействии христианской и китайской культур. Конечно, и священнослужители говорят о враждебности социально-политической среды Китая для православия и христианства в целом. Но особенно их беспокоят ментальные барьеры, возникающие на пути к осмыслению и принятию христианской системы ценностей.

Например, один из православных священников, проживавший на территории Гонконга в начале 2010-ых годов, говорит о глубочайшем культурном кризисе в Китае. Этот кризис – следствие потрясений XX века и противоречий XXI. Священнослужитель фиксирует, что в стране сложилась парадоксальная ситуация. Китай, так боровшийся и борющийся за свою культурную идентичность, воспринимающий Запад как цивилизационную угрозу и имеющий опыт столкновения с этой угрозой, принимает европейскую идеологию марксизма, во время «культурной революции» наносит серьезный урон собственной традиционной культуре и теперь пытается сдержать распространение западноевропейских либеральных ценностей, при этом не имея возможности предложить новым поколениям потенциально приемлемую для них альтернативу.

Священнослужитель очень пессимистично относится к перспективам преодоления этого кризиса, отмечая, что христианская цивилизация обрела свой мощнейший потенциал в тот момент, когда европейская философия соединилась с божественным откровением. По мнению автора, некая недостаточность китайской цивилизации в том, что она не обрела божественного откровения и соединение его с китайской традиционной философией уже невозможно, поскольку последняя «мертва» [1]. Священнослужитель делает вывод о том, что китайцам невероятно сложно воспринимать христианство, во-первых, потому что их уровень восприятия находится в иной плоскости (социальной, материальной, иерархической), во-вторых, потому что в самой культуре не существует феномена божественного откровения.

Также православные источники говорят о невозможности китайцев принять и понять христианскую онтологию. Для китайцев крайние точки мышления четко обозначены: бедный – богатый, свой – чужой, высший – низший по иерархии. Все эти диаметры проходят в земной социальной плоскости, тогда как диаметральные точки христианской культуры абстрактны – это добро и зло, рай и ад, Бог и Дьявол – эти диаметры лежат за пределами человеческого существования и сознания и лишь частично их пересекают. Православные священнослужители подчеркивают, что именно из-за этой онтологической разницы китайским адептам крайне сложно принять христианское единобожие и стремление к недостижимому духовному идеалу, осознать существование трансцендентального Бога и его всеблагу и всемогущую сущность.

Противоречия, которые обозначают русские православные священники связаны не столько с цивилизационным противостоянием западного и китайского мира, а со сложностями взаимодействия христианской и традиционной китайской культуры. Чтобы понять культурно-философский фундамент Китая, определяющий контекст, в который вписано христианство, надо обратиться к традиционным религиозным практикам.

Для китайской культуры характерен религиозный синкретизм [10], реализованный в комплексе сань цзяо (буквально – три учения: конфуцианство, даосизм и китайский буддизм). Первым из них возникает конфуцианство (VI-Vвек до н. р.), являющееся не религией, а в чистом виде социальной ценностно-этической системой («В конфуцианстве основное место занимают вопросы этики, морали, нравственной природы человека и приобретенных качеств, поведения в обществе, взаимоотношений с другими людьми» [11]). Естественно, конфуцианство не обладает рели-

гиозной догматикой или же пантеоном святых, в этом учении нет места трансцендентальному Богу, предметом почитания являются мудрецы и предки. При том, что конфуцианство проповедует гуманистические ценности, оно очень материалистично и социально. Это проявляется в ритуальной части учения: церемонии очень дорогие, роскошные, связанные с музицированием, традиционно их проводили мудрецы, которых нанимали богатые семьи. Другое проявление заложено в самом учении и его фаталистической направленности: в конфуцианстве большую роль играют имена, поскольку они определяют сущность предмета или человека, а значит, предназначение и судьбу – исключительно земную. С предопределением земной жизни человека связана и жесткая иерархичность, характерная для конфуцианства, где очень важна как семейная, так и социальная субординация. Также в конфуцианстве ценностями видятся самоконтроль, самосовершенствование, повышенная требовательность к себе, чувство социальной ответственности и трудовая дисциплина. В конфуцианстве уже присутствует понятие Дао, которое будет развивать даосизм, пока же оно представляется этической категорией, смысл которой – в исполнении долга.

В этом контексте понятно, почему конфуцианство всегда считалось «религией» императорских чиновников. И сейчас, в период глобального кризиса гуманитарной мысли, затрагивающего и Китай, партия в попытке спасти традиционные китайские ценности и предотвратить культурную экспансию Запада обращается именно к конфуцианству как к культурной скрепе: «Китайские руководители почти перестали цитировать Маркса, но зато все чаще обращаются в своих выступлениях к мудрости Конфуция».

В этом многие наблюдатели увидели поиск Китаем своей собственной модели общественного устройства, свободной от любых западных влияний» [12]. Такое продвижение конфуцианства на государственном уровне приводит к появлению специфических направлений – например, цифрового конфуцианства. В период пандемии COVID-19 его адепты призывали довериться судьбе, то есть властям (мы вновь видим проявление «ситуативной» религиозной политики). Во всем этом очевиден светский, материалистичный и социальный характер учения Конфуция, вполне приемлемый для страны, в Конституции которой прописан принцип атеизма.

Даосизм зарождается в своеобразной оппозиции к конфуцианству («... конфуцианские мыслители самоабстрагировались от рассмотрения он-

толого-сотериологической проблематики... Одновременно самому Конфуцию предъявлялась упреки в том, что он заботился лишь о социальной стороне бытия человека, забывая о нем как о личности» [11]). В даосизме возникает онтологическое начало («Дао у даосов начинает пониматься не просто как путь правителя, а как путь всех вещей, тот самый изначальный непроявленный хаос, абсолютная потенция, абсолютная возможность, основа бесконечных превращений» [13]). Причем эта онтология видится довольно натурфилософично, в ней нет идеи божественной природы всего сущего: «пять элементов в китайской натурфилософии — это земля, огонь, вода, металл и дерево, которые тоже находятся между собой в состоянии взаимного превращения и соотношения, гармоничного или негармоничного, то взаимоподавляя друг друга, то дополняя друг друга» [13]. Важно подчеркнуть, что даосизм дополняет один из ключевых текстов китайской культуры – «Книгу перемен», достраивающую понимание китайской онтологии, принципиально отличной от христианской: «В отличие от западных философий, которые всегда ориентировались на понятие субстанции... в Китае начиная с «Книги Перемен» мироздание воспринималось именно как постоянные изменения, самосущное и бесконечно изменчивое, но изменяющееся не хаотично, а в определенном порядке. Изменения — это постоянное чередование двух сил: света и тьмы, мужского и женского, наступления и отступления, активности и пассивности, сил ян и инь» [13]. Мы видим, что китайская онтология основывается на взаимодействии дихотомий, в рамках которых силы, противостоя друг другу, формируют мироздание – никогда не стабильное и всегда изменчивое.

В даосизме также появляются своеобразные святые в рамках мистической традиции: «Это шаман, медиум, который входит в экстатическое состояние... Он вступает в контакты с духами... Их святость не объясняется тем, что они могут творить чудеса или врачевать болезни... И если святой в западноевропейской, христианской традиции всегда является отображением божественного в человеке... то в данном случае такие люди самодостаточны. Нет ничего, что было бы выше их» [14]. Это отражает антропоцентричность китайской культуры, ее пристальный интерес ко всем аспектам именно земной жизни человека, не тяготеющий к абстрактным божественным категориям («Китайцы верили, что человек - не от Бога и Дьявола, а часть тварного мира, хотя и лучшая его часть» [4]).

При этом в китайской традиции существует культ тела как инструмен-

та самосовершенствования, отсюда – особая связь китайских учений с практикой традиционных видов гимнастики и борьбы. Наделение плоти особой ролью ведет и к иному, нежели в христианской культуре, пониманию бессмертия. Именно в своей телесной оболочке человек может прожить специфический «трансформативный опыт», заключающийся в смене нестабильных преходящих состояний и в случае его успешной реализации ведущий к бессмертию [14]. Это бессмертие в даосском понимании заключается в растворении собственного «я», в постоянных метаморфозах сознания, в некой общности с постоянно перерождающимся Дао. Важно также подчеркнуть, что в китайской традиции есть понятие духа, но оно носит языческо-первобытный характер: нет бессмертной души, есть духи предков и мест.

Даосизм возникает из китайской народной культуры, а потому сохраняет мистическо-языческую направленность, существует как совокупность различных техник и методик погружения в транс. Именно уровень мастерства и осведомленности в них определяют адепта даосизма – во все не вера или же соблюдение каких-либо нравственных заповедей. При этом понимание религиозного адепта в Китае принципиально отличается от христианского. В христианстве это любой верующий человек, посещающий храм, соблюдающий заповеди и прикасающийся к таинствам. Адептами в китайских традиционных религиях являются скорее монахи, посвящающие жизнь духовным практикам и обладающие специальными знаниями ритуалов – это закрытые сообщества. *Global Times*, например, в одном из своих материалов освещает дискуссию, возникшую в обществе из-за строгих требований к потенциальным даосским послушникам [15]. Для китайцев монахи выступают в роли учителей, к которым обыватели приходят за советами, причем для каждой из традиционных религий очерчен круг проблем, которые она может решать. В даосизме вовсе не стоят вопросы нравственности или же этики и морали, скорее – деторождения и успешной карьеры [13]. Обретая онтологичность, которой не доставало конфуцианству, даосизм теряет элемент собственно морально-этического учения.

Буддизм, который проникает из Индии в Китай примерно в I в. н. р., тоже нетеистическая религия, более того, в своем аутентичном виде он непонятен и чужд китайцам («Социальная этика и административная практика, ритуальный церемониал... и культ предков здесь всегда играли значительно большую роль, нежели мистические абстракции и индивидуалистические поиски спасения. Трезво и рационалистически мыс-

лящий китаец никогда не задумывался слишком много над таинствами бытия и проблемами жизни и смерти» [16]). В Китае обосновывается особая школа буддизма – Махаяна, в большей степени обладающая этической направленностью. Буддизм ассимилирует традиционные китайские понятия о святости и народные ритуалы поднесения даров идолам. Более того, китайский буддизм изменяет свои представления о жизни как о вечном страдании, чуждые и неприемлемые для китайцев, смягчает свои требования отказа от деторождения и животной пищи [4]. В китайском варианте учения идеал нирваны заменяется идеалом бодхи, то есть просветления, пробуждения, что близко к даосской традиции, а значит, понятно и приемлемо для китайских адептов [16]. То есть практика адаптации буддизма к китайской культуре во многом лишает его метафизической составляющей, отталкивающей для китайцев, но фундаментально важной для религиозного сознания.

Весь описанный выше религиозно-философский комплекс – еще один фактор, осложняющий комплементарность христианской и китайской культур. Три традиционных китайских учения существуют в некоей дихотомии, они в чем-то противоречат друг другу, чем-то дополняют друг друга, и при этом их нельзя воспринимать по-отдельности, поскольку сами китайцы воспринимают их как единое целое. Более того, посредством общения с учителями-наставниками китайцы зачастую причисляют себя к последователям всех трех учений (даже скорее их отдельных направлений), так китайцы не слишком глубоко погружаются в учения, просто обращаются к их адептам по мере необходимости, а к ним самим не предъявляется особых религиозных требований. Такой под к исповедованию религий чужд и неприемлем для христианства, последователь которого должен напрямую взаимодействовать с церковью и Богом, при этом постоянно самосовершенствуясь в религиозном познании и следуя строгим религиозным правилам. Естественно, адепт должен быть верен единственному учению и только ему. Китайский подход к исповедованию религий отчасти обусловлен особым пониманием онтологии, в которой не заложено понятие о всемогущем Боге и абсолютном благе, она строится на взаимодействии конкретно определенных «крайностей», что свидетельствует об отсутствии в сознании китайцев в высшей степени абстрактных, трансцендентальных категорий. Более того, китайские верования до сих пор сохраняют множество языческих черт: представления о духах, тяготение традиции к политеизму, натурфилософичный характер онтологии, шаманские практики и т.д. Показательно и то, что китайская

культура отказывается от избыточной для нее метафизичности буддизма. Становится очевидным преобладание этического сознания над религиозным, что плохо сопоставимо с христианской картиной мира. Это позволяет понять пути освоения христианства как религии и объяснить специфику христианских практик в Китае.

В Китае представлены три крупнейшие христианские конфессии – протестантизм, католицизм и православие. Степень их привлекательности для китайского населения дает представление она и более понятных и приемлемых для китайцев сторонах христианства, которые и определяют особенности христианских практик в Китае. Китайская статистика не ставит задачу скрупулезного подсчета, поэтому данные, официальные и неофициальные, имеют значительные расхождения. По некоторым источникам, в стране проживают около 22 млн. протестантов, 8 млн. католиков и 10 тыс. православных [10]. Несмотря на неточность, эти данные дают представления об очевидных приоритетах конфессионального выбора китайцев. Эти приоритеты выстраиваются от рационального, социально-бытового и практикоориентированного понимания религиозности, характерной для протестантизма, до государственно-институциональной, иерархичной вписанности человека в реальный мир в рамках католического миропонимания – и наименее понятным и востребованным оказывается православие с его наиболее сложной онтологией, метафизичностью и наименьшей рационалистичностью самого переживания веры. Также эти данные отражают историю появления и характер существования христианских конфессий на территории Китая.

У протестантских и католических миссионеров изначально стояла задача распространения христианства в рамках европейской колониальной политики. Отсюда – обильное финансирование со стороны метрополий и неприемлемые с точки зрения религии целеполагание и методы католических и протестантских миссионеров: религия использовалась как политический инструмент колонизации Китая, а потенциальные адепты привлекались небольшими суммами денег или порциями еды. Такая материальная помощь была весьма востребована для китайского населения – несильно щепетильного в религиозных вопросах, в том числе потому, что перед ним стоял вопрос физического выживания.

У русских православных миссий был совсем иной опыт. Он носил гуманистический, просветительско-созидательный характер. За два столетия существования православной миссии в Китае (начало XVIII века – 1964 год) [2] она занималась изданием религиозной и историко-куль-

турной литературы (в том числе переводов ключевых христианских текстов), выполняла функцию дипломатического посредника между двумя государствами, покровительствовала русским православным верующим на территории Китая. Страна приняла две волны русских эмигрантов – в период строительства КВЖД и затем – во время Революции, причем центром обеих волн стал Харбин, в котором поселились в сумме около 200 тыс. русских эмигрантов [17], подавляющее большинство которых было православным. Значительная часть православных, проживающих в Китае сейчас – потомки представителей именно тех двух волн. При этом тренд на понижение очевиден – количество православных в Китае уменьшается.

Это обусловлено следующими факторами. Например, тем, что в отличие от западных конфессий, православие не представлено в Китае на институциональном уровне, то есть нет как таковой структуры, которая могла бы заниматься распространением конфессии. Во многом на это повлияла антирелигиозная политика СССР, и, хотя с момента его распада прошло уже более тридцати лет, кроме двух встреч Си Цзиньпина и патриарха Кирилла в прошлом десятилетии, никаких шагов по возрождению Китайской автономной православной церкви предпринято не было. Более того, многие эмигранты, например, строители КВЖД, которые находились за пределами СССР не по политическим и идеологическим соображениям, впоследствии вернулись на родину. Но были и те, кого заставили вернуться: территории, на которых жили русские верующие, подверглись оккупации со стороны Японии и СССР. И если японцы нейтрально относились к православной пастве, то советские власти с большим подозрением – многие эмигранты были отправлены в концлагеря. Все эти события способствовали убыли православного населения на территории Китая.

Как показали рассмотренные источники, сложности распространения православия в Китае связаны с особенностями китайской культуры и ее способом существования и взаимодействия с другими культурами. Китай как цивилизация очень замкнутый, стремящийся к полной внутренней автономии при потенциальности к мировой гегемонии. Это уже становилось и продолжает становиться причиной острых противоречий как внешнеполитического, так и внутривнутриполитического характера. Китай ревностно защищает свою целостность, в том числе идеологическую, что выражается в страхе и непринятии всего чуждого китайской культуре. Тут можно вспомнить про проблемные регионы Китая, где проживают этнические

и религиозные меньшинства (Тибет и Синьцзян), жители которых подвергаются репрессиям вплоть до отправки в концентрационные лагеря для «перевоспитания». Также показательно и становление китайского буддизма, который впитал в себя все, что приемлемо для китайских адептов, и отказался от всего, что им чуждо. В этом смысле китайскую культуру можно считать в некоей степени агрессивной по отношению к другим культурам, в ее границах очень сложно сохранять иную культурную идентичность, поэтому многие потомки русских иммигрантов быстро начали идентифицировать себя в качестве китайцев, в ходе переписей население они определяли себя как ханьцев – представителей титульной нации Китая [17]. Естественно, такое самоопределение слабо совместимо с православием, которое уже много веков ассоциируется с русской идентичностью. Однако в этой связи можно отметить и иную, противоположную, тенденцию: многие переехавшие в Китай русские, до этого нерелигиозные, оказавшись в ситуации культурного давления, именно в этой стране приходят к православию – оно становится способом защититься от «китаизации» и сохранить свою культурную идентичность.

По сравнению с сокращением численности православного сообщества западноевропейское христианство, напротив, развивается. В первую очередь это обусловлено тем, что в течение нескольких столетий присутствия западноевропейские конфессии последовательно выстраивали свою институциональную структуру, которая в настоящее время способствует распространению протестантизма и католичества среди китайского населения. Более того, в отличие от православия, китайская культура, благодаря своей прагматичности, тяготению к этическим системам и иерархичности, нашла способ преобразования католичества и протестантизма, приемлемый для сознания китайцев, что проявляется на нескольких уровнях.

Первый – устройство церковной организации. Так как для китайцев чуждо понятие единой церкви и единого учения, то для них естественно быть последователем какого-то отдельного учителя, который собирает вокруг себя людей – образуя своеобразную секту [10]. Также и западно-христианские конфессии в Китае существуют в том числе в виде отдельных неконвенциональных объединений, часто уходящих в подполье из-за давления со стороны властей. Такой способ существования более приемлем именно для западного христианства, развитие которого связано с постоянной оппозицией Ватикану и отделением от католической церкви новых конфессий, которые изначально воспринимались как

ереси и секты – православие же более монолитно. Более того, у китайских христиан редко есть возможность проводить службы в привычных нам церквях или храмах, зачастую они организуют «домашние церкви», снимая офисные помещения – тоже привычная практика для некоторых западно-христианских общин, но вряд ли приемлемая для православных, придающих особый символический смысл убранству и архитектуре церквей и храмов.

Другая привлекательная сторона протестантизма и католицизма для китайцев – возможность сведения этих учений к социальной морали, тяготение к которой в них заложено. Ценностный комплекс протестантизма с его трудовой этикой и отождествлением материального благополучия с духовным наиболее понятен и приемлем для китайских адептов, что наглядно отражается на статистике.

Более того, на бытовом уровне ассоциация христианства с западным миром приобретает иные оттенки – оно начинает отождествляться с материальными атрибутами западной культуры: финансовым успехом, качественным образованием, либеральными ценностями. Такое понимание христианства характерно для интеллектуальной и финансовой элиты Китая, для которой приобщение к западному миру – статусный маркер. Зачастую этот процесс не имеет ничего общего с религиозными ценностями и называется «культурным христианством» [18]. Этот феномен возник в конце 70-ых годов XX века, и связан он с политикой реформ и открытости, принятой после ужасающих социальных последствий «культурной революции» [2]. В этот период население Китая (в первую очередь интеллигентская и финансовая элита) обращается к христианству как к альтернативной ценностной системе в ситуации культурно-социального кризиса, когда традиционная для Китая культурно-ценностная модель, в том числе благодаря политики КПК, была разрушена и не имела созидательного потенциала, который так требовался истощенному террором обществу. Но есть и иная практика: некоторые современные китайские бизнесмены настолько проникаются христианством, что начинают нанимать работников по религиозному признаку, либо же вести на своих предприятиях проповедь и организовывать различные мероприятия религиозного характера. С одной стороны, это способствует распространению христианства, с другой – мотивация принятия религии в таком случае сомнительна, она может возникать из-за желания особого расположения начальника и, следовательно, получения всяческих привилегий, в том числе финансовых.

Утилитарный характер носит и интерес к христианству со стороны социальных низов, например, сельских жителей. Будучи одним из самых незащищенных слоев населения, крестьянство разочаровывается в традиционных религиях, учителя которых не способны решить их проблем, и обращается к альтернативным верованиям, в том числе к христианству. Как мы уже выяснили, у подавляющего большинства населения уровень представлений об этой религии весьма посредственный. Поэтому сельские жители, приобщаясь к христианству, сразу ждут чудес – исцеления от болезней, повышения финансового достатка, увеличения рождаемости скота и т.д. Естественно, не получив желаемого, они очень быстро разочаровываются в учении и перестают его исповедовать даже в своем специфическом понимании. Так христианство даже сводится до некоего языческого культа, в котором принято договариваться с богом и ждать от него положительного отклика, в ином случае – можно на него «обидеться» и прекратить отношения.

И такая модель поведения тоже отчасти заложена в западно-христианском видении отношений с Богом. В нем буквальное понимание всемогущества Бога выражается в толковании непорочного зачатия Девы Марии как «случайного» выбора самого Бога, который захотел это реализовать и реализовал так, как это было угодно. В православии же есть понимание того, что рождение Христа не просто желание Бога – это результат жизни многих поколений предков Девы Марии и ее самой, из чего сформировалась готовность бесконечно доверять Богу, принять и пережить с нечеловеческим мужеством все то, что случилось с ней и с ее сыном. Из этой разности позиций православия и католицизма вытекает и западно-христианская проблема теодицеи, возникшая именно в католическом дискурсе. Православие не задается вопросами соотношения все благодати и всемогущества Бога, оно понимает, что Бог в том числе фиксирует последствия деятельности самого человека. И в этом как раз отражается православное понимание отношений Бога и человека как отношений двух субъектов, тогда как в католичестве человек, полный гордыни и претензий к Богу за его собственные человеческие слабости и грехи, представляется объектом божьей воли. Китайская же традиция, в которой еще сильны языческие истоки, перенимает это искаженное понимание отношений человека и Бога и доводит его до абсурда. Это выражается в том, что китайские адепты относятся к христианскому Богу как к идолу, которого можно «наказывать» в том случае, если адепт считает, что сам соблюдает свою часть договоренностей с богом (приносит жерт-

вы, проводит ритуалы), а бог в свою очередь не отвечает взаимностью.

Мы видим довольно неконвенциональный способ существования христианства в Китае, характерный, пожалуй, только для этой страны. Таким образом, спектр имеющихся в Китае конфессий отражает, с одной стороны, исторические процессы, происходившие на территории Китая в XIX-XX веках, с другой – специфику китайской паствы и ее заинтересованности в христианстве. Как мы уже говорили выше, китайская культура имеет гиперсоциальную направленность, в ней не заложены понятия о трансцендентальном Боге, весь ее интерес сосредоточен на земной жизни человека. Более того, эта культура очень закрыта и не тяготеет к чему-либо инородному, но если что-то такое все же попадает внутрь китайской культуры, то она не ассимилирует, а именно «перерабатывает» это под себя, часто деконструируя саму сущность какого-либо культурного феномена. Так и с христианством: православие, несущее сильную национальную идентичность русского мира, не приживается в Китае, но католицизм и протестантизм, распространенные по всему миру и не имеющие такой территориальной привязки, находят способ существования и в этой стране. Для китайской культуры близки их большая социальность, иерархичность, особое место трудовой этики и понимание материального успеха как ценности. Но для китайской культуры чужды понятия Бога, бессмертия души, религиозных догматов. Поэтому она отделяет саму метафизическую религиозную составляющую (знакомый механизм, много веков назад сработавший с буддизмом), и в массовой практике получается либо такой феномен как «культурное христианство» – альтернатива традиционной китайской системе ценностей, либо же очень упрощенный вариант христианства в сельских общинах, сведенный до некоего языческого культа. Конечно, оба сценария далеки от аутентичного христианства. Так, могут обозначиться вполне закономерные вопросы: что есть христианство, исповедуемое в Китае и до какой степени оно является христианством с точки зрения западноевропейских его представителей? С православием таких процессов не происходит и подобных вопросов не возникает: оно либо вовсе не приживается, либо его традиции получают дополнительную ценность, поскольку помогают русскому человеку сохранить и защитить свою национальную идентичность в Китае.

Резюмируя все выше сказанное, важно отметить, что христианство занимает очень специфическое, нестабильное положение в ценностной системе Китая на всех трех уровнях: политическом, культурном и религиозно-практическом. Христианство не может быть вписано в традиционную

культурно-философскую модель Китая в своем первоначальном виде. Оно существует в большей степени как преобразованные протестантизм и католицизм, которые под давлением гиперсоциальной направленности китайской культуры теряют свою метафизичность, приобретая характер социально-ценностных моделей в случае интеллигентской и финансовой элиты и языческого культа – в случае социальных низов. Однако это не исключает возможности единичного исповедования христианства как религиозной веры как способа обретения божественно онтологической, сложной, целостной картины мира. В общем же очевидно непонимание сущности христианства как на общественном, так и на политическом уровне. В какой-то степени из-за этого непонимания власть и опасается христианства, и не может выстроить последовательно полноценной политики в отношении этой религии, поскольку в этой точке антирелигиозные принципы КПК сталкиваются с ее экономическими интересами и попытками сохранения и продвижения образа Китая как демократической страны. На это наслаивается то, что в культурном сознании с христианством связана историческая травма, нанесенная Китаю западной экспансией. А на бытовом уровне христианство становится неким статусным атрибутом, способом адаптации и присваивания западных ценностей. В этом контексте даже сложно сказать, существует ли действительно конфликт христианского и коммунистического метанарративов, поскольку и информационная блокада христианства, созданная искусственно, и деконструкция христианства, происходящая естественно в логике защитного механизма китайской культуры, работают в направлении возникновения китайского христианства (по примеру китайского буддизма), которое уже вовсе не противоречит ни культурно-философской модели Китая, ни его политическому курсу.

В начале исследования мы ставили задачу понимания сущности цивилизационного диалога России и Китая и определения его потенциала (границ и возможностей) через выявление сложившегося способа существования христианства в системе ценностей современного Китая. К сожалению, приходится признать, что культурная комплементарность России и Китая весьма осложнена: у нас принципиально иные онтологические, философские, ценностные и мировоззренческие представления, инженерные взгляды на мир. Однако все же у нас есть некая общность внешнеполитических задач: на данном этапе обе цивилизации борются за собственную культурную идентичность и противостоят тотальной вестернизации и глобализации по западной модели. В этом контексте ста-

новится понятно, почему сами китайцы воспринимают российско-китайские отношения как отношения «попутчиков» – то есть временные и в какой-то степени случайные. Это говорит о том, что китайские политики уже осознают и довольно честно признают невозможность дружеских и углубленных отношений между Россией и Китаем – двумя очень мощными, своеобразными, но фундаментально разными цивилизациями, имеющими диаметрально противоположные представления о возможности или невозможности общей судьбы человечества. Примечательно, что Россия напрямую не участвует в китайской глобалистской инициативе «Один пояс, один путь» [19], что говорит о двустороннем понимании этой разности долгосрочных интересов и видения будущего человечества.

Россия видит свое цивилизационное предназначение в сохранении культурных идентичностей – в этом случае глобалистский проект принципиально нереализуем. Китай же стремится реализовать свой глобалистский потенциал именно через уничтожение этих идентичностей. У Китая уже есть опыт деконструкции двух мощнейших метанарративов – христианства и буддизма, двух мировых религий. У Китая есть и потенциальные преимущества в глобальной экспансии, которых нет у европейского проекта – экономические и демографические. Конечно, всемирная китаизация – некий апокалиптический сценарий, однако становящийся теоретически возможным с учетом того, что Китай сосредотачивает на своей территории подавляющее большинство производств и технологий, вывезенных из стран с либеральной экономикой услуг. Не стоит и упоминать о том, что примерно 20% всей популяции – китайцы, которые даже в случае эмиграции не ассимилируются, а зачастую живут в закрытых диаспорах, создавая для себя всю необходимую инфраструктуру. Следовательно, с ростом таких локальных очагов китайской цивилизации распространяется и агрессивно-подавляющее влияние китайской культуры.

Позиционирование китайцами российско-китайских отношений как «попутнических» говорит, с одной стороны, об общности наших коротко-срочных целей, с другой – что Китай не рассматривает Россию как «стоящего», равного союзника и/или соперника. Это во многом связано с непониманием и невозможностью осознать потенциал русской культуры и русской цивилизации, поскольку Китай и Россия мыслят принципиально разными категориями и существуют в разных ценностных измерениях.

Исследование особенностей христианства в Китае позволило хотя бы

частично понять логику и другого направления китайской международной политики, касающегося отношений с Западом, которые сами китайцы обозначают как стратегическое партнерство. Такое восприятие говорит о том, что Китай осознает фундаментальную общность вектора своих целей и целей западной глобалистской политики. То есть обозримый горизонт сотрудничества Китая и Запада при всем их противостоянии лежит дальше, нежели Китая и России. Такое положение отчасти обеспечивает большая комплементарность западной и китайской культур, точки соприкосновения которых обозначились выше. При этом эти точки приоткрывают возможные перспективы взаимоотношений Китая и России. При невозможности глубокой культурной интеграции, перспективы сотрудничества лежат в материально-экономической плоскости, которая в современных реалиях неразрывно связана с политической сферой. Эта территория понятна и безопасна для Китая – в ней проблемы цивилизационной разности могут быть нивелированы.

Надо сказать, что отношения русской и китайской цивилизаций, имеющие более чем четырехсотлетнюю историю, органично развивались и развиваются в этой логике. Самые первые дипломатические контакты России и Китая были сопряжены с взаимными торговыми интересами стран. При этом особый характер географического соприкосновения как бы соседствующих цивилизаций позволял им развиваться абсолютно автономно и независимо, избегая излишне тесных и глубоких контактов, что в свою очередь не давало поводов для серьезных конфликтов и столкновений. Значительное сближение произошло только в XX веке на политической почве: в 1950 году был заключен Договор о дружбе – СССР выступил в роли своеобразного старшего брата КНР. Однако уже в 1969 году такое сближение закончилось военным конфликтом на Даманском: «Слишком сильное сближение двух стран показало, насколько сильны цивилизационные и идеологические разногласия сторон» [20]. Современные российско-китайские отношения основываются на сотрудничестве в рамках ШОС и БРИКС. Обе инициативы направлены на уравновешивание баланса сил в мире (противостояние НАТО и гегемонии США) и экономическое сотрудничество между их членами, что одновременно соответствует реализации общих геополитических задач России и Китая и предоставляет пространство для существующих и потенциальных совместных экономических проектов.

Так, культурный и исторический опыт показывает, что Россия и Китай, будучи государствами-цивилизациями, могут органично сосуществовать

и даже сотрудничать в некоторых сферах, но слишком тесное взаимодействие может повлечь за собой конфликты в силу непреодолимой цивилизационной разницы. В этом контексте становится понятна инициатива России по созданию коридора «Север-Юг», при всех своих сложностях представляющаяся весомой альтернативой «повороту на Восток». Само существование и реализация подобных инициатив говорит о понимании российским руководством сложностей и потенциальных противоречий в российско-китайских отношениях.

Однако мы все же можем обозначить перспективы сотрудничества России и Китая, они лежат не в плоскости ресурсного донорства и рынков сбыта, а в плоскости рынков развития. Из направлений конструктивного взаимодействия России и Китая можно назвать дипломатию добрососедства (совместные культурные праздники, ярмарки, историко-культурные форумы, научные конференции, природные заповедники), асимметричный обмен специалистами, разработку инженерных решений, взаимную поддержку в научно-техническом прогрессе, интеграцию систем образования как альтернативу Болонскому процессу, развитие Дальневосточного региона, совместные проекты в КНДР, Вьетнаме и т.д.

Список литературы:

1. Поздняев Д. Христос как Дао, и другие особенности православия в Китае // Официальный сайт издания Фома // URL: <https://foma.ru/orthodoxy-in-china.html>
2. Поляк-Брагинский А. Христианские миссионеры в Китае: непростой XX век // Официальный сайт Московской Сретенской духовной академии // URL: <https://sdamp.ru/news/n8364/>
3. In Africa, China Has Created a New Window beyond the Old Western one // Официальный сайт издания Global Times // URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202301/1284031.shtml>
4. Захарын А.Б. Буддизм и христианство в Китае. Религия и власть. История и современность // Электронная библиотека КиберЛенинка // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buddizm-i-hristianstvo-v-kitae-religiya-i-vlast-istoriya-i-sovremennost/pdf>
5. Визит патриарха в Китай укрепил веру в возрождение православия в КНР // Новостное агентство РИА Новости // URL: <https://ria.ru/20130515/937559153.html>
6. Патриарх Кирилл: жизнь православных в Китае изменилась к лучшему // Новостное агентство РИА Новости // URL: <https://ria.ru/20150508/1063420681.html>
7. Reuters узнал, что Си Цзиньпин отказался встречаться с папой римским // Новостное агентство РБК // URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/politics/15/09/2022/63237a229a7947186cbc8a9e>
8. Китай отмечает 40-летие политики реформ и открытости // Официальный сайт Российской газеты // URL: <https://rg.ru/amp/2019/01/20/kitaj-otmechaet-40-letie-politiki-reform-i-otkrytosti.html>
9. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zl/ce_ceml_chn/zfbps/199710/t19971030_878940.html
10. Маслов А.А. Легко ли быть христианином в Китае? // Православный интернет-журнал Прихожанин // URL: <https://prihozhaniin.msdm.ru/home/pogovorit/1448-legko-li-byt-khristianinom-v-kitae.html>
11. Долгих О. Конфуцианство: традиции и современность // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfutsianstvo-traditsii-i-sovremennost/pdf>
12. Лукин А.В. Китай: марксизм или конфуцианство? // URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/234494/?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru
13. Александров М. Даосизм в лоне китайской традиции // Онлайн-лекторий Magisteria // URL: <https://magisteria.ru/taoism/taoism-in-chinese-tradition>
14. Маслов А.А. Тело и святость: даосизм // Вебинары школы востоковедения ВШЭ // URL: <https://oriental.hse.ru/webinar/webinar20180404>
15. Age Cap on aspiring Taoist Priests is Sparking Debate // URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202303/1288197.shtml>
16. Константинова А.Б. Буддизм и принципы традиционных китайских учений // Архив издательства «Грамота» // URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_4-1_50.pdf
17. Мяо Хуэй. Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya>

emigratsiya-v-harbine-vzaimodeystvie-dvuh-kultur/pdf

18. Пелевина О.В. Христианство в КНР в контексте современных религиоведческих исследований // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianstvo-v-knr-v-kontekste-sovremennyh-kitayskih-religiovedcheskih-issledovaniy>
19. О китайской инициативе «Один пояс, один путь» // Официальный сайт МИД РФ // URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedaniy-sgs/xxxxvi-zasedanie-sgs/1767163/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000d14257a0792111a44c1d8e39ae9c910b5edf5bef2a5787a8c563c15470739c8008effeadb914300013573e6273035a3af17b5e3a9db554b99d8c0fe03d3476d86d64fb12235cba1891c3cf4881746718d2b1c1d3fa228e5a
20. Черникова Л.П. Российско-китайские отношения: история и современность // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskie-otnosheniya-istoriya-i-sovrennost/pdf>

Bibliography

1. Pozdnyayev D. Christ as Dao, and other features of Orthodoxy in China // Official website of the publication Foma // URL: <https://foma.ru/orthodoxy-in-china.html>
2. Polyak-Braginsky A. Christian missionaries in China: the difficult 20th century // Official website of the Moscow Sretensky Theological Academy // URL: <https://sdamp.ru/news/n8364/>
3. In Africa, China Has Created a New Window beyond the Old Western one // Official website of the publication Global Times // URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202301/1284031.shtml>
4. Zakharyin A.B. Buddhism and Christianity in China. Religion and Power. History and Modernity // CyberLeninka Electronic Library // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buddizm-i-hristianstvo-v-kitae-religiya-i-vlast-istoriya-i-sovremennost/pdf>
5. The Patriarch's Visit to China Strengthened Faith in the Revival of Orthodoxy in China // RIA Novosti News Agency // URL: <https://ria.ru/20130515/937559153.html>
6. Patriarch Kirill: The Life of Orthodox Christians in China Has Changed for the Better // RIA Novosti News Agency // URL: <https://ria.ru/20150508/1063420681.html>
7. Reuters Learned That Xi Jinping Refused to Meet with the Pope // RBC News Agency // URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/politics/15/09/2022/63237a229a7947186cbc8a9e>
8. China Celebrates 40th Anniversary of Reform and Opening-up Policy // Official Website of the Rossiyskaya Gazeta // URL: <https://rg.ru/amp/2019/01/20/kitaj-otmechaet-40-letie-politiki-reform-i-otkrytosti.html>
9. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zl/ce_ceml_chn/zfbps/199710/t19971030_878940.html
10. Maslov A.A. Is It Easy to Be a Christian in China? // Orthodox Internet magazine Prihozhanin // URL: <https://prihozhanin.msdm.ru/home/pogovorit/1448-legko-li-byt-khristianinom-v-kitae.html>
11. Dolgikh O. Confucianism: Traditions and Modernity // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfutsianstvo-traditsii-i-sovremennost/pdf>
12. Lukin A.V. China: Marxism or Confucianism? // URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/234494/?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru
13. Alexandrov M. Taoism in the bosom of Chinese tradition // Magisteria online lecture // URL: <https://magisteria.ru/taoism/taoism-in-chinese-tradition>
14. Maslov A.A. Body and Holiness: Taoism // Webinars of the HSE School of Oriental Studies // URL: <https://oriental.hse.ru/webinar/webinar20180404>
15. Age Cap on aspiring Taoist Priests is Sparking Debate // URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202303/1288197.shtml>
16. Konstantinova A.B. Buddhism and the principles of traditional Chinese teachings // Archive of the Gramota publishing house // URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_4-1_50.pdf
17. Miao Hui. Russian emigration in Harbin: interaction of two cultures // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-emigratsiya-v-harbine-vzaimodeystvie-dvuh-kultur/pdf>
18. Pelevina O.V. Christianity in the PRC in the context of modern religious studies // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianstvo-v-knr-v-kontekste-sovremennyh-kitayskih-religiovedcheskih-issledovaniy>
19. On the Chinese initiative "One Belt, One Road" // Official website of the Russian Foreign Ministry // URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedaniy-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000d14257a0792111a44c1d8e39ae9c910b5edf5bef2a5787a8c563c15470739c8008effeadb914300013573e6273035a3af17b5e3a9db554b99d8c0fe03d3476d86d64fb12235cba1891c3cf4881746718d2b1c1d3fa228e5a
20. Chernikova L.P. Russian-Chinese relations: history and modernity // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskie-otnosheniya-istoriya-i-sovrennost/pdf>

Бин Лю

*Хэйхэйский университет, г. Хэйхэ, провинция Хэйлуцзян.
Центр исследований новой китайской литературы
Нанкинского университета,
г. Нанкин, провинция Цзянсу, Китай.*

**Развитие и ценностная идентификация
фильмов малочисленных этнических
меньшинств провинции Хэйлуцзян
в эпоху новой глобализации**

Bing Liu

*Heihe University, Heihe, Center For research
of Chinese New Literature of Nanjing University, Nanjing, China*

**The development and value identification
construction of films of ethnic minorities
with small population in Heilongjiang province
in the era of new globalization**

Исследование выполнено при поддержке проекта по фундаментальным исследованиям высших учебных заведений провинции Хэйлуцзян (2019), проект «Стратегии развития и трансформации социальных ценностей культуры этнических меньшинств в провинции Хэйлуцзян через кино- и телевизионную коммуникацию» (проект № 2019-KYYWF-0454).

INTRODUCTION

“For literature and art, ideas and values are the soul, and all forms of expression are carriers of expressing certain ideas and values.” [1] Chinese ethnic minority films, as a comprehensive presentation of ethnic minority thoughts and values, determine their nature as both a historical narrative of ethnic collective memory and shared cultural psychology based on bloodline, and a dis-

course practice of constructing people's subjectivity and human subjectivity within the framework of the Chinese national community. In recent years, the international situation has become increasingly complex and changing. The formation of the new economic power pattern and the adjustment of geopolitical relations have led some Western countries to openly hype up the "China threat theory" and trigger a wave of anti-globalization, attempting to prevent China from exerting revolutionary influence on the old world order dominated by the West. Faced with such unprecedented changes in a century, China is committed to continuously promoting the construction of a community with a shared future for mankind with an open local culture, a cosmopolitan mindset, and a strategy that encourages diverse dialogue,[2] fully demonstrating the responsibility of a responsible major country. In this process, Chinese ethnic minority films may become an important bridge for the world to understand China and for China to go global.

1. OVERVIEW OF THE DEVELOPMENT OF FILMS OF ETHNIC MINORITIES WITH SMALL POPULATION IN HEILONGJIANG PROVINCE

Heilongjiang Province has 10 ethnic minorities represented by Oroqen, Ewenki, Hezhe, Daur, etc. Among them, Oroqen, Ewenki, Hezhe belong to ethnic groups with smaller populations, and their film development faces many difficulties. In fact, the film industry in Heilongjiang had already started as early as the early 20th century. Given its special historical circumstances, multiple cultural forces such as Russia, Japan, and Judaism, as well as a few Northeastern ethnic capitalists, have deeply intervened in the industry and actively explored and practiced in film shooting, production, distribution, translation, and other aspects. Harbin also wrote a brief but prosperous urban legend for Chinese film history before Shanghai. By the 1940s, the Northeast Film Studio, known as the "cradle of new Chinese cinema," had also relocated from Changchun to Xingshan (now Hegang City, Heilongjiang Province), where it not only established a future national film production model and management system, but also spurred the maturity of new film aesthetic paradigms and artistic traditions. Afterwards, the film industry in Heilongjiang Province continued to move forward with the ups and downs of the history of People's Republic of China, and carried out solid local explorations in film screening, cinema construction, film technology improvement and equipment production, and film talent cultivation. In terms of film production, themes such as the Anti-Japanese War, the Northern Wilderness, ice and snow, children's themes, rural themes,

and industrial themes have successively become the focus of film narrative. However, the creation of ethnic minority films is in a dormant state. Especially since the new century, ethnic minority films represented by provinces such as Yunnan, Guangxi, Guizhou, Inner Mongolia, and Xinjiang have achieved many remarkable results in cultural exploration. The rich and diverse spiritual ecology of ethnic minorities has become an effective window for reflection and resistance against the chronic diseases of modern civilization. In contrast, the marginalization of ethnic minority films in Heilongjiang Province is particularly prominent. Of course, the reasons involved in this are relatively complex, which are not only related to the historical evolution of the national film system, but also influenced by practical factors such as geopolitical culture and national survival status.

Firstly, in the era of planned economy, state-owned film institutions led by Changchun Film Studio were the dominant force in the production of minority films. In April 1949, with the liberation of the entire Northeast region and the relocation of the Northeast Film Studio to Changchun, the first ethnic minority film “The Victory of the Inner Mongolian People” after the founding of the People’s Republic of China was filmed in 1950 to cooperate with national ethnic policy propaganda. Afterwards, the Northeast Film Studio was restructured and established as Changchun Film Studio. During the “Seventeen Years” period, it collaborated with Shanghai Film Studio and Beijing Film Studio to contribute 36 works to the Chinese ethnic minority film industry¹. The mainstream values centered on national liberation and national unity under the leadership of the CPC are constantly transmitted to the masses of the people through visual images, reflecting the country’s prominent emphasis on and control over the social function of film “intervention in reality”. As a result, ethnic minority films, as a unique component of socialist cultural construction, have run through the entire process of the development of the times. In film production guided by policy norms, the obedience of art to politics is undoubtedly the highest standard, and the narrative of national ideology always takes precedence over artistic exploration. Instrumental thinking is fully utilized. Based on this, after 1950, Heilongjiang Province no longer had the status of a producer of ethnic minority films in the national film planning and management pattern. Its focus gradually shifted to areas such as film distribution, film screening, film education,

¹ During the «Seventeen Years» period, in addition to the three mentioned in the text, the filming units for ethnic minority themed films in China also included Xinjiang Film Studio, Inner Mongolia Film Studio, Bayi Film Studio, and Xi’an Film Studio. After the Great Cultural Revolution, it also joined Sichuan Emei Film Studio, Guangxi Film Studio, Yunnan Ethnic Film Studio, and others.

and the production of news and educational films. Only the films “Visitors from the Iceberg” produced by Changchun Film Studio in 1963 and “Aolei Yilan” produced by Shanghai Film Studio in 1979 have a strong connection with Heilongjiang Province. By the 1990s, the national economic system had shifted towards a market economy, driven directly by the commercialization demands of the film market and the entertainment demands of film audiences. The original national film system, which was based on “quota shooting, distribution, purchase and sales, multi-level market management, and revenue submission”, [3] underwent profound changes. Ethnic minority films had to constantly adapt to the industrialization, specialization, and internationalization development trends of the industry, but often fell into a dilemma of aesthetic expression and box office revenue, integration of national spirit and culture, and praise and audience. In 2007, Li Wenqi, a director from Heilongjiang, directed the main theme film “Leaving the Tribe of the Manglin”. The film mainly reflected the tortuous process of the Oroqen people entering civilization from primitive times. It was jointly produced by CCTV and Heilongjiang Film and Television Production Center and adapted from the creation of Heilongjiang writer Liu Banghou. However, the film ultimately failed to be aired. In 2012, a film adapted from the novel “The Right Bank of the Erguna River” by Chi Zijian was only screened at the China Film Archive. This film, which focuses on the century long history of the Ewenki people’s changes, did not receive as much response as the novel. In addition, the strong rise of TV media and the Internet, and the increasingly diversified image transmission channels have also caused a huge impact on the development of Heilongjiang film industry. Therefore, in the absence of traditional experience and influenced by the economic environment, Heilongjiang Province has not listed ethnic minority films as an important part of industry production.

Secondly, the proportion of ethnic minorities in the overall population structure of Heilongjiang Province is relatively small, and their cultural influence is limited. According to the seventh national population census data of Heilongjiang Province in 2020, “the population of the province is 30,728,612 Han people, accounting for 96.48% of the total population; the population of various ethnic minorities is 1121476, accounting for 3.52%. Compared with the sixth national population census in 2010, the Han population decreased by 6,210,569 people, a decrease of 16.81%; The population of various ethnic minorities decreased by 253,334 people, a decrease of 18.43%.” [4] It can be seen that with the intensification of population mobility in modern society,

population outflow has become a common phenomenon in Heilongjiang Province, and the population of ethnic minorities has significantly decreased, showing an irreversible trend of dispersion. Moreover, since the 1950s and 1960s, ethnic minorities with smaller populations such as the Oroqen, Ewenki, and Hezhe have gradually shifted from hunting and gathering economies or fishing and hunting economies to agricultural production. After the 1980s, the pace of urbanization has significantly accelerated, and the rate of intermarriage with other ethnic minorities has always been among the top in the country. This makes them deeply integrated with modern civilization in terms of their living environment, production methods, lifestyle habits, cultural and educational levels, and career choices. To a certain extent, their minority identity as natural persons is being replaced by more standardized and institutionalized social identities. At the same time, geopolitical traditions with group integration effectiveness are constantly bridging the differences between different ethnic groups, shaping a more consistent cultural psychology and humanistic style. In such a dynamic change of time and space, film creation breaks the original attributes and boundaries, no longer confined to the historical and cultural resources of ethnic minorities, but restores them as functional elements of film to serve specific narrative purposes. Naturally, there is controversy over the issue of subject attribution.

Once again, there is a lack of feature film production in ethnic minority films in Heilongjiang Province. Ethnic minorities with smaller populations such as Oroqen, Ewenki, and Hezhe are mainly focused on and presented in non-fiction films such as documentaries, anthropological films, or ethnographic films. Throughout them, there has always been a sense of “cultural rescue” [5], which is not only reflected in the early filmmakers’ repeated reconstruction of the primitive state of ethnic minority production and life, but also in the later generations’ focus on the cultural anxiety and social difficulties of individual ethnic minority lives bound by the dramatic changes of the times. From the earliest ethnographic films in New China, such as “The Ewenki People by the Erguna River” (Zhang Dafeng, 1959), “The Oroqen Tribe” (Yang Guanghai, 1963), and “The Fishing and Hunting Life of the Hezhe Tribe” (Yang Junxiong, 1964), to independent documentaries shot as individuals, such as Sun Zengtian’s “The Last Mountain God” (1992) and “The Divine Deer, Our Divine Deer” (1996); Gu Tao’s works such as “Aoluguya Aoluguya” (2007), “The 23rd Aoyun Games” (2009), “Hugo’s Holiday” (2010), “Shenyi” (2011), “Andahan” (2013), “Ulubuti” (2014), “The Journey of Erdeng” (2016), etc., have been continuously broken and reorganized, but our

understanding and experience of minority cultures have become more diverse and contextual. In addition, except for the Hezhe ethnic group who only reside in Heilongjiang Province, the Oroqen and Ewenki ethnic groups are also distributed in Hulunbuir City, Inner Mongolia Autonomous Region. Whether in terms of population size, administrative structure, or ethnic policies, Inner Mongolia Autonomous Region has shown significant advantages. Most of the documentaries mentioned earlier were shot in Inner Mongolia Autonomous Region, and in terms of feature films, they have also released works such as “Faraway Aoluguya” (Teng and Yangzong, 2005), “Oh, My Oroqen” (Goritai, 2011), “Hulunbuir City” (Tu Men, 2019), “On the Xing’an Mountains” (Wang Ping, 2021), etc. The theme content covers the ethnic history and real life of the Oroqen and Ewenki ethnic groups. In contrast, the lack of administrative policy support and the shortage of film talents for ethnic minorities themselves are the prominent shortcomings in the development of ethnic films with a relatively small population in Heilongjiang.

After the mid-1990s, Heilongjiang Province began to introduce imported revenue sharing films. Commercial films with high box office appeal and in line with the public’s aesthetic taste continued to dominate the market. The opening up of the film market to social and foreign capital led to a rapid reversal of the consumption driven production model. At the same time, with the unshakable position of the main theme film, it is clear that ethnic minority films have a long way to go in order to break through and achieve a win-win situation in the market and reputation.

2. CONSTRUCTING A “NATIONAL PERSPECTIVE” AGAINST THE BACKGROUND OF “INTEGRATION AND DIVERSITY” OF ETHNIC CULTURE

Since the term “nation” was used as the Chinese counterpart of the Japanese word “minzoku” in 1895, throughout the entire modern and contemporary history of China, its connotation has tended to equate with the concept of sovereignty as a “state”, conveying a strong desire to construct identity at the ideological and cultural political levels. In 1903, Liang Qichao wrote in his article “The Theory of Political Science Master Bolun Zhili”: “Those who speak Chinese as a nation should advocate for greater nationalism beyond minor nationalism.”. What are minor nationalists? The Han ethnic group is also important to other ethnic groups in China. What are the greater nationalists? “The various ethnic groups under the jurisdiction of the United States’ headquarters, as well as those abroad, form a major ethnic group consisting of the

Han, Manchu, Mongolian, Hui, Miao, and Tibetan tribes.” [6] “The Chinese nation was not originally a single ethnic group, but rather a mixture of multiple ethnic groups.” [7] Taking the lead in treating “China” and “the Chinese nation” as two isomorphic concepts, this is not only the result of absorbing the revolutionary experience accumulated by the bourgeois nationalist movement since the 18th century, but also formed on the basis of adhering to the cultural assimilation tradition of “people from afar do not accept the tradition of cultivating cultural morality” (Analects of Confucius, Ji Shi 16). During the long feudal historical period, China regarded culture - the unique culture of the empire and Confucian orthodoxy - as a standard for defining groups [8]. Through the strong attraction of Chinese culture, a special type of cultural artifact that spans populations, regions, and languages has been created, known as “ethnic belonging” by Benedict [9]. Therefore, the “diverse and integrated pattern of the Chinese nation” is a unified political entity transformed from an ancient cultural entity, rather than a pure “imagined community”. And this transformation process was not initially completed until the establishment of the People’s Republic of China, and with the deep integration of political ideology and ethnic culture, the modern national landscape of “politics - culture” interweaving and promoting each other has become clear. However, it inevitably faces the challenges of the new era.

The ethnic minorities with a relatively small population in Heilongjiang have “historical origins and modern facts that transcend national boundaries” [10], and the identification of individual identity by ethnic members will be more complex. Their cognitive structure and value judgments are influenced by three forces: The first is the innate inheritance from within the ethnic group, manifested as national character, national spirit (national belief), national thinking, national concept, etc.; The second is acquired knowledge from outside the ethnic group and within the scope of national sovereignty, which focuses on cultivating civic awareness of equal rights and obligations under the socialist political system; The third is ethnic minority discourse resources that also come from outside the ethnic group and bear obvious traces of Western cultural construction. Based on language homology information, almost barrier free cross-border dissemination can be achieved. The rise and fall of power among the three leads to the fluidity of individual identity recognition among ethnic members in specific social contexts. Especially with the globalization of capital allocation, it has further broken the existing regional divisions, extended the capitalist cultural lineage to the entire world, and attempted to establish a differentiated order with clear “center-periphery” divi-

sions. In this situation, the increase in the impact of the third force on ethnic groups with fewer permanent residents in Heilongjiang is worthy of vigilance. For example, under the policy of promoting cultural diversity and symbiosis of the Chinese nation, some cultural relics that still have primitive characteristics are prone to confusion in understanding due to their “resemblance” to Western universalist values, and even their original spiritual connotations are replaced. For example, when geography imagines constantly breaking existing national territorial boundaries for global spatial restructuring, there is also a risk of re narrating the interaction between geography and ethnicity beyond political ideology, which may threaten the stability of our country’s borders. So, does this mean the rise of a local nationalism? The fact is not so. The understanding of the relationship between ethnic minorities and the state needs to break away from the traditional binary opposition framework, eliminate the cultural arrogance of Han Chinese centrism, abandon the strong impulse to “convert and merge” ethnic minorities, and also prevent ethnic minorities from moving towards cultural isolation and self-preservation. “Shaping differences into a cultural capital can facilitate trade in the symbolic market, and thus solidify and absolutize differences” [11]. Therefore, in the process of changing the subjectivity of ethnic minorities, it is particularly necessary to introduce the concept of “people” as an intermediate element to coordinate the relationship between the two. “Only after being reborn as the ‘people’ can a country’s citizens form a community” [12]. Here, “people” are given meaning by democratic politics, rather than referring to the opposite side of revolutionary struggle against the “enemy”. When a person’s freedom, rights, and dignity are protected by the Constitution of the People’s Republic of China, his/her identity as a member of the “people” of the People’s Republic of China is self-evident, and he/she has an obligation to maintain the unity and territorial integrity of the country. Establishing a three-dimensional cognitive space of “ethnicity-people-country” among ethnic groups with relatively small populations in Heilongjiang Province, combining political nationalism with cultural nationalism, is a conscious realization of individual identity in the content dimension of “shaping the boundaries of self and others” [13]. The concept of “Chinese national community consciousness” and “five identifications” has created specific social contexts for this, and its inherent logic’s multiplicity and interactivity have surpassed traditional holism political practice, constructing a national perspective in the context of cultural diversity. This also fundamentally demonstrates that “there is no essential conflict between national loyalty and national loyalty” [14].

3. CULTIVATING “WORLD CONSCIOUSNESS” IN THE CONTEXT OF THE NEW GLOBALIZATION ERA

Marx and Engels pointed out in the “Communist Manifesto”: “The bourgeoisie, by opening up the world market, has made the production and consumption of all countries universal... The self-sufficiency and isolationism of places and ethnic groups in the past have been replaced by the mutual interaction and interdependence of various ethnic groups. The production of matter is like this, and the production of spirit is also like this. The spiritual products of various ethnic groups have become public property.” [15] This passage accurately predicts the inevitable consequences of the global expansion of capitalism after the mid-19th century, and the truth of this result is still being continuously verified in all cultural and artistic production processes today. However, globalization has not shown a trend of homogeneity, balance, free will, and pursuit of subject equality from the beginning. On the one hand, under Western political incentives and manipulation, it is committed to creating a hierarchical world order with one-way strong output. On the other hand, it is not a “linear movement, but a periodic pendulum movement between releasing market forces and protecting society”. [16] In this process, the early imperialist aggression war transformed into economic and cultural infiltration dominated by political ideology, accompanied by the normalization of cross-border flow of resources and capital, the formation of a global industrial pattern, and the gradual establishment of a unilateralist international relations system based on Western universal values. Until the outbreak of the global financial crisis in 2008, globalization had always been in an upward trend with neoliberalism as the sole value scale. Since then, policy paradigms in various countries have begun to shift back towards protecting society. [17] The novel coronavirus epidemic in 2020 has even prompted some European and American countries to step up the recovery of “economic sovereignty”, which has encouraged the trend of populism. Globalization has shifted from “super globalization” to “limited globalization” [18].

In 2012, China took the lead in putting forward the concept of “a community with a shared future for mankind”, advocating the reconstruction of a new order of peaceful, stable, just and reasonable international relations, and launched the cooperation initiative of building the “the Belt and Road” the next year. By strengthening regional ties and sharing the achievements of civilization, China has constantly pushed forward new development towards an open, inclusive, coordinated and sustainable direction. As an important carrier of Chinese cultural soft power dissemination, Chinese films are far

from enough to stop at the high growth of box office and the expansion of market size. They must undertake the mission of showcasing the national discourse system and establishing the national image of the times, conveying the Chinese spirit and contributing to Chinese strength through active cultural practice. Past experience has shown that ethnic minority films have significant advantages in terms of box office appeal in the international film market and cultural appeal to international film festivals. However, to truly tell the “Chinese story” and showcase “Chinese wisdom” well, the implicit premise is to correctly handle the issue of value identity in the power relationship between the East and the West.

3.1. Breaking the mystery of self-orientalism and constructing aesthetic subjectivity on the basis of cultural subjectivity

From a natural geographical perspective, China is located in the hinterland of Asia, and together with neighboring countries such as Japan, North Korea, South Korea, Vietnam, and India, it forms the Eastern image in the Western worldview. Since modern times, this image has always been constructed and solidified by Western stereotypes in the global knowledge production space. With unique natural landscapes and differentiated cultural styles, it has enriched the collective imagination of Western society, revealing mysterious, ignorant, backward, and barbaric cultural characteristics, and is naturally regarded as a stepping stone for casting Western centric world myths. Whether it's Hollywood commercial films or European art films, most of the works that incorporate Eastern elements are just to meet the expectations of Western audiences, constantly creating visual wonders and aesthetic sentiments lacking cultural heritage. The mainstream of world cinema actually stands on the position of the “other” of Eastern culture, filled with an arrogant and arrogant Orientalist mentality. When filmmakers with Eastern cultural identities explore the world market, they also consciously or unconsciously fall into the path of self-orientalism in order to alleviate the pressure brought by language and distribution. Therefore, seeking common ground and commonalities among different regions and ethnic arts within Eastern culture, and constructing a universal subjectivity of Eastern aesthetics, is the only way to resist the discourse hegemony of Western centrism.

Qiu Zihua pointed out in “The History of Eastern Aesthetics” that “human aesthetic thought has a similar starting point in genetics” [19], and even in modern times, the social psychological structure, thinking mode, and artistic expression of various ethnic groups in the East still leave traces of ancient times. On the one hand, the Eastern primitive religion with the core content

of “the concept of spirituality in all things” effectively promoted the development of “poetic thinking” among various ethnic groups in the East. People sympathized and shared feelings with natural objects through the way of “measuring things by themselves”, forming an Eastern aesthetic that regards harmony in life as beauty and tranquility as beauty; On the other hand, the artistic creation concepts, artistic form characteristics, and artistic skills of various ethnic groups in the East are also influenced by the philosophical concept of “harmony between heaven and man” and the orderly patriarchal ethical system. The beauty of nature and personality, as well as the beauty of art and humanities, complement and permeate each other. Throughout the rise of new Asian films since the 1990s, it is precisely the process of establishing the dominant position of Eastern aesthetic ideas with identity and demonstrating strong aggregation effects. The ethnic group with a relatively small population in Heilongjiang province left their primitive survival state relatively late, and their daily production and life still maintain distinct natural attributes. Their pursuit of Eastern aesthetic connotations and expression of Eastern aesthetic sentiments constitute their collective unconsciousness in artistic creation. Therefore, in terms of film production, relying on modern technological means, we deeply integrate Eastern aesthetics with modern construction of film narrative strategies, language symbols, lens structures, and image connotations, transforming spontaneity into initiative and fragmentation into a system. This is not only conducive to creating a standardized film style, but also conducive to expanding broader communication space in regional integration, establishing multilateral cooperation mechanisms, and achieving win-win benefits.

3.2 Paying attention to the issue of “empathy” in human development and constructing an open dialogue based “Community Narrative”²

During the “Seventeen Years” period, Chinese ethnic minority films established a community narrative model centered on “class revolution”, with the original intention of constructing a Chinese national community and a modern nation-state.[20] Now it seems that this film practice, which focuses on integrating ideology and conveying national will, although to some extent suppresses the expression of cultural heterogeneity among ethnic minorities and transforms it into a discussion of the rationality of the values of new and old social systems, it also provides inspiration for breaking out of the small circle of displaying single ethnic characteristics and reconstructing the

² This concept was proposed by Rao Shuguang, Director and Researcher of the Film and Art Center of the China Federation of Literary and Art Circles. Please refer to «Regional Film, Ethnic Theme Film and» Community Aesthetics «in Contemporary Film, Issue 12, 2019.

subject culture/political identity in specific historical contexts. Compared to traditional social paradigms that form relatively stable and enduring communities based on elements such as ethnicity, religion, class, gender, and sexual characteristics, the transient and complex intersection of individual identity is the prominent feature of the “mobile modern era”. In the academic discussion against the essentialization and authoritativeness of the concept of “ethnic minority films”, Li Daoxin even predicted that “perhaps in the future, when all human activities are integrated into urban space and the Internet, the traditional ethnic minorities will really disappear.” [21] Therefore, instead of overly emphasizing ethnic “differences” and falling into the trap of original cultural production, ethnic minority films prefer to maintain their subjectivity and dynamism in the interweaving of history, modernity, and the future, as well as at the local, regional, national, and transnational levels, seeking unique ways to equally replace, internalize, and rename public experiences. This requires ethnic minority films to break through narrow and closed biological and genetic cognitive norms in community consciousness, expand their perspective to the entire nation and even humanity, and maximize the audience’s individualized perception and awaken diverse life experiences, so that “whether it is the subject, others, or strangers, they can discover identity from it” [22]. Of course, this does not mean the comprehensive dissolution of the cultural individuality of ethnic minorities, but rather maintaining a state of tension between it and the narrative of the community, forming a perfectly balanced relationship.

Guided by this theory, in terms of theme content and aesthetic pursuit, the film practice of ethnic groups with relatively small populations in Heilongjiang should have three consciousnesses: the first is the realistic creative consciousness. It means to focus on the current reality of the lives of ethnic minorities, reflect the new changes and problems they have encountered in the process of social modernization, and sing the main melody of the times with sincerity and sincerity. Zygmunt Bauman once criticized valuing and adhering to “cultural differences” as sometimes a repackaging of inequality. He said, “The moral ugliness of deprivation is miraculously transformed into the aesthetic beauty of cultural diversity.” [23] When globalization and urbanization bring about population mobility, ethnic dispersion, and traditional fragmentation, it has become an undeniable fact that ethnic minority films blindly indulge in the reproduction of early human social structures, cultural psychology, and folk landscapes, ignoring the historical process of modernization development. This inevitably creates emotional barriers with ethnic

minorities and indirectly negates the correctness of road choices, bringing negative effects on the implementation of ethnic self-determination rights. The second is the awareness of “intertextuality” in text construction. The so-called “intertextuality” refers to not isolating the development of a single ethnic group’s films, but placing them in a context that interweaves, influences, confronts, and blends with each other, taking into account the production and consumption environment, as well as the social and political context [24] Ethnic minority films reshape local historical experiences through cultural translation of world classic films, quickly establishing a global perspective and gaining the possibility of entering the ranks of “global vernacular” in terms of artistic form and narrative norms. At the same time, from the perspective of “intertextuality” relationships, global issues such as ecological destruction, energy crisis, public safety, wealth gap, gender politics, technological ethics, etc., the heterogeneous elements of ethnic minority films also provide a reflective space for modern trauma experiences, correcting the original logical path and giving new value directions. The third is the new media awareness of the Internet. On the one hand, the Internet has realized the effective extension of self-existence. In the virtual environment, individuals form different “communities” by constantly changing identity strategies, and are absorbed into the free sequence of “weaving” of online hypertext, further enjoying the discourse power of democracy and equality. Specifically, in the film field, the “online generation” film audience has shown a strong sense of participation. From script writing to director and actor selection, from film shooting to distribution, various Internet platform data and public opinion have become important references for film investment. On the other hand, the convenient, efficient and low-cost Internet film and television platform is changing the consumption tendency and viewing habits of film audiences, which has also triggered the restructuring of the film industry’s interest pattern, formed a new trend of mutual competition and cooperation between traditional cinemas and new media platforms, and promoted the improvement and development of the film industry chain. How ethnic minority films adapt to the Internet cultural ecology in terms of thinking and methods will be the key to win both public praise and commercial benefits.

CONCLUSION

Since the beginning of the new century, Chinese ethnic minority films have been constantly polishing themselves and improving in a market-oriented, internationalized, industrialized, and digitized socio-economic envi-

ronment, releasing vigorous creative and production vitality. A large number of outstanding works have emerged that focus on social hotspots and promote the spirit of the times. They have also contributed a lot to the improvement of the quality and increment of Chinese film development, and the maturity and completeness of the film industry system. Undoubtedly, ethnic minority films committed to deepening artistic cultivation and enhancing technological capabilities will become an important window to showcase the confidence of Chinese culture. But amidst this colorful landscape, there is also a need to be aware of the potential risks. After World War II, Hollywood films dominated the world and created a complete set of values, ethical concepts, visual aesthetic principles, and production technology norms for the consumer society with a sweeping force, becoming the only example of film practice in third world countries that urgently pursue enlightenment modernity. It recklessly destroys world cultural diversity through homogenized, singular, entertaining, and vulgar popular cultural goods, and “cultural impoverishment” is rampant. And the traditional, folk, or ethnic themes and styles in fashion, decoration, music, and art that are borrowed to expand their content are also paralyzed due to their detachment from the local context [25]. Instrumental rationality is elevated to the altar, and the regulatory function of value rationality fails, resulting in a devastated spiritual void. In addition, with the expansion of China’s influence, it is necessary to be wary of the breeding of narrow cultural nationalism. “Chinese new films have participated to varying degrees in the reconstruction of contemporary Chinese cultural nationalism, clearly demonstrating a complete set of recognizable cultural symbols, myths, and traditions of this nation, and even an excessive obsession with them.” [26] If imagination is allowed to diverge and expand on this basis, constantly creating false national illusions, it will inevitably hinder the comprehensive realization of socialist modernization and even fall into the Thucydidean trap. Therefore, Chinese ethnic minority films should always adhere to the correct position in value recognition, and help the Chinese Dream set sail. This is a historical choice and an important mission entrusted by the people.

Список литературы / Bibliography

1. Xi Jinping, Speech at the Opening Ceremony of the 10th National Congress of the Chinese Federation of Literary and Art Circles and the 9th National Congress of the Chinese Writers Association [EB/OL]. Xinhuanet, (2016-11-30)[2022-03-29]. // URL: www.xinhuanet.com/politics/2016-11/30/c_1120025319.htm.
2. Zhou Xian, Research on Contemporary Chinese Aesthetic Culture [M]. Beijing: Peking University Press, 1997: 259.
3. Rao Shuguang, etc., Film History of Chinese Minorities [M]. Beijing: China Film Press, 2011: 231.
4. Office of the Leading Group for the Seventh National Population Census of Heilongjiang Province. Main Data Bulletin of the Seventh National Population Census of Heilongjiang Province in 2020 [EB/OL]. Heilongjiang Provincial Bureau of Statistics, (2021-05-27)

- [2022-03-29]. // URL: tjj.hlj.gov.cn/tjsj/tjgb/pcgb/202105/t20210527_87737.html.
5. Zhu Jingjiang, Reconstruction of Culture and Reality of Image: Rethinking of The Social-historical Scientific Documentaries of China's Ethnic Minorities [J]. *Journal of Northwestern Ethnic Studies*, 2013(02): 61.
 6. Liang Qichao, The Theory of Political Science Master Bolun's Knowledge of Reason [N]. *New People's Series*, 38th and 39th issues, 1903-10-04.
 7. Liang Qichao. *Yinbing Room Collection 41: Observations of Chinese Nationalities in History* [A]. *Yinbing Room Collection*, Volume 11 [C]. Beijing: Zhonghua Book Company, 1936:142.
 8. Prasenjit Duara, Rescuing History from the Nation: Questioning Narratives of Modern China [M]. Wang Xianming, trans., Beijing: Social Sciences Academic Press(China), 2003: 46.
 9. Benedict Anderson, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* [M]. Wu Rui ren, trans., Shanghai: Shanghai Century Publishing(Group) Co., Ltd, 2011: 4.
 10. Liu Daxian, *Modern China and Minority Literature* [M]. Beijing: China Social Sciences Press, 2013: 234.
 11. Liu Daxian, Liu Cheng, Zhu Xu, On the Literary Consciousness of the Chinese National Community [J]. *Contemporary Chinese Literature Studies*, 2021(03): 193.
 12. Eric Hobsbawm, *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality* [M]. Li Jinmei, tran., Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2020: 87.
 13. Lv Zhaojin, Transcending the "Ethnicity-Nation" Dichotomy: The Enlightenment of a Boundary-Making Paradigm and Identity Circumstantialism in the Study of the Community of the Chinese Nation [J/OL]. *Journal of Ethnology*, (2021-09-16) [2022-03-29]. // URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/51.1731.c.20210915.1741.002.html>.
 14. Liu Daxian, *Inspection of the Discipline of Chinese Ethnic Minority Literature* [J]. *Theoretical Studies in Literature and Art*, 2007(06): 51.
 15. Karl Marx, Friedrich Engels, *The Communist Manifesto (Manifest der Kommunistischen Partei)* [A]. Compilation and Translation Bureau of Marx and Engels Works of the Central Committee of the Communist Party of China, Compilation. *Selected Works of Marx and Engels (Volume 1)* [C]. Beijing: People's Publishing House, 1972: 254-255.
 16. Gao Bai, Escaping the Samuelson Trap - Open Economy in the Postglobalization Era [J]. *Beijing Cultural Review*, 2020(06): 46.
 17. Gao Bai, Escaping the Samuelson Trap - Open Economy in the Postglobalization Era [J]. *Beijing Cultural Review*, 2020(06): 46.
 18. Zheng Yongnian, *Limited Globalization: The Birth of a New World Order* [M]. Beijing: The Oriental Press, 2021: 1.
 19. Qiu Zihua, *History of Eastern Aesthetics (Volume 1)* [M]. Beijing: The Commercial Press, 2003:5.
 20. Rao Shuguang, Li Daoxin, Zhao Weifang, Hu Puzhong, *Regional Films, Films on Nationalities and "Community Aesthetics"* [J]. *Contemporary Cinema*, 2019(12): 12.
 21. Rao Shuguang, Li Daoxin, Zhao Weifang, Hu Puzhong, *Regional Films, Films on Nationalities and "Community Aesthetics"* [J]. *Contemporary Cinema*, 2019(12): 12.
 22. Miriam Hansen, *The Feeling of Mass Production: as a Classic Film of Vernacular Modernism* [J]. Liu Yuqing, Yang Jinglin, tran., *Film Art*, 2009(05): 131.
 23. Zygmunt Bauman, *Community: Seeking Safety in an Insecure World* [M]. Ouyang Jinggen, trans., Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 2003: 125.
 24. An Shuang, "Vernacular Modernism" as a Method: Constructing the Alternative Modernity, Global Vernacular and Sensory Reflexive Horizon of Film [J]. *Journal of Beijing Film Academy*, 2022(02): 26.
 25. Smith, Anthony D., "Towards a Global Culture?" [J]. *Theory, Culture & Society*, 1990(07): 176.
 26. Zhang Yingjin, *Screening China: Critical Interventions, Cinematic Peconfigurations, and the Transnational Imaginary in Contemporary Chinese Cinema* [M]. Shanghai: Shanghai Sanlian Bookstore, 2008: 230.

С

ОЦИОЛОГИЯ

*Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы*

Бахарев В.В.

*Доктор социологических наук, профессор
кафедры социологии и управления, Белгородский
государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.*

Демененко И.А.

*Кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.*

Мотивационная политика персонала в стратегии управления человеческими ресурсами

В настоящее время, в условиях глобальных экономических изменений, экономической нестабильности, перед организациями возникает актуальная потребность стремительного пересмотра и перестроения действующей системы мотивирования персонала. Руководству компаний необходимо внедрять управленческие модели антикризисного управления, риск-менеджмента, а также принимать оперативные управленческие решения.

Политика мотивирования сотрудников конкретной организации зависит непосредственно от ресурсной базы, которой обладает компания, а именно: финансовая стабильность, экономический потенциал, бюджетирование на развитие персонала, профессиональная компетентность кадрового состава, лояльность персонала и др.¹

Мотивационная политика, с одной стороны, выступает действенным управленческим инструментом удовлетворенности персонала реализацией трудовой деятельности в организации, с другой стороны, является показателем диагностики текучести кадров как важнейшего коэффициента при анализе кадровых процессов.

Как справедливо отмечает Л.В. Вуец, мотивированный персонал – это «залог успешной работы и поступательного движения организации в направлении реализации её стратегии и упрочения её положения на рынке в целом»².

1 Бунтовская Л.Л. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности в условиях нестабильной экономики // Торговля и рынок. 2020. Т. 2. № 4-1 (56). С. 122-131.

2 Вуец Л.В. Мотивация персонала как инструмент развития организаций // Менеджмент: теория и практика. 2022. № 1-2. С. 68-74.

На сегодняшний день в научном поле многочисленное количество определений понятия и концептуальных подходов к анализу сущности мотивации, что обусловлено уже историческим интересом к данной функции менеджмента со стороны теоретиков, а также практической необходимостью формирования и развития эффективных инструментов мотивации персонала со стороны руководителей компаний³.

Среди наиболее актуальных в практике управления человеческими ресурсами определениями понятия мотивации персонала являются позиции таких авторов как А.Я. Кибанов, В.М. Маслова, В.А. Спивак, В.В. Травин и др.

Так, ведущий специалист в области управления персоналом А.Я. Кибанов трактует мотивацию как внутренний процесс сознательного выбора человеком того или иного типа поведения, определяемого комплексным воздействием внешних и внутренних факторов⁴.

С позиции В.М. Масловой, мотивацию труда можно определить как «побуждение человека к трудовой деятельности, основанное на удовлетворении важных его потребностей, для достижения личных целей или целей организации»⁵.

В.А. Спивак определяет мотивацию как состояние личности, определяющее степень активности и направленности действий человека к конкретной ситуации⁶.

С точки зрения В.В. Травины, мотивация труда - это «стремление работника удовлетворить свои потребности посредством трудовой деятельности»⁷.

С нашей позиции, мотивация – это внутренний процесс сознательного и самостоятельного выбора человеком того или иного поведения с целью удовлетворения своих потребностей, который определяется совокупным воздействием внешних и внутренних побудительных сил.

Мотивационная политика персонала представляет собой совокупность конкретных управленческих действий и целенаправленного применения побудительных мотивов⁸, а также процесс регулирования со-

3 Дивиченко О.И., Демененко И.А. Технология организации эффективного взаимодействия вузов и бизнес-сообщества региона // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 4. С. 13-15.

4 Кибанов А.Я., Дуракова И.Б. Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация. Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2018. 301с.

5 Маслова В.М. Управление персоналом. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2016. 492с.

6 Спивак В.А. Личность и предприятие: факторы успешного взаимодействия (поведенческие основы управления персоналом). Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 2002. 375 с.

7 Травин В.В., Дятлов В.А. Основы кадрового менеджмента. 5-е. изд., изм. и доп. Москва: Дело, 2003. 272 с.

8 Ульяницкая О.В. Мотивация труда управленческого персонала // Заметки ученого. 2021. № 4-1. С. 593-604.

циально-трудовых отношений и стимулирования персонала с целью достижения определенных результатов, удовлетворения потребностей персонала и повышения эффективности хозяйствования.

Мотивационная политика, предполагающая комплексный подход к построению и развитию системы мотивации труда персонала направлена:

- во-первых, на повышение качественных показателей эффективности труда персонала организации, повышение производительности трудовой деятельности работников в рамках своей профессиональной компетентности;

- во-вторых, на повышение удовлетворенности труда персонала всех категорий посредством обеспечения потребностей работников материальными и моральными стимулами, реализуемыми в рамках мотивационной политики организации;

- в-третьих, снижение коэффициента текучести кадров, и, как следствие, повышение уровня лояльности сотрудников, осуществляющих трудовую деятельность в организации;

- в-четвертых, повышение производственно-экономических показателей функционирования организации за счет увеличения производительности труда отдельного работника⁹.

С целью оценки реализуемой политики мотивации персонала, а также удовлетворенности сотрудников действующими методами и инструментами мотивации трех компаний строительного сектора экономики г. Севастополя (ООО «ИнтерСтрой», ООО «СК» Ай-Петри» ООО «СЗ «Стройкомплект»), нами проведен массовый опрос персонала указанных компаний посредством следующих методик: методика диагностики личности «Мотивация к успеху» Т. Элерса, направленная на исследование мотивационной направленности личности на достижение успеха, методика «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А. Реана, целью которой является изучение мотивации профессиональной деятельности, экспресс-опрос.

Количество респондентов составило 135 сотрудников (n=135). Структура выборки представлена всеми категориями персонала строительных компаний в следующем соотношении: руководители – 18%, специалисты – 62%, рабочие – 20%.

На рисунке 1 представлены схематично результаты опроса персона-

⁹ Фомичихин А.В. Мотивация персонала как основной элемент в системе управления человеческими ресурсами // Дельта науки. 2017. № 3. С. 104-108.

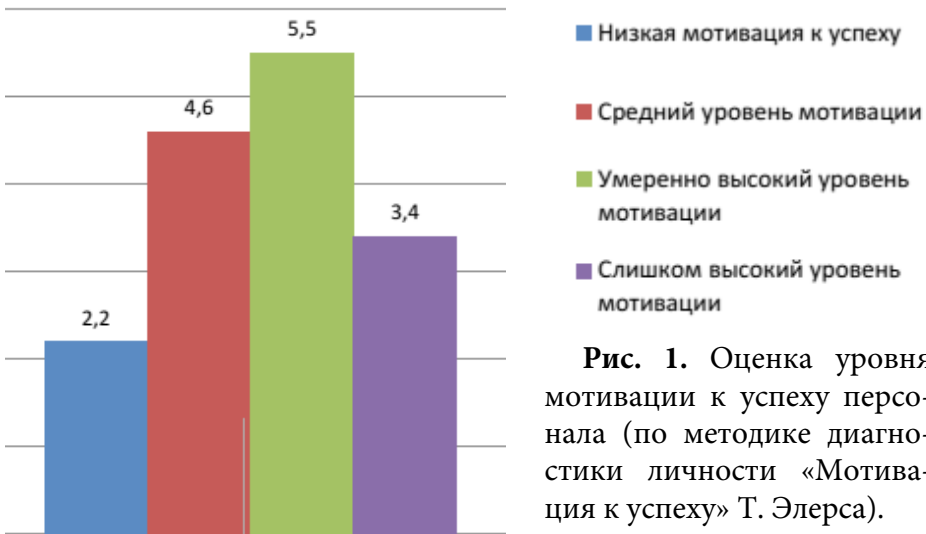

Рис. 1. Оценка уровня мотивации к успеху персонала (по методике диагностики личности «Мотивация к успеху» Т. Элерса).

ла строительных компаний г. Севастополя и определены наиболее выраженные показатели мотивации к успеху сотрудников исследуемых компаний.

Согласно представленным результатам опроса персонала по методике Т. Элерса, необходимо отметить, что для респондентов в большей степени характерен уверенно высокий уровень мотивирования (5,5 баллов), что является достаточно благоприятным и позитивным результатом, указывающим на высокий потенциал работников, готовность к повышению производственных показателей посредством инструментов мотивирования и стимулирования. Соответственно, сотрудники готовы улучшать свои показатели результативности на основе различного формата мотивационных инструментов. На втором месте для сотрудников строительных компаний характерен средний уровень мотивации (4,6 баллов), что может указывать на недостаточный уровень мотивации персонала, с одной стороны и недостаточную заинтересованность сотрудников в повышении результативности, с другой стороны. Положительным результатом опроса также является невыраженный показатель такого индикатора как низкая мотивация к успеху (2,2 балла), что позволяет сделать вывод и малом количестве сотрудников, которым свойственна низкая включенность в производственные процессы и нежелание повышать свои показатели профессиональной деятельности посредством инструментов мотивирования.

Таким образом, на основании полученных результатов реализации

методики диагностики личности «Мотивация к успеху» Т. Элерса, можно сделать вывод о достаточно положительном отношении персонала и готовности улучшать свои показатели профессиональной деятельности с помощью применения различных форм и методов мотивирования, а также выраженной включенности сотрудников в необходимые изменения и нововведения.

Обобщенные результаты опроса сотрудников строительных компаний по методике «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А. Реана рассмотрим на рисунке 2.

Согласно данным рисунка, у сотрудников строительных компаний г. Севастополя наиболее выраженной является внешняя положительная мотивация к труду (4,9), которая зависит, прежде всего, от отношений сотрудника с профессиональной средой (желание получить вознаграждение, различного формата стимул, избежать наказания и др.). Данный вид мотивации регулируется внешними моральными и материальными условиями трудовой деятельности персонала в конкретной организации. В случае, если отдельный сотрудник работает преимущественно из-за материальной составляющей (зарплаты), то финансовые средства являются внутренним мотиватором, если же преимущественно из-за интереса к работе и профессиональной самореализации, карьерного роста, то финансы выступают внешним мотиватором.

На среднем уровне отмечается внешняя отрицательная мотивация (3,5). Внешняя отрицательная мотивация является определенным конструктом для описания детерминации поведения в тех ситуациях, когда факторы, которые его инициируют и регулируют, находятся вне Я личности или вне поведения. Так, достаточно инициирующему и регулирующим факторам стать внешними, как вся мотивация приобретает характер внешней.

В меньшей степени для респондентов характерна внутренняя мотивация к профессиональной деятельности (2,8). Важно отметить, что полученный результат по внутренней мотивации как среднестатистическое значение по данной методике не является низким, находится в поле более 1, поэтому не верно будет определять его к совершенно низкому. Но, при ранжировании полученных результатов в исследуемой группе, данный показатель выражен в наименьшем значении. Внутренняя мотивация является конструктом, описывающим такой тип детерминации поведения, в рамках которого инициирующие и регулирующие его факторы исходят изнутри личностного Я и полностью находятся внутри самого поведения

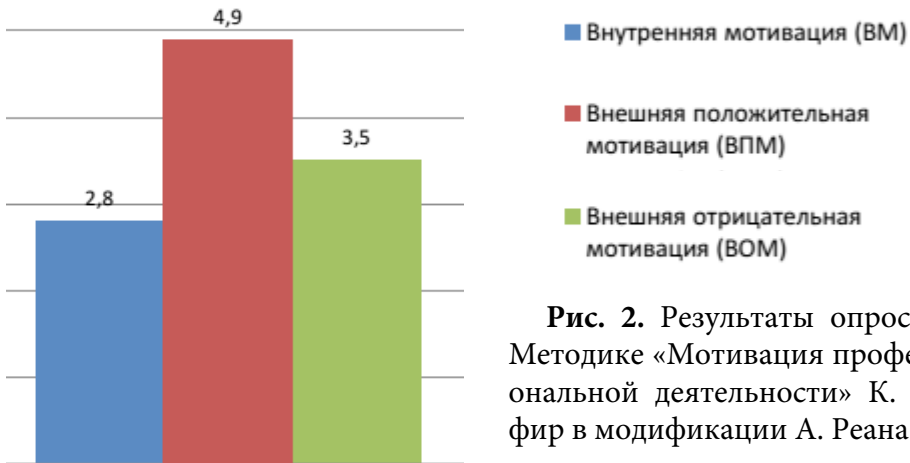

Рис. 2. Результаты опроса по Методике «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А. Реана.

Рис. 3. Результаты ранжирования наиболее эффективных инструментов мотивационной политики персонала строительных компаний г. Севастополя.

специалиста. Внутренне мотивированные деятельности не имеют поощрений, кроме самой активности, сотрудники вовлекаются в эту деятель-

ность ради нее самой, а не для достижения каких-либо внешних наград. Данного рода деятельность является самоцелью, но не средством для достижения некой другой цели.

С помощью экспресс-опроса, нами определены наиболее эффективные инструменты мотивационной политики персонала строительных компаний г. Севастополя (рис. 3).

Далее приведена детальная интерпретация полученных данных в ходе опроса персонала исследуемых компаний. Так, наиболее актуальными для сотрудников инструментами мотивационной политики являются: систематические премии (9,7), признание и уважение, как со стороны коллег, так и со стороны руководства (9,5), безопасные условия труда (9,2), материальное участие в прибыли компании (9,2). Среди менее востребованных инструментов, побуждающих работников к повышению своей производительности и результативности отмечаются следующие: выговоры и наказания (4,6), корпоративный транспорт (5,1), возможности карьерного роста (5,2). Интересным фактом исследования является необходимость и важность реализации мотивационных инструментов как морального, так и материального характера одновременно. Респонденты отмечают некий баланс между актуальностью финансовой стороны в виде премий и такие моральные методы мотивирования как пу-

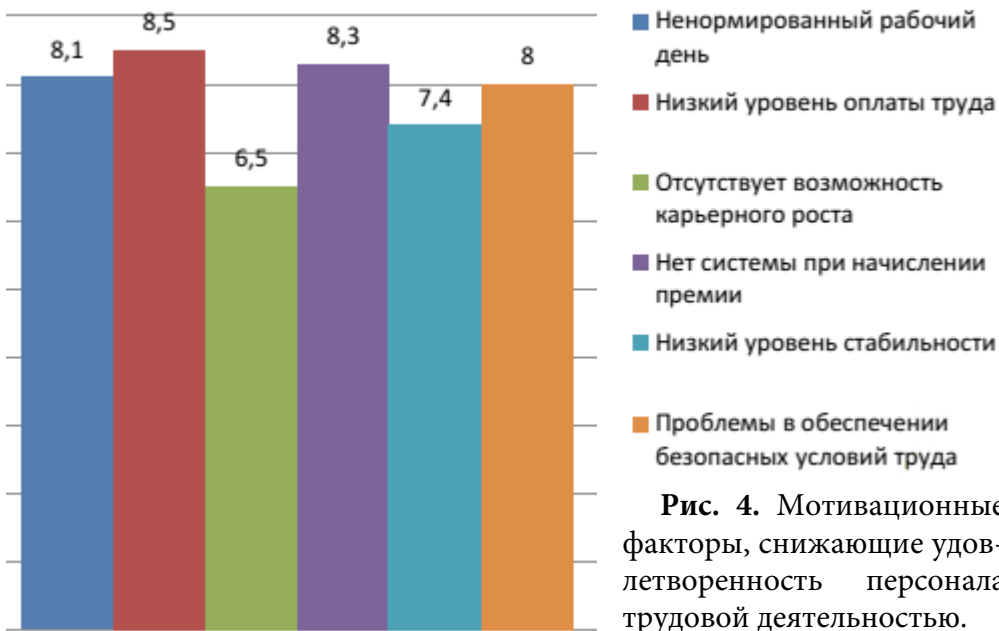

Рис. 4. Мотивационные факторы, снижающие удовлетворенность персонала трудовой деятельностью.

бличное признание, уважение, безопасные условия труда и т.д.

В рамках диагностики мотивационной политики анализировались факторы, снижающие удовлетворенность персонала трудовой деятельностью в строительных компаниях г. Севастополя (рис. 4).

Среди факторов, оказывающих неблагоприятное влияние на удовлетворенность трудовой деятельностью, в первую очередь респонденты отметили: низкий уровень оплаты труда (8,5), отсутствует системная работа по организации и начислению премий сотрудникам (8,3), ненормированный рабочий день (8,1), имеющиеся проблемы в обеспечении персонала безопасными условиями труда (8), низкий уровень стабильности (7,4), что определяется причинно-следственной связью с сезонностью определенных видов работ строительного сектора экономики, снижением производственных мощностей отдельных направлений производственно-экономической деятельности строительных компаний.

Представленные фрагментарные результаты проведенного опроса сотрудников ведущих компаний строительной отрасли г. Севастополя, позволяют систематизировать данные и предложить перечень рекомендаций, направленных на повышение качественных и количественных показателей результативности мотивационной политики компаний с учетом отраслевой специфики.

В рамках повышения эффективности управления мотивацией персонала в строительных компаниях г. Севастополя, по нашему мнению, целесообразно реализовать следующие мероприятия:

- разработка полного нормативно-методического и организационного обеспечения системы мотивации персонала на локальном уровне;
- разработка системы информационной доступности и открытости реализуемой мотивационной политики в компаниях, в том числе для каждого сотрудника;
- проведение систематического мониторинга эффективности системы мотивации труда персонала посредством анкетирования персонала, анализа кадровой и бухгалтерской отчетности;
- совершенствование инструментов морального и материального мотивирования работников с учетом целей и стратегических перспектив развития компаний;
- внедрение автоматизированных систем управления мотивацией с целью рационализации трудовых ресурсов и повышения эффективности системы управления персоналом.

Определяя мотивационную политику как стратегический инструмент

управления человеческими ресурсами, руководству компаний следует уделять более детальное внимание диагностике актуального состояния системы мотивации (имеющихся недостатков, преимуществ, факторов влияния), проводить мониторинговые замеры результативности системы мотивации, а также закладывать необходимые ресурсы и административные рычаги для повышения эффективности политики мотивации с учетом специфики деятельности компании.

Список литературы:

1. Бунтовская Л.Л. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности в условиях нестабильной экономики // Торговля и рынок. 2020. Т. 2. № 4-1 (56). С. 122-131.
2. Вуец Л.В. Мотивация персонала как инструмент развития организаций // Менеджмент: теория и практика. 2022. № 1-2. С. 68-74.
3. Дивиченко О.И., Демененко И.А. Технология организации эффективного взаимодействия вузов и бизнес-сообщества региона // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 4. С. 13-15.
4. Кибанов А.Я., Дуракова И.Б. Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация. Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2018. 301с.
5. Маслова В.М. Управление персоналом. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2016. 492с.
6. Спивак В.А. Личность и предприятие: факторы успешного взаимодействия (поведенческие основы управления персоналом). Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 2002. 375 с.
7. Травин В.В., Дятлов В.А. Основы кадрового менеджмента. 5-е изд., изм. и доп. Москва: Дело, 2003. 272 с.
8. Ульяницкая О.В. Мотивация труда управленческого персонала // Заметки ученого. 2021. № 4-1. С. 593-604.
9. Фомичихин А.В. Мотивация персонала как основной элемент в системе управления человеческими ресурсами // Дельта науки. 2017. № 3. С. 104-108.
10. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Казачество. 2023. № 66 (1). С. 11-18.
11. Щупленков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // Культура Мира. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.
12. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геопсихология и геополитика цветных ЛИНИЙ // Казачество. 2022. № 59 (2). С. 9-18.
13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Чумаки и казаки: опыт сравнительного исследования // Казачество. 2022. № 62 (5). С. 42-50.
14. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
15. Рябова Е.И., Рябова Е.Л. Дихотомия культуры: конфликт ценностей экологии и экономики // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 11-19.
16. Кантаева О.В., Рябова Е.Л. Региональные аспекты реализации государственных инициатив по стимулированию активного долголетия и физической активности пожилых граждан // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 42-51.
17. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.
18. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Эволюция дипломатического подарка как индикатор изменений в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 6 (156). С. 45-54.
19. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. 80-лет парада на красной площади: историко-культурный и геополитический смыслы парадов // Казачество. 2021. № 57 (7). С. 9-18.
20. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Боль разделенных городов - последствия геополитических игр // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 1 (27). С. 10-20.
21. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитическая авантюра: цена внешнеполитического просчета в истории // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 5 (31). С. 515-524.
22. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Политизация образов истории повседневности (на примере образа ворот) // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 7 (33). С. 782-791.
23. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантином // Альманах Крым. 2020. № 20. С. 11-22.
24. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экологические смыслы международного сотрудничества: все тайное становится явным // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 1 (19). С. 10-19.
25. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитика в маске // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 4 (22). С. 500-511.
26. Рябова Е.Л. Международный круглый стол на тему «внешняя политика России в условиях обострения международной обстановки» // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 5 (167). С. 52-55.
27. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
28. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Православные основы самоидентификации российского казачества: история и современность // Казачество. 2019. № 38 (2). С. 35-44.
29. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // Миссия конфессий. 2019. Том 8. Часть 2 (№ 37). С. 133-142

30. Рябова Е.Л., Терновоя Л.О. Итало-Российская торговая палата: торговые связи в конфигурации международных отношений // Миссия конфессий. 2018. Том 7. Часть (№ 32). С. 585-595.
31. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.
32. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.
33. Байханов, И.Б. Молодежь в цифровом мире: самооценка сформированности цифровых компетенций абитуриентов московских вузов // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 6 (55). С. 615-623.
34. Байханов, И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
35. Байханов, И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
36. Байханов, И.Б. Формирование цифровых компетенций в условиях трансформации образовательных систем // Миссия конфессий, 2021. Т.10. № 7 (56). С. 705-712.
37. Байханов, И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 5 (54). С. 519-524.
38. Ананченкова П.И., Тонконог В.В. Направления государственной политики в создании и развитии региональной инновационной образовательной системы. Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2016. № 49. С. 8-15.
39. Тонконог В.В., Константинов В.М., Ананченкова П.И. Развитие образовательных услуг в сфере переподготовки и повышения квалификации кадров для малого и среднего бизнеса. Труд и социальные отношения. 2014. Т. 25. № 9. С. 106-121.
40. Тонконог В.В., Ананченкова П.И. E-LEARNING: заменит ли дистант традиционные формы обучения? Труд и социальные отношения. 2017. Т. 28. № 4. С. 119-128.
41. Ананченкова П.И., Кузнецов М.Ю. Профессиональное обучение безработных в системе службы занятости населения. Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2016. № 47. С. 176-183.

Bibliography

1. Buntovskaya L.L. Motivation and stimulation of labor activity in the conditions of an unstable economy // Trade and market. 2020. Vol. 2. № 4-1 (56). P. 122-131.
2. Vuets L.V. Personnel motivation as a tool for organizational development // Management: theory and practice. 2022. № 1-2. P. 68-74.
3. Divichenko O.I., Demenenko I.A. Technology of organizing effective interaction between universities and the regional business community // Social and humanitarian knowledge. 2023. № 4. P. 13-15.
4. Kibanov A.Ya., Durakova I.B. Personnel management of the organization: strategy, marketing, internationalization. Moscow: Publishing House "Infra-M", 2018. 301 p.
5. Maslova V.M. Personnel Management. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2016. 492 p.
6. Spivak V.A. Personality and Enterprise: Factors of Successful Interaction (Behavioral Foundations of Personnel Management). St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. University of Economics and Finance, 2002. 375 p.
7. Travin V.V., Dyatlov V.A. Fundamentals of Personnel Management. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Delo, 2003. 272 p.
8. Ulyanitskaya O.V. Motivation of Management Personnel // Notes of a Scientist. 2021. № 4-1. P. 593-604.
9. Fomichikhin A.V. Personnel motivation as a key element in the human resources management system // Delta of Science. 2017. № 3. P. 104-108.
10. Ryabova E.L. On the Unity of Education and Upbringing: Institutional Discourse // Cossacks. 2023. № 66 (1). P. 11-18.
11. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The Role of the Time Factor in Political Culture // Culture of the World. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.
12. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopsychology and Geopolitics of Colored LINES // Cossacks. 2022. № 59 (2). P. 9-18.
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Chumaks and Cossacks: An Experience of Comparative Research // Cossacks. 2022. № 62 (5). P. 42-50.
14. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.
15. Ryabova E.I., Ryabova E.L. Dichotomy of culture: conflict of values of ecology and economics // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 11-19.
16. Kantaeva O.V., Ryabova E.L. Regional aspects of the implementation of state initiatives to stimulate active longevity and physical activity of older citizens // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 42-51.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Obvious and Hidden Meanings of Strikes // The Power of History and the History of Power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 30-42.
18. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Evolution of a Diplomatic Gift as an Indicator of Changes in International Relations // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2021. № 6 (156). P. 45-54.
19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. 80 Years of the Parade on Red Square: Historical, Cultural and Geopolitical Meanings of Parades // Cossacks. 2021. № 57 (7). P. 9-18.
20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Pain of Divided Cities - the Consequences of Geopolitical Games // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 1 (27). P. 10-20.
21. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Adventure: The Price of Foreign Policy Miscalculation in History // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 5 (31). P. 515-524.
22. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Politicization of Images of Everyday History (using the Image of the Gate as an Example) // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 7 (33). P. 782-791.

23. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Meanings of Closed Borders: Reflections on Quarantine // *Almanac Crimea*. 2020. № 20. P. 11-22.
24. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Environmental meanings of international cooperation: everything secret becomes clear // *The power of history and the history of power*. 2020. Vol. 6. № 1 (19). P. 10-19.
25. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics in a mask // *The power of history and the history of power*. 2020. Vol. 6. № 4 (22). P. 500-511.
26. Ryabova E.L. International round table on the topic "Russian foreign policy in the context of an aggravated international situation" // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2022. № 5 (167). P. 52-55.
27. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // *Almanac Crimea*. 2022. № 31. P. 61-72.
28. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Orthodox foundations of self-identification of Russian Cossacks: history and modernity // *Cossacks*. 2019. № 38 (2). P. 35-44.
29. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Connection of times and meanings: sacred trees // *Mission of confessions*. 2019. Vol. 8. Part 2 (№ 37). P. 133-142.
30. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Italian-Russian Chamber of Commerce: Trade Relations in the Configuration of International Relations // *Mission of Confessions*. 2018. Vol. 7. Part (№ 32). P. 585-595.
31. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of implementation of activities // *The Power of History - History of Power*. 2024. Vol. 10. Part 3. (№ 53). P. 12-21.
32. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening healthcare and ensuring accessibility of medical care // *Culture of the World*. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.
33. Baykhanov, I.B. Young People in the Digital World: Self-Assessment of the Formation of Digital Competencies of Applicants to Moscow Universities // *Mission of Confessions*, 2021. Vol. 10. № 6 (55). P. 615-623.
34. Baykhanov, I.B. Features of Human Resource Management in the Context of Global Change // *The Power of History and the History of Power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
35. Baykhanov, I.B. Features of Human Resource Management in the Context of Global Change // *The Power of History and the History of Power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
36. Bayhanov, I.B. Formation of digital competencies in the context of transformation of educational systems // *Mission of confessions*, 2021. Vol.10. № 7 (56). P. 705-712.
37. Bayhanov, I.B. Geopolitical culture: as you name the ship // *Mission of confessions*. 2021. Vol. 10. № 5 (54). P. 519-524.
38. Ananchenkova P.I., Tonkonog V.V. Directions of state policy in the creation and development of a regional innovative educational system. Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2016. № 49. P. 8-15.
39. Tonkonog V.V., Konstantinov V.M., Ananchenkova P.I. Development of educational services in the field of retraining and advanced training of personnel for small and medium-sized businesses. *Labor and Social Relations*. 2014. Vol. 25. № 9. P. 106-121.
40. Tonkonog V.V., Ananchenkova P.I. E-LEARNING: Will Distance Learning Replace Traditional Forms of Learning? *Labor and Social Relations*. 2017. Vol. 28. № 4. P. 119-128.
41. Ananchenkova P.I., Kuznetsov M.Yu. Vocational Training of the Unemployed in the Employment Service System. *Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. 2016. № 47. P. 176-183.

Бахарев В.В.

*Доктор социологических наук, профессор
кафедры социологии и управления, Белгородский
государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.*

Демененко И.А.

*Кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.*

Управление человеческими ресурсами в условиях цифровой трансформации бизнеса

Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, цифровая экономика представляет собой «хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, и способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы»¹.

Развитие Интернет технологий, накопление и анализ больших данных, искусственного интеллекта оказывает огромное влияние на все направления экономической деятельности, что, конечно же, сказывается на методах менеджмента, в том числе применении цифровых управленческих технологий в области человеческих ресурсов компаний как возможностей качественного развития и повышения производительности труда реализации бизнеса.

Комплексный подход к цифровизации и адаптация бизнес-процессов к условиям цифровой экономики приводят к следующим изменениям:

– повышение потребительской ценности, переход на кастомизированные продукты и услуги, омниканальность, сокращение горизонтальных цепочек создания стоимости, сокращение транзакционных издержек и

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». // URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf> (Дата обращения: 21.07.2024)

жизненного цикла инноваций;

– выход традиционных компаний на новые рынки электронных услуг, «сквозное» внедрение технологий Индустрии 4.0, переход на «цифровые двойники»;

– развитие экосистемного подхода к управлению цифровой трансформацией бизнес процессов»².

Для решения задач цифровизации экономики в контексте управления организацией, необходимо интенсивное инновационное развитие человеческих ресурсов, трансформация технологий и организационно-управленческих инструментов работы с кадрами, формирование соответствующей социокультурной среды и др.

Справедливо согласиться с М. Армстронг, который определяет управление человеческими ресурсами как «стратегический и целостный подход к управлению наиболее ценными активами организации, а именно людьми, которые индивидуально и коллективно вносят свой вклад в достижение организационных целей»³. По мнению Т.Ю. Базарова, главная миссия специалиста по управлению человеческими ресурсами сегодня заключается в наращивании кадрового потенциала организации для реализации ее бизнес-стратегии, определяющей решение двух стратегических задач: создания конкурентных преимуществ организации путем повышения уровня ответственности ее сотрудников, используя средства управления корпоративной культурой, и обеспечение конкурентных преимуществ организации путем наращивания ее человеческого потенциала, постоянно поддерживая рост профессиональных компетенций сотрудников⁴.

Среди теоретиков и практиков в настоящее время освещаются достаточно масштабно методологические основания построения и развития системы управления человеческими ресурсами. Проведенный анализ позволил структурировать и выделить основные подходы к управлению человеческими ресурсами (таблица 1).

Справедливо отметить, что каждый из представленных подходов к управлению человеческими ресурсами имеет свои достоинства и недостатки, и возможности наиболее эффективного применения должны определяться в зависимости от достаточно большого количества факторов как внешней, так и внутренней среды компании.

2 Комплексный подход к цифровизации промышленных предприятий. // URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/PwC_Siemens_Digital_transformation.pdf/ (Дата обращения: 22.07.2024)

3 Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 10-е изд. – СПб.: Питер, 2012. 958 с.

4 Базаров Т.Ю. Психология управления персоналом. 2-е изд., пер. и доп. Изд-во Юрайт, 2024. 386 с.

Таблица 1. Подходы к управлению человеческими ресурсами.

Подходы	Характеристика
Функциональный подход	Данный подход выступает как способ разработки нового или модернизации устаревших систем управления, отдельного элемента или всей структуры в целом. Сущность заключается в рассмотрении любой организации как системы взаимосвязанных функций, а также изучения каждой функции в отдельности. Является основой для функционально-стоимостного анализа.
Процессный подход	Данный подход имеет высокую универсальность и приводит к достижению требуемых задач, структурирован, включает логически связанные управленческие методы. Позволяет увидеть качество выполнения отдельных процессов и исключить избыточные операции.
Системный подход	В рамках данного подхода компания рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов: персонал, структура, технологии и т.д. Подход способствует формированию образа мышления, учитывающего максимум явлений, от внешней до внутренней среды. Системный подход не дает конкретного четкого представления и не определяет приоритетных частей.
Ситуационный подход	Данный подход позволяет решать проблемы, выстраивать оптимальные решения на оперативном уровне. В свою очередь требует высокой квалификации от персонала, а также имеет большие проблемы с долгосрочными проектами.

В новых условиях построения и развития менеджмента компаний, целесообразно интегрировать изменения в управлении человеческими ресурсами в общую стратегию развития, выделяя приоритетные направления и векторы трансформации бизнеса. Система управления человеческими ресурсами в условиях внедрения цифровых технологий может выглядеть следующим образом (рис. 1).

Цифровая трансформация управления человеческими ресурсами компаний предполагает внедрение имеющихся на рынке цифровых технологий и программных продуктов (таблица 2).

Конечно же, представленный спектр цифровых технологий и программных продуктов не является исчерпывающим, в виду стремительных темпов развития и внедрения цифровых технологий в управленческие процессы компаний, а также разработки собственных программ обеспечения автоматизации бизнеса.

Рис. 1. Система управления человеческими ресурсами в условиях внедрения цифровых технологий (составлено авторами).

Таблица 2. Инструменты и программные продукты цифровизации системы управления человеческими ресурсами⁵.

Направление УЧР	Цифровые технологии	Программные продукты
Учет кадров и документооборот	электронный документооборот, облачные сервисы, ERP-система	1С: зарплата и кадры, СБИС Управление персоналом, КЭДО, VR HR Tek, КОРП-КАДРЫ
Система рекрутинга	Чат-боты и бот-ассистенты, голосовые помощники, контекстная реклама, цифровые платформы	Чат-бот XOR, Робот Вера, СберПодбор (CRM для рекрутинга), Hurma, Jobvite, HeadHunter

⁵ Сокур А.В., Колмыкова Т.С. Проблемы обеспечения прогрессивной динамики развития человеческого капитала в условиях цифровизации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 3. С. 159-170.

Развитие и обучение персонала	геймификация, онлайн-курсы, онлайн-тесты, онлайн приложения и симуляторы, виртуальные тренажеры	WikiWorks, Mirapolis HCM, Поток Опросы, VCV
Формирование корпоративной культуры и этики	бот-ассистент, мессенджеры, корпоративные платформы и социальные сети, геймификация	Моя Команда, Поток, Вовлеченность, Битрикс24
Кадровый мониторинг и аттестация	электронное тестирование, BigData, технологии виртуальной и дополненной реальности	Поток Оценка 360, Goodt Rostalent, CleverControl, Kickidler
Система адаптации персонала	виртуальная карта офиса с геолокацией, вебинары и видеоконференции, дашборды, чат-бот	Поток Адаптация, Моя Команда, HR ЧатБот
Система мотивации и стимулирования труда	искусственный интеллект, BigData, геймификация, Интернет вещей	Goodt Rostalent, Управление бизнесом: цели, мотивация, KPI, KPI MONITOR
Статистика и аналитика развития человеческого капитала	облачные сервисы, BigData, CRM-система, искусственный интеллект	Поток Опросы, TrenData People, Analytics, Поток Цели

Так, цифровая трансформация определяет повышенную актуальность и востребованность новых навыков и профессиональных компетенций менеджеров⁶. Однако, справедливо заметить, что уровень знаний и владения цифровыми технологиями специалистов в области управления человеческим капиталом на сегодняшний день существенно ниже среднего уровня цифровой грамотности персонала, что связано с достаточно недавним стремлением руководства компаний к автоматизации и цифровизации процессов управления человеческими ресурсами.

Эпоха цифровой экономики выдвигает на первый план стратегически важный актив – знания, от которых зависит устойчивое экономическое развитие компаний разных отраслей. В связи с этим, целесообразно формировать новые подходы к разработке стратегий бизнеса, основанных на современных инструментах и методах интеграции корпоративных знаний в систему управления компанией. Грамотное использование человеческих ресурсов предприятия, своевременное формирование и развитие компетенций, в том числе цифровых, позволяет предприятию получить соответствующие желаемые результаты своей хозяйственной деятельности⁷.

6 Демененко И.А. Коммуникативные векторы студенческой молодёжи в условиях глобальной цифровизации общества // Менеджмент в России и за рубежом. 2023. № 5. С. 46-53.

7 Белоусова Г.А. Управление человеческими ресурсами в условиях цифровизации экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 7. № 1. С. 49-54.

Согласно данным опроса 1784 организаций из 30 регионов России, проведенного ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 46% компаний планируют расширить применение цифровых технологий, при этом каждая третья - в ближайшие пять лет. По результатам исследования, наиболее востребованы в цифровой сфере компетенции по обработке, обмену, хранению и защите информации⁸.

Среди важнейших профессиональных компетенций, необходимых для реализации трудовой деятельности специалистов в условиях цифровизации бизнеса, по нашему мнению, целесообразно выделить следующие:

- трансдисциплинарность;
- аналитические способности работы с большими данными;
- цифровая грамотность;
- оперативное мышление;
- многозадачность;
- способности эффективной коммуникации в бизнес-среде;
- цифровые коммуникативные навыки и др.

Как отмечают Н.А. Новичков и Д.В. Хадасевич, развитие персонала и привлечение специалистов с определенными компетенциями являются основой для изменений в процессах управления человеческими ресурсами организации. Акцентируются в таких условиях не только ИТ-компетенции персонала, но и адаптивность, обучаемость, способность к интеграции в организационную культуру⁹.

Одним из важных векторов влияния цифровых технологий в реализации бизнес процессов является оперативность и эффективность принятия управленческих решений¹⁰. Среди качественных показателей результативности цифровизации управления человеческими ресурсами следует отметить:

- обеспечение представителей менеджмента компаний достоверной и оперативной информацией, представленной локальным использованием всех участников организационной среды;
- сокращение транзакционных издержек при обращении сотрудников компании к необходимой информации через единую базу информационных данных;

⁸ Топ-15 компетенций и навыков в цифровой сфере. // URL: <https://issek.hse.ru/news/540276172.html> (дата обращения: 25.07.2024)

⁹ Новичков Н.А., Хадасевич Д.В. Управление человеческими ресурсами организации в условиях цифровой трансформации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 2. № 7 (139). С. 127-132.

¹⁰ Терновский О.А., Шумская Е.Н. Управление человеческими ресурсами как современная концепция управления персоналом на предприятии // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. №2. С. 39-44.

- осуществление оперативного и непрерывного контроля за движением имеющихся ресурсов на всех уровнях управления;
- реализация аналитических функций подразделений компании в режиме реального времени и передача оперативных данных по вертикали управления человеческими ресурсами;
- ускорение процесса обмена информацией между структурными подразделениями компании, а также филиалами на уровне региона или страны;
- повышение скорости и эффективности принятия управленческих решений;
- обеспечение целостности информационных данных компании, а также безопасности при их обработке хранении и передаче.

Таким образом, построение новой кадровой политики в условиях цифровизации бизнес процессов предполагает активизацию работы по обеспечению компании кадрами соответствующей профессиональной компетентности цифрового и информационно-коммуникационного формата работы, адаптации и вовлеченности персонала, формирования единой идеологической и социокультурной среды, формирования открытой информационной политики.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». // URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf> (Дата обращения: 21.07.2024).
2. Комплексный подход к цифровизации промышленных предприятий. // URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/PwC_Siemens_Digital_transformation.pdf/ (Дата обращения: 22.07.2024)
3. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 10-е изд. – СПб.: Питер, 2012. 958 с.
4. Базаров Т.Ю. Психология управления персоналом. 2-е изд., пер. и доп. Изд-во Юрайт, 2024. 386 с.
5. Сокур А.В., Колмыкова Т.С. Проблемы обеспечения прогрессивной динамики развития человеческого капитала в условиях цифровизации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 3. С. 159-170.
6. Демененко И.А. Коммуникативные векторы студенческой молодёжи в условиях глобальной цифровизации общества // Менеджмент в России и за рубежом. 2023. № 5. С. 46-53.
7. Белоусова Г.А. Управление человеческими ресурсами в условиях цифровизации экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 7. № 1. С. 49-54.
8. Топ-15 компетенций и навыков в цифровой сфере. // URL: <https://issek.hse.ru/news/540276172.html> (Дата обращения: 25.07.2024).
9. Новичков Н.А., Хадасевич Д.В. Управление человеческими ресурсами организации в условиях цифровой трансформации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 2. № 7 (139). С. 127-132.
10. Терновский О.А., Шумская Е.Н. Управление человеческими ресурсами как современная концепция управления персоналом на предприятии // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. №2. С. 39-44.
11. Шупленков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // Культура Мира. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.
12. Рябова Е.Л., Терновская Л.О. Геопсихология и геополитика цветных ЛИНИЙ // Казачество. 2022. № 59 (2). С. 9-18.
13. Рябова Е.Л., Терновская Л.О. Чумаки и казаки: опыт сравнительного исследования // Казачество. 2022. № 62 (5). С. 42-50.
14. Рябова Е.Л., Терновская Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
15. Рябова Е.И., Рябова Е.Л. Дихотомия культуры: конфликт ценностей экологии и экономики // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 11-19.
16. Кантаева О.В., Рябова Е.Л. Региональные аспекты реализации государственных инициатив по стимулированию активного долголетия и физической активности пожилых граждан // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 42-51.
17. Рябова Е.Л., Терновская Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.

18. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Эволюция дипломатического подарка как индикатор изменений в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 6 (156). С. 45-54.
19. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. 80-лет парада на красной площади: историко-культурный и геополитический смыслы парадов // Казачество. 2021. № 57 (7). С. 9-18.
20. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Боль разделенных городов - последствия геополитических игр // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 1 (27). С. 10-20.
21. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитическая авантюра: цена внешнеполитического просчета в истории // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 5 (31). С. 515-524.
22. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Политизация образов истории повседневности (на примере образа ворот) // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 7 (33). С. 782-791.
23. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантином // Альманах Крым. 2020. № 20. С. 11-22.
24. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экологические смыслы международного сотрудничества: все тайное становится явным // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 1 (19). С. 10-19.
25. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитика в маске // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 4 (22). С. 500-511.
26. Рябова Е.Л. Международный круглый стол на тему «внешняя политика россии в условиях обострения международной обстановки» // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 5 (167). С. 52-55.
27. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
28. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Православные основы самоидентификации российского казачества: история и современность // Казачество. 2019. № 38 (2). С. 35-44.
29. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // Миссия конфессий. 2019. Том 8. Часть 2 (№ 37). С. 133-142
30. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Итало-Российская торговая палата: торговые связи в конфигурации международных отношений // Миссия конфессий. 2018. Том 7. Часть (№ 32). С. 585-595.
31. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.
32. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.
33. Байханов, И.Б. Молодежь в цифровом мире: самооценка сформированности цифровых компетенций абитуриентов московских вузов // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 6 (55). С. 615-623.
34. Байханов, И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
35. Байханов, И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
36. Байханов, И.Б. Формирование цифровых компетенций в условиях трансформации образовательных систем // Миссия конфессий, 2021. Т.10. № 7 (56). С. 705-712.
37. Байханов, И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 5 (54). С. 519-524.
38. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Казачество. 2023. № 66 (1). С. 11-18.

Bibliography

1. Decree of the President of the Russian Federation "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030". // URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf> (21.07.2024).
2. An integrated approach to the digitalization of industrial enterprises. // URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/PwC_Siemens_Digital_transformation.pdf/ (22.07.2024)
3. Armstrong M. Human Resource Management Practice. 10th ed. - St. Petersburg: Piter, 2012. 958 p.
4. Bazarov T.Yu. Psychology of Personnel Management. 2nd ed., trans. and add. Yurait Publishing House, 2024. 386 p.
5. Sokur AV, Kolmykova TS Problems of Ensuring Progressive Dynamics of Human Capital Development in the Context of Digitalization // Bulletin of the South-West State University. Series Economics. Sociology. Management. 2021. Vol. 11. № 3. P. 159-170.
6. Demenenko IA Communicative Vectors of Student Youth in the Context of Global Digitalization of Society // Management in Russia and Abroad. 2023. № 5. P. 46-53.
7. Belousova GA Human Resource Management in the Context of Digitalization of the Economy // Economy and Management: Problems, Solutions. 2019. Vol. 7. № 1. P. 49-54.
8. Top 15 Competencies and Skills in the Digital Sphere. // URL: <https://issek.hse.ru/news/540276172.html> (25.07.2024).
9. Novichkov N.A., Khadasevich D.V. Human Resource Management of an Organization in the Context of Digital Transformation // Economy and Management: Problems, Solutions. 2023. Vol. 2. № 7 (139). P. 127-132.
10. Ternovsky O.A., Shumskaya E.N. Human Resource Management as a Modern Concept of Personnel Management at an Enterprise // Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society. 2020. No. 2. P. 39-44.
11. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The Role of the Time Factor in Political Culture // Culture of the World. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.
12. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopsychology and Geopolitics of Colored LINES // Cossacks. 2022. № 59 (2). P. 9-18.
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Chumaks and Cossacks: An Experience of Comparative Research // Cossacks. 2022. № 62 (5). P. 42-50.
14. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.

15. Ryabova E.I., Ryabova E.L. Dichotomy of culture: conflict of values of ecology and economics // *Almanac Crimea*. 2022. № 32. P. 11-19.
16. Kantaeva O.V., Ryabova E.L. Regional aspects of the implementation of state initiatives to stimulate active longevity and physical activity of older citizens // *Almanac Crimea*. 2022. № 32. P. 42-51.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Obvious and Hidden Meanings of Strikes // *The Power of History and the History of Power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 30-42.
18. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Evolution of a Diplomatic Gift as an Indicator of Changes in International Relations // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2021. № 6 (156). P. 45-54.
19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. 80 Years of the Parade on Red Square: Historical, Cultural and Geopolitical Meanings of Parades // *Cossacks*. 2021. № 57 (7). P. 9-18.
20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Pain of Divided Cities - the Consequences of Geopolitical Games // *The Power of History and the History of Power*. 2021. Vol. 7. № 1 (27). P. 10-20.
21. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Adventure: The Price of Foreign Policy Miscalculation in History // *The Power of History and the History of Power*. 2021. Vol. 7. № 5 (31). P. 515-524.
22. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Politicization of Images of Everyday History (using the Image of the Gate as an Example) // *The Power of History and the History of Power*. 2021. Vol. 7. № 7 (33). P. 782-791.
23. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Meanings of Closed Borders: Reflections on Quarantine // *Almanac Crimea*. 2020. № 20. P. 11-22.
24. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Environmental meanings of international cooperation: everything secret becomes clear // *The power of history and the history of power*. 2020. Vol. 6. № 1 (19). P. 10-19.
25. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics in a mask // *The power of history and the history of power*. 2020. Vol. 6. № 4 (22). P. 500-511.
26. Ryabova E.L. International round table on the topic "Russian foreign policy in the context of an aggravated international situation" // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2022. № 5 (167). P. 52-55.
27. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // *Almanac Crimea*. 2022. № 31. P. 61-72.
28. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Orthodox foundations of self-identification of Russian Cossacks: history and modernity // *Cossacks*. 2019. № 38 (2). P. 35-44.
29. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Connection of times and meanings: sacred trees // *Mission of confessions*. 2019. Vol. 8. Part 2 (№ 37). P. 133-142.
30. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Italian-Russian Chamber of Commerce: Trade Relations in the Configuration of International Relations // *Mission of Confessions*. 2018. Vol. 7. Part (№ 32). P. 585-595.
31. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of implementation of activities // *The Power of History - History of Power*. 2024. Vol. 10. Part 3. (№ 53). P. 12-21.
32. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening healthcare and ensuring accessibility of medical care // *Culture of the World*. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.
33. Baykhanov, I.B. Young People in the Digital World: Self-Assessment of the Formation of Digital Competencies of Applicants to Moscow Universities // *Mission of Confessions*, 2021. Vol. 10. № 6 (55). P. 615-623.
34. Baykhanov, I.B. Features of Human Resource Management in the Context of Global Change // *The Power of History and the History of Power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
35. Baykhanov, I.B. Features of Human Resource Management in the Context of Global Change // *The Power of History and the History of Power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
36. Bayhanov, I.B. Formation of digital competencies in the context of transformation of educational systems // *Mission of confessions*, 2021. Vol.10. № 7 (56). P. 705-712.
37. Bayhanov, I.B. Geopolitical culture: as you name the ship // *Mission of confessions*. 2021. Vol. 10. № 5 (54). P. 519-524.
38. Ryabova E.L. On the Unity of Education and Upbringing: Institutional Discourse // *Cossacks*. 2023. № 66 (1). P. 11-18.

Аннотации

Рябова Е.Л.
Терновая Л.О.

Санитарный кордон: от медицины к геополитике

На развитие постковидного мира продолжают оказывать влияние реалии того периода, когда усилия мирового сообщества, государств и граждан были сосредоточены на остановке пандемии. Одной из наиболее распространенных и эффективных мер борьбы с заболеванием стала изоляция. Опыт медицинской изоляции исключительно богат и разнообразен. Его яркой формой выступает санитарный кордон, имеющий множество исторических примеров. Данный вид границы, выполняющий фильтрующую функцию, оказался востребован и в геополитике.

Ключевые слова: геополитика, международная система, лимнология, санитарный кордон, медицинская метафора, деглобализация.

Байханов И.Б.

Инженерная культура учителя

Статья посвящена новой и очень важной компоненте педагогической культуры, которая, хотя и присутствовала в ней изначально, долгое время пребывала в своеобразном «спящем режиме». Потребность в разрывании подходов, методов, средств педагогического воздействия на обучающихся с помощью инженерной культуры выступает своеобразным вызовом цифровой эпохи. Однако помимо внешней необходимости в совершенствовании инженерной культуры учителя есть и внутренний запрос, поскольку он лежит в русле тех масштабных трансформаций личности, которые определяют ее коммуникативные возможности. Если переводить эти запросы на личность учителя, то становится очевидным, что без усиления внимания к инженерной культуре они в скором времени не смогут в изменившихся технологических и цифровых реалиях и с новым поколением учеников выполнять свои профессиональные обязанности.

Ключевые слова: научно-технический потенциал, образование, школа, передовые инженерные школы, учитель, инженер, инженерная педагогика, кадровый дефицит.

Рыбаков С.В.
Атманских Е.А.

К вопросу о новых коммуникационных вызовах

Современные информационные технологии, связанные с нарастанием возможностей интернета и социальных сетей, с быстрым увеличением пользовательской аудитории и умножением её коммуникационных возможностей, ставят органы политической власти перед ранее отсутствовавшими вызовами. В этих условиях нужна обновлённая государственная стратегия. Её целью должно стать органичное вхождение органов политической власти в сетевое коммуникационное пространство с целью наладить продуктивный диалог со всем обществом и тем самым обеспечить социальную стабильность и общественную безопасность.

Ключевые слова: новейшие информационные технологии, интернет, сетевые коммуникации, политическая власть, диалог власти с сетевыми пользователями.

Храмцова О.Н.

Внутрифирменные стратегии снижения негативного экологического воздействия производства изделий из кожи

В настоящее время экологическое благополучие России оказывается под угрозой из-за негативного воздействия человеческой деятельности и результатов долгосрочного загрязнения окружающей среды. Значительное влияние на данные тенденции оказывают производственные отрасли, в частности, производство кожи и изготовление изделий из нее. Актуальность данного исследования обусловлена растущими требованиями общества к экологической ответственности бизнеса и усилением законодательного регулирования в сфере охраны окружающей среды. Компании, внедряющие эффективные стратегии по снижению негативного воздействия на экологию, способствуют сохранению природных ресурсов, улучшению качества жизни и получают конкурентные преимущества на рынке. Современные научные разработки и инновационные решения позволяют осуществлять более эффективный мониторинг экологического состояния и открывают новые возможности для повышения экологической устойчивости производственной деятельности субъектов хозяйствования. Объектом исследования являются экологические аспекты организации производства изделий из кожи. Цель исследования заключается в выявлении эффективных внутрифирменных стратегий, направленных на минимизацию негативного экологического воздействия на различных этапах производства изделий из кожи. Методы исследования: анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, индукция, дедукция, аналогия. Научная новизна исследования состоит в

обобщении ключевых экологических проблем при производстве изделий из кожи и обосновании внутрифирменных стратегических подходов по их устранению. Исследование направлено на повышение экологической устойчивости отрасли и формирование экологически ориентированных бизнес-моделей.

Ключевые слова: развитие экономики, производство изделий из кожи, снижение негативного экологического воздействия, экологическая устойчивость отрасли, организация бизнес-процессов, экологически ориентированные бизнес-модели.

Ефремов Н.А.

Поворот на восток: перспективы развития экономики России

В данной статье автором рассматривается принципиальная возможность заимствования Российской Федерацией методов и способов хозяйствования и политического влияния на экономику, используемых в КНР. Анализируется бэкграунд двух государств, уникальность и эффективность примененных в Китае практик и возможность переноса этих методов и вариаций с учетом специфики рынка и политической конъюнктуры РФ. Работа базируется на российских, английских и китайских источниках.

Ключевые слова: Россия, Китай, экономика, политика, реформы, благосостояние.

Бахарев Д.Д.

Государственная жилищная политика в России

в условиях развития системы национального проектирования

В статье рассматриваются приоритетные направления развития государственной жилищной политики в РФ. С точки зрения автора процессный и программный подходы являлись ведущими при реализации стратегии развития жилищной сферы России в начале XXI века. Запуск же национальных проектов в области совершенствования жилой среды следует признать политическим действием, адресованным всем группам населения страны. За последние десять лет в системе национального проектирования жильё заняло ключевые позиции. Общественный запрос на совершенствование механизмов реализации жилищной политики на современном этапе обусловлен двумя факторами. Первый – сложившиеся модели управления развитием социальной инфраструктуры в населенных пунктах России. Второй – «политизация»

перспективных решений в рамках нацпроектов и федеральных программ, использование властными группами жилищной повестки в целях социально политической мобилизации конкретных общественных слоев населения. В статье также анализируется исторический аспект жилищной политики в России.

Ключевые слова: государственная жилищная политика, жилищная сфера, жилая среда, жилищное законодательство, доступное жилье, доходные дома, арендное жилье.

Полянина А.К.

Государственное управление и гражданский активизм в сфере обеспечения информационной безопасности личности

Рефлексия новых опасностей, индуцируемых информационным полем, происходит уже несколько десятилетий. Реагирование на эти опасности и риски, особенно риски, связанные сетевым пространством, выразилось, в частности, в обсуждении и принятии национальной стратегии защиты ребенка в информационной среде, в разработке новой политики информационной безопасности, которая предполагает координацию всех субъектов управления и регулирования информационного пространства, в том числе и участников гражданской активности вне зависимости от форм институционализации. Формулирование проблемы информационных опасностей в отношении личности в целом и здоровья и развития детей в частности как экологических опасностей обусловлено недостатками как государственного регулирования информационного оборота, так и саморегулирования медиаотрасли. Это факторы создания гражданских институтов контроля оборота информации и гражданского активизма в решении проблем информационной безопасности личности.

Ключевые слова: общественный контроль, государственное управление, информационная безопасность, гражданская активность, цифровые риски, факторы гражданского активизма.

Бирюкова А.С.

Мандрук И.В.

Христианство в системе ценностей современного Китая

Статья посвящена проблеме существования христианства в системе ценностей современного Китая. В ходе исследования посредством анализа запросов в поисковой системе Baidu, материалов англоязычных

китайских СМИ, исторических источников, внутривнутриполитического контекста страны и историко-культурных особенностей, связанных с религиозным мировоззрением, рассматриваются культурно-ментальные и политико-идеологические аспекты восприятия христианства в Китае. При взаимодействии разных цивилизаций именно вопросы религии представляются наиболее чувствительными и сложными, поскольку отражают онтологические, философские, ценностные и мировоззренческие представления народов. В этом ключе осмысление китайского опыта взаимодействия с христианством невероятно важно для понимания особенностей культуры Китая и построения конструктивного цивилизационного диалога, а также политического и экономического взаимодействия между Китаем и Россией.

Ключевые слова: Христианство в Китае, религиозный синкретизм, отношения церкви и государства, система ценностей, особенности Христианства в Китае.

Бин Лю

**Развитие и ценностная идентификация фильмов
малочисленных этнических меньшинств провинции
Хэйлуцзян в эпоху новой глобализации**

Уже более 70 лет укрепление чувства общности китайской нации является важной целью в развитии кинематографии китайских этнических меньшинств. Этнические меньшинства, например, монгол, хуэй, тибетцы и дай, достигли успеха как в художественном творчестве, так и в промышленном развитии. Однако малочисленные этнические меньшинства провинции Хэйлуцзян не находят места в существующем этническом кинематографическом ландшафте. Это связано не только с текущей ситуацией развития национальностей, но и с отсутствием точного понимания модернизации общества и активного участия в ней. Поэтому перед лицом новой волны глобализации крайне необходимо своевременно обновлять концепции, стремиться к построению общего видения на уровнях местного, регионального, национального и транснационального взаимодействия и продвигать кинокультуру с открытой и инклюзивной ценностной идентификацией.

Ключевые слова: этнические меньшинства провинции Хэйлуцзян, кино, национальная перспектива, эстетическая субъективность, общественный нарратив.

Бахарев В.В.

Демененко И.А.

Мотивационная политика персонала в стратегии управления человеческими ресурсами

В современных условиях экономического развития и нестабильности социально-экономических систем, перед руководством компаний актуализируются вопросы эффективности управления человеческими ресурсами, в частности построения действенной мотивационной политики персонала. В данной статье представлены результаты оценки реализуемой политики мотивации персонала, а также удовлетворённости сотрудников действующими методами и инструментами мотивации трех компаний строительного сектора экономики г. Севастополя. Сформулированы рекомендации по совершенствованию результативности мотивационной политики компаний с учетом отраслевой специфики.

Ключевые слова: мотивация, персонал, управление персоналом, стратегическое развитие, эффективность.

Бахарев В.В.

Демененко И.А.

Управление человеческими ресурсами в условиях цифровой трансформации бизнеса

Современные трансформационные сдвиги в экономике актуализируют необходимость формирования инновационного подхода к построению системы управления человеческими ресурсами интегрируя инструменты цифровизации бизнес процессов. В статье структурированы основные подходы к управлению человеческими ресурсами и разработана система управления человеческими ресурсами в условиях внедрения цифровых технологий. Автором выделены первичные профессиональные компетенции, необходимые для реализации трудовой деятельности в условиях цифровизации бизнеса.

Ключевые слова: цифровизация, бизнес процессы, управление, персонал, цифровые компетенции, эффективность.

Abstracts

Ryabova E.L.

Ternovaya L.O.

Cordon sanitaire: from medicine to geopolitics

The development of the post-Covid world continues to be influenced by the realities of that period when the efforts of the world community, states and citizens were focused on stopping the pandemic. Isolation has become one of the most common and effective measures to combat the disease. The experience of medical isolation is extremely rich and varied. Its striking form is the cordon sanitaire, which has many historical examples. This type of border, which performs a filtering function, is also in demand in geopolitics.

Key words: geopolitics, international system, limology, cordon sanitaire, medical metaphor, deglobalization.

Baykhanov I.B.

Teacher's engineering culture

The article is devoted to a new and very important component of pedagogical culture, which, although it was present in it initially, was in a kind of "sleeping mode" for a long time. The need to deploy approaches, methods, and means of pedagogical influence on students with the help of engineering culture is a unique challenge of the digital era. However, in addition to the external need to improve the teacher's engineering culture, there is also an internal demand, since it lies in line with those large-scale transformations of the personality that determine its communicative capabilities. If we translate these requests into the teacher's personality, it becomes obvious that without increased attention to engineering culture, they will soon not be able to fulfill their professional responsibilities in the changed technological and digital realities and with a new generation of students.

Key words: scientific and technical potential, education, school, advanced engineering schools, teacher, engineer, engineering pedagogy, personnel shortage.

Rybakov S.V.

Atmanskikh E.A.

On the issue of new communication challenges

Modern information technologies associated with the growth of the Internet and social networks, with the rapid increase in the user audience and the multiplication of its communication capabilities, pose political authori-

ties before previously absent challenges. Under these conditions, an updated state strategy is needed. Its goal should be the organic entry of political authorities into the network communication space in order to establish a productive dialogue with the whole society and ensure social stability and public security.

Key words: latest information technologies, Internet, network communications, political power, dialogue between authorities and network users.

Khramtsova O.N.

In-house strategies for reducing the negative environmental impact of leather production

Currently, the environmental well-being of Russia is under threat due to the negative impact of human activity and the results of long-term environmental pollution. These trends are significantly influenced by manufacturing sectors, in particular leather production and the manufacture of leather products. The relevance of this study is due to the growing demands of society for the environmental responsibility of business and the strengthening of legislative regulation in the field of environmental protection. Companies that implement effective strategies to reduce negative environmental impacts contribute to the conservation of natural resources, improve the quality of life and gain a competitive advantage in the market. Modern scientific developments and innovative solutions allow for more effective monitoring of environmental conditions and open up new opportunities for increasing the environmental sustainability of the production activities of business entities. The object of the study is the environmental aspects of organizing the production of leather goods. The purpose of the study is to identify effective in-house strategies aimed at minimizing negative environmental impacts at various stages of leather goods production. Research methods: analysis, synthesis, abstraction, generalization, induction, deduction, analogy. The scientific novelty of the study lies in the generalization of key environmental problems in the production of leather goods and the substantiation of in-house strategic approaches to eliminate them. The research aims to improve the environmental sustainability of the industry and the formation of environmentally oriented business models.

Key words: economic development, production of leather goods, reduction of negative environmental impact, environmental sustainability of the industry, organization of business processes, environmentally oriented business models.

Efremov N.A.

Eastern turn: the perspectives of development of Russian economy

In this article, the author examines the fundamental possibility of the Russian Federation borrowing methods and methods of management and political influence on the economy used in the PRC. The background of the two states, the uniqueness and effectiveness of the practices used in China and the possibility of transferring these methods and variations, taking into account the specifics of the market and the political situation of the Russian Federation, are analyzed. The work is based on Russian, English and Chinese sources.

Key words: Russia, China, economy, policy, reforms, wealth.

Bakharev D.D.

**State housing policy in Russia
in the context of the development of the national design system**

In this article, we will consider the main directions of the state housing policy in Russia, its effectiveness, problems of implementation and new development mechanisms - the construction of rental housing in the subjects of the Russian Federation for all population groups. The historical aspect of housing policy is analyzed, and the main directions of modern housing policy are formed.

Key words: affordable housing, public housing policy, apartment buildings, rental housing, housing legislation.

Polyanina A.K.

**Public administration and civic activism
in the field of personal information security**

The reflection of new dangers induced by the information field has been going on for several decades. The response to these threats is presented in the form of the adoption of a national policy for the implementation of information security for children, which includes a set of measures to manage and regulate the circulation of information through the coordination of management measures of all subjects, including civil society. The formulation of the problem of information hazards in relation to personality in general and the health and development of children in particular as environmental hazards is due to the shortcomings of both state regulation of information turnover and self-regulation of the media industry. These are factors in the creation of civil institutions for the control of information turnover and civic activism in solving problems of personal information security.

Key words: public control, public administration, information security, civic engagement, digital risks, factors of civic activism.

Biryukova A.S.

Mandruk I.V.

Christianity in the value system of modern China

This article is dedicated to the issue of Christianity's existence within the value system of modern China. Through the analysis of search queries in the Baidu search engine, materials from English-language Chinese media, historical sources, the internal political context of the country, and historical-cultural features related to religious worldview, the cultural-mental and politico-ideological aspects of Christianity's perception in China are examined. When interacting with different civilizations, issues of religion are particularly sensitive and complex as they reflect the ontological, philosophical, value, and worldview representations of peoples. In this regard, understanding China's experience in interacting with Christianity is incredibly important for comprehending the unique aspects of Chinese culture and building constructive civilizational dialogue, as well as political and economic cooperation between China and Russia.

Key words: Christianity in China, religious syncretism, church-state relations, value system, features of Christianity in China.

Bing Liu

The development and value identification construction of films of ethnic minorities with small population in Heilongjiang province in the era of new globalization

Strengthening the sense of community among the Chinese nation has been an important goal in the development of Chinese ethnic minority films for over 70 years. Represented by ethnic minorities such as the Mongolian, Hui, Tibetan, and Dai ethnic groups, fruitful achievements have been made in both artistic creation and industrial development. However, ethnic minorities with a relatively small population in Heilongjiang have not found a place in the existing ethnic film landscape. This is not only related to the current situation of nationalities' development, but also a manifestation of the lack of accurate understanding and proactive participation in the modernization construction of the "community". Therefore, in the face of the new wave of globalization, it is extremely necessary to update our concepts in a timely manner, seek to build a "community" vision at the local, regional, national, and transnational levels

of mutual integration, and promote the practice of film culture with an open and inclusive value identity.

Key words: Heilongjiang ethnic minorities, film, national perspective, aesthetic subjectivity, community narrative.

Bakharev V.V.
Demenenko I.A.

Staff motivation policy in the human resource management strategy

In modern conditions of economic development and instability of socio-economic systems, the management of companies is faced with the issue of effective human resource management, in particular the construction of an effective motivational policy for personnel. This article presents the results of an assessment of the implemented personnel motivation policy, as well as employee satisfaction with the current methods and tools of motivation of three companies in the construction sector of the economy of the city of Sevastopol. Recommendations are formulated for improving the effectiveness of companies' motivational policies, taking into account industry specifics.

Key words: motivation, personnel, personnel management, strategic development, efficiency.

Bakharev V.V.
Demenenko I.A.

Human resource management in the conditions of digital business transformation

Modern transformational shifts in the economy actualize the need to form an innovative approach to building a human resource management system by integrating tools for digitalization of business processes. The article structures the main approaches to human resource management and develops a human resource management system in the context of the introduction of digital technologies. The author has identified the primary professional competencies necessary for the implementation of work activities in the conditions of digitalization of business.

Key words: digitalization, business processes, management, personnel, digital competencies, efficiency.

Авторы

Атманских Е.А. - кандидат философских наук, доцент кафедры креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет.

Байханов И.Б. - доктор педагогических наук, ректор ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный, Чеченская Республика.

Бахарев В.В. - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Бахарев Д.Д. - аспирант кафедры Государственного управления и истории, ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», г. Пермь.

Бин Лю - Хэйхэйский университет, г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян. Центр исследований новой китайской литературы Нанкинского университета, г. Нанкин, провинция Цзянсу, Китай.

Бирюкова А.С. - студент, Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Москва.

Демененко И.А. - кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Ефремов Н.А. - бакалавр, ФГБОУ ВО Владивостокский Государственный Университет, г. Владивосток.

Мандрук И.В. - методист МКУ «Научно-методический центр г. Курска», Старший преподаватель кафедры теологии ФГБОУ ВО КГУ, Курск.

Полянина А.К. - кандидат социологических наук, доцент, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Самарский государственный университет путей сообщения.

Рыбаков С.В. - доктор исторических наук, профессор кафедры креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет.

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Храмцова О.Н. - дизайнер, владелица бренда одежды KseniaLuDesign, Москва – Лос-Анджелес.

Authors

Atmanskikh E.A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Creative Management and Humanities of the Ural State University of Economics.

Bakharev D.D., Postgraduate student of the Department of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University, Perm.

Bakharev V.V., Doctor of sociology, Professor of the Department of sociology and management of Belgorod state technological University.

Baykhanov I.B., Doctor of Pedagogical Sciences, Rector of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Chechen State Pedagogical University”.

Bing Liu, Heihe University, Heihe, Center For research of Chinese New Literature of Nanjing University, Nanjing, China.

Biryukova A.S., 4th-year student of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow.

Demenenko I.A., PhD, Associate Professor, Peoples’ Friendship University of Russia.

Efremov N.A., Bachelor, Vladivostok State University.

Khramtsova O.N., Designer, Owner of the clothing brand KseniaLuDesign, Moscow - Los Angeles.

Mandruk I.V., Methodologist of the Scientific and Methodological Center of the city of Kursk, lecturer of the Department of Theology, Kursk State University, Kursk.

Polyanina A.K., Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Samara State University of Railway Engineering.

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal “Ethnosociety and Interethnic Culture”.

Rybakov S.V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Creative Management and Humanities, Ural State University of Economics.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road State Technical University.

ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения, анализа и апробации журнал проводит конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления) для совершенствования стратегического курса межнациональных отношений, экономики регионов, и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:

etnosocium@mail.ru

Факс +7 (495) 772-19-99

Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.

2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также приставейный библиографический список.

3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах;
- Государственная Дума; Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99, факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи через Объединенный каталог «Пресса России» и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 772-19-99
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н.Э. Архипова
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 9,625